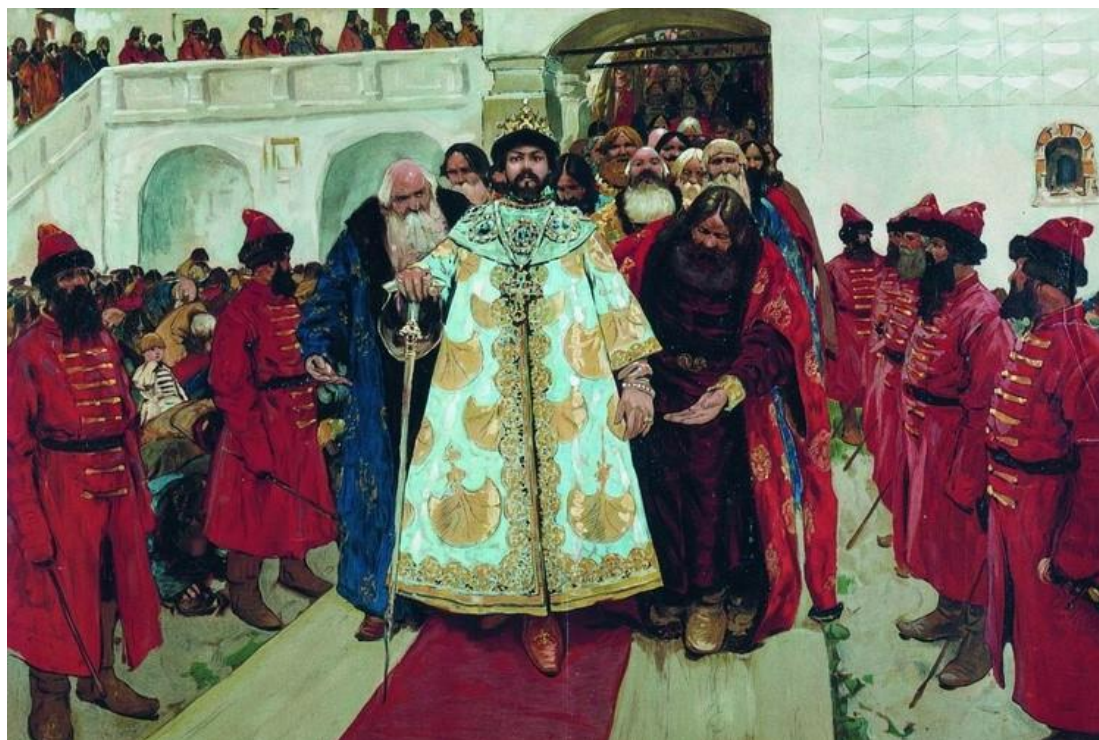

Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History

2022

N 3

Редколлегия:

Dönninghaus V., die Albert-Ludwigs-Universität, Freiburg

Howlett J., University of Cambridge

Khristoforov J., Princeton University,

Kramer M., Harvard University

Szvák Gyula, Eötvös Loránd Tudományegyetem, ELTE

Zubok V., London School of Economics

Belyaev L.A., Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences

Budnitsky O.V., Higher School of Economics University

Zhuravlev S.V., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Zakharov V.N., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Zeina M.R. Independent Researcher

Kondrashin V.V., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Petrov J.A., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Tishkov V.A., Russian Academy of Sciences;

Khlevniuk O.V. Higher School of Economics University

Editor-in-chief Pikhov R.G., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Editorial secretary Mats A.G., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Выпускающие редакторы номера¹ – Л.А. Беляев, Я. Хоултт.

¹ Публикация на сайте «Российской истории» носит предварительный характер. Номер находится в состоянии работы/

Оглавление

- Кучкин В. А. ИРИ РАН* О первом походе Ивана III на Новгород в 1471 году
- Алексеев А.И. РНБ* Заметки о религиозности Ивана III²
- Аракчеев В.А. РГАДА.* Инструменты консолидации Русского государства во второй половине XV в.: фиск, служба, суд
- Беляков А.В. ИРИ РАН.* К организации посольской службы в русских землях в XIII - XVI вв.
- Трепавлов В.В. ИРИ РАН.* Агония «ига». Большая Орда как гаснущая угроза для Московской Руси.
- Корзинин Александр Леонидович, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург).* Итинерарии Соломонии Сабуровой и Елены Глинской³
- А.С. Усачев. РГГУ.* Принципы комплектования церковной элиты в России XVI века: епископат*
- Д.А. Петров. ООО Архитектурные мастерские – Классика.* Вино на пирах московских государей в XVI – XVII вв

² Первый вариант статьи опубликован: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по русской истории. К 80-летию профессора Ю.Г.Алексеева. М., СПб., 2006. С. 187–201.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

Кучкин В. А. ИРИРАН О первом походе Ивана III на Новгород в 1471 году

В правление Ивана III первое военное столкновение Москвы и Новгорода Великого произошло в 1471 г. Очень кратко это событие описано в летописце Н. К. Никольского в статье 6979 года: «Того же лѣта приходиль князь великый Иванъ Васильевичъ к Новугороду ратью и стоялъ на Шолонѣ, а взя окупа 16000 рублевъ»⁴. Летописец Н.К. Никольского был составлен в 50-х годах XVI в. в Новгороде. Очевидно, что к тому времени интерес к событиям восьмидесятилетней давности угас, и о нем было рассказано всего в 20 словах. В более ранних памятниках русского летописания повествования о первом нападении Ивана III на Новгород несравненно подробнее и обстоятельнее, превосходя текст летописца Н. К. Никольского в сотни раз. Остановимся на главных из таких памятников.

Самый значительный и по объему, и по содержанию рассказ о московско-новгородской войне 1471 г. сохранился в Софийской II летописи.

⁴ ПСРЛ. Т. IV . Ч. 1. Вып. 3. М. 2000. С. 609.

Эта летопись была составлена в XVI в. при московской митрополичьей кафедре всея Руси. В данном летописном памятнике нашли отражения мнения русских высших церковных иерархов разного времени о событиях 1471 г., их оценка, поддержка или осуждение действий столкнувшихся сторон. К какому времени следует относить создание такого нарратива: ко времени написания всей Софийской II летописи в целом, т. е. к XVI в., или же к более раннему времени современников событий 1471 г., горячо и пристрастно обсуждавших перипетии войны между Москвой и Новгородом? В одном из разделов статьи 6979 г. Софийской II летописи, в котором осуждались отступники от православной веры, упоминается приверженец изгнанного в свое время из Москвы митрополита Исидора, занимавший в 1471 г. митрополичью кафедру в Киеве Григорий: «Григорей, богоотступныи ученик его (Исидора. – В. К.), еж(е) в Киевѣ н(ы)нѣ зовется митрополитом»⁵. Речь идет о киевском митрополите Григории болгарине, который умер зимой 1472 – 1473 гг.⁶ Зимой на Руси XV в. считалось время с 25 декабря 1472 г. по 31 марта 1473 г. современного летосчисления включительно. Поскольку при написании статьи 6979 г. Софийской II летописи митрополит Григорий болгарин был жив и занимал кафедру Киевской митрополии, то сочинение рассказа о событиях 1471 г., включенного в Софийскую II летопись, надо относить ко времени до зимы 1472 – 1473 гг. Скорее же всего, события 1471 г. были описаны в конце того же года, поскольку автор описания знал не только о том, что киевской митрополией управлял в его время Григорий, но и о том, что в Новгороде и его землях с мая месяца и до сентября 1471 г. не было ни капли дождя⁷. Едва ли такая мелкая подробность могла сохраняться в памяти летописного сводчика в течение многих месяцев.

Сравнение же солнечной погоды в Новгороде в 1471 г. с обычными погодными условиями в этом регионе в предшествовавшие годы указывает

⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М. 2001. Стб. 187.

⁶ Флоря Б. Н. Григорий // Православная энциклопедия

⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 195.

на то, что описание московско-новгородской войны 1471 г., сохранившееся в Софийской II летописи, было составлено в Новгороде. Другим показателем является характеристика главы Новгородской епархии архиепископа Феофила, данная в этом описании. Феофил представлен как объективный и взвешенный церковный деятель, заботившийся о своей пастве-новгородцах, препятствовавший ей переходить в католическую веру. «Пр(е)под(о)бнии ж(е) с(вя)щ(е)нны инок Феофил, нареченны на вл(а)д(ы)чество отец их, – отмечается в Софийской II летописи, – добро соблюдаше их *от* таковая их мысли лукавыя и повелѣша им, яко да престанут *от* таковаг(о) начинания»⁸. Подчеркнута промосковская позиция новгородского архиепископа, об антимосковских же действиях Феофила, пославшего свое митрополичье войско в 1471 г. против Ивана III, ничего не говорится. И в заключительной части статьи 6979 года Софийской II летописи отмечается, что Иван III после победы над Новгородом «пожаловаль», в числе прочих, «б(о)гомолца своег(о) с(вя)щенного инока Феофила нареч(е)ннаго», и на Новгород «гнѣвъ с с(е)рдца сложиль»⁹. С пиететом воспринимает составитель анализируемого рассказа статус великого князя всея Руси Ивана III. Его имя в статье 6979 г. Софийской II летописи пишется, как правило, в форме «къ великому кн(я)зю Ивану Васильевич(ю) всея Рус(и)»¹⁰, «русских земель г(о)с(у)д(а)ря великаг(о) кн(я)зя Ивана Васил(ь)евич(а) всея Руси»¹¹, «великии кн(я)зь Иванъ Васильевич всея Руси»¹². Признание старшего по статусу московского Рюриковича государем русских земель и великим князем всея Руси означает, что составитель статьи 6979 г. Софийской II летописи, будучи новгородцем и человеком, близким к архиепископу Феофилу, являлся сторонником не столько Ивана III, сколько тех жителей Новгорода, которые выступали за сохранение верности московскому великому князю, а не за переход Новгорода под власть польского короля Казимира IV.

⁸ Там же. Стб. 188.

⁹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 205.

¹⁰ Там же. Стб. 183.

¹¹ Там же. Стб. 191.

¹² Там же. Стб. 201.

Вторым памятником русского летописания, возникшем несколько позже первого, является Московский летописный свод 1479 г. В 1949 г. этот свод был издан в XXV томе Полного собрания русских летописей, но не в «чистом» виде, а с продолжением до 7000 года (последнее известие – о смерти 3 мая 1492 г. (эта дата неверна. – *В.К.*) короля польского и великого князя литовского Казимира IV)¹³. Таким образом, при характеристике особенностей рассказа о событиях 1471 г. Московского свода 1479 г. мы будем пользоваться текстом свода 1492 г., его изложением до 1480 г.

В этом тексте обращают на себя внимание нередкие упоминания московского митрополита Филиппа. Многие новгородские люди хотят к Ивану III и «къ отцю его митрополиту Филиппу в православие»¹⁴. Великий князь обращается со своими размышлениями за советами в первую очередь к «отцю своему митрополиту Филиппу и матери своеи»¹⁵. Именно митрополит Филипп и его окружение встречают в Кремле вернувшегося в 1471 г. с победой в Москву Ивана III¹⁶. Поскольку во многих местах текста сообщается о действиях и роли в 1471 г. митрополита Филиппа, умершего 6 апреля 1474 г.¹⁷, можно говорить о том, что рассказ о московско-новгородской войне 1471 г. был написан в Москве лицом, близким к митрополичьей кафедре всея Руси, между августом 1471 г. и началом 1474 г. Уточнить датировку позволяет ремарка Московского свода 1479 г., осуждающая антимосковски настроенных новгородцев: «нынѣ же на послѣднее время за 20 лѣт до скончания седмыа тысящи въсхотѣша отступити за Латынского короля»¹⁸. На Руси в XV в. считали, что в 7000 году от сотворения мира (по Библии) должна произойти его гибель. Летописец полагал, что алогичные действия новгородцев произошли в его время, всего за 20 лет до 7000 года, т. е. в 6980 г. Дата эта обозначает «последнее», самое

¹³ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л. 1949. С. 338.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 285.

¹⁵ Там же. С. 286.

¹⁶ Там же. С. 292.

¹⁷ Там же. С. 300.

¹⁸ Там же. С. 287.

позднее время, когда писал летописец. По современной хронологии это будет 1472 г., который целиком вписывается в более широкие временные рамки, указанные выше.

Церковная окраска рассматриваемого источника отчетливо проступает в описании поведения Ивана III, который перед выступлением в военный поход против Новгорода посетил целый ряд кремлевских храмов. При этом автор статьи 6979 г. Московского летописного свода 1479 г. приписал великому князю несколько высказываний, которые больше характеризуют его самого, а не Ивана III. Показательно, в частности, обращение великого князя к своим предкам, захороненным в кремлевском Архангельском соборе: «молитвою помозите ми на отступающих православья дръжавы вашеа»¹⁹. Тем самым Иван III превращался в главного охранителя веры на землях, принадлежавших его отцу, деду, прадеду, пращур и т. д. Но несколько ранее в статье 6979 г. Московского летописного свода 1479 г. утверждалось, что противниками этого великого князя были новгородцы, проявлявшие «неисправление и отступлень»²⁰. А в начале той же статьи указывалось, что причиной войны Ивана III с Новгородом стали «измѣнники»²¹, т.е. действия новгородцев, составивших пролитовскую партию в Новгороде и ратовавших за переход Новгорода под власть польского короля. Выясняется, таким образом, что в окружении главы русской церкви, жившего в Москве митрополита Филиппа, война Ивана III с Новгородом в 1471 г. объяснялась новгородской изменой, неисправлением многих жителей Новгорода, не воспринимавшим увещательных доводов Москвы, но главным образом их отступлением от православия.

Третьим ранним историческим источником, содержащим уникальные сведения о московско-новгородском столкновении 1471 г., должен быть признан Строевский список Новгородской IV летописи. Строевский список

¹⁹ Там же. С. 287.

²⁰ Там же. С. 286.

²¹ Там же. С. 284.

был составлен в Новгороде в 70 -х годах XV в. Последняя статья летописи датирована 6985 годом и описывает большой пожар в Новгороде, случившийся 21 сентября 1476 г., в результате которого сгорел двор Марфы посадницы, активной участницы событий 1471 г.²². Следовательно, после 21 сентября 1476 г. текст статьи 1471 г. Строевского списка появиться не мог.

Текст этот достаточно обширен, но тем не менее значительно уступает по объему соответствующему тексту Софийской II летописи, меньше его примерно в 7,5 раз. Главный интерес Строевского списка Новгородской IV летописи как исторического источника заключается в том, что он содержит сведения о дипломатической деятельности новгородского пролитовского правительства в условиях войны с Москвой в 1471 г., а кроме того ярко характеризует поведение в военных условиях представителя определенной группы рядового населения Новгорода. Рассмотрение таких конкретных свидетельств будет предложено ниже, в разделе о ходе военных действий между Москвой и Новгородом летом 1471 г. Можно думать, что вся летопись составлялась в окружении главы черного духовенства Новгородской республики настоятеля новгородского Юрьева монастыря.

На этом можно закончить характеристику русских летописных источников, посвященных московско-новгородской войне 1471 г. Но такое решение не означает, что другие летописи, содержащие рассказы о событиях 1471 г., можно оставить в стороне. Они также привлекаются для исследования, из них могут быть извлечены некоторые факты и свидетельства²³, но детальная общая характеристика подобных памятников

²² ПСРЛ. Т. IV. Часть 1. М. 2000. С. 446-449.

²³ Например, в статье 6979 года Ермолинской летописи (летописный свод конца XV в.), представляющей сокращенный пересказ статьи того же года Московского летописного свода 1479 г., указывается, что в Шелонской битве вместе с двумя московскими воеводами пришлось принять участие «княжю Юрьеву воеводѣ Василью Феодоровичю Вельяминову» (ПСРЛ, Т. XXIII. СПб. 1913. С. 159). Князь Юрий – это родной брат Ивана III Юрий Дмитровский. Предки воеводы В. Ф. Вельяминовы были известными московскими боярами. Если показание Ермолинской летописи точное, то это меняет

даваться не будет. Речь идет о таких летописях, как Типографская, Никоновская, Воскресенская – все XVI в., а также о псковских летописях.

Несколько слов надо сказать о том, как оцениваются события 1471 г. в современной исторической науке, главным образом, русской. В 1960 г. в СССР вышла весьма объемная книга Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках». Один из разделов этой книги был посвящен событиям 1471 г. Хотя Л. В. Черепнин знал почти все русские источники, где описывались эти события и говорилось о противостоянии пролитовской и промосковской партий в Новгороде, т.е. о политической борьбе внутри Новгородской республики²⁴, он оценил эти события как яркий пример классовой борьбы в феодальной России. Не устанавливая времени и места происхождения каждого источника, не касаясь его социальной и политической окраски, исследователь соединил в одно целое показания разновременных летописей как ранних (Строевский список Новгородской IV летописи, Московский летописный свод конца XV в. (свод 1479 г.), Софийская II летопись), так и поздних (различные редакции Типографской летописи, Никоновская летопись, Львовская летопись и ряд иных), и стал выстраивать нужную ему картину политической ситуации в крупнейших государствах Восточной Европы в 1471 г.. Основываясь на тексте Софийской II летописи, согласно которому после разгрома новгородских полков Иван III милостиво простил «посадников и тысяцких, и житых, и бояр, и купцов, и черных, весь Великий Новгород», Л.В. Черепнин решил, что в источнике речь идет о черных людях, деклассированной черни, самой низшей социальной категории новгородского общества XV в. Однако черные люди на Руси представляли собой социальную прослойку, близкую прослойке королевских слуг-министериалов в Западной Европе. Они входили в ту же социальную структуру, что и

характеристику битвы на Шелоне, московских войск там было больше. Но скорее всего упоминание В. Ф. Вельяминова в Ермолинской летописи является позднейшей вставкой.

²⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. М. 1960. С. 855, примеч. 2.

тысяцкие²⁵. Это были свободные привилегированные производители, работавшие, как правило, на князей и обеспечивавшие существование этих князей и их семей, а отчасти и их окружения. В XVII столетии большинство населения столичной Москвы составляли черные люди, жившие в черных сотнях и в черных слободах. Едва ли в таких людях можно видеть деклассированную чернь. Новая трактовка Л. В. Черепниным событий 1471 г. оказалась искусственной, она не нашла поддержки в трудах более поздних исследователей.

На следующий год после выхода книги Л. В. Черепнина увидела свет монография ленинградского историка В. Н. Бернадского «Новгород и Новгородская земля в XV веке»²⁶. В. Н. Бернадский был знаком с теми же источниками, что и Л. В. Черепнин, но отношение к ним у него было другим. Из этих источников он извлекал конкретные данные о лицах, участвовавших на стороне Москвы или на стороне Новгорода в войне 1471 г., о численности войск враждующих сторон, о передвижениях полков, мелких и крупных столкновениях, позициях Ивана III и его окружения, поведении короля Казимира IV, православных и католических князей церкви. Вопросы о происхождении таких фактов, когда и где они появлялись, насколько были точны и достоверны В. Н. Бернадского волновали мало. Столкновение Москвы и Новгорода историк оценивал как борьбу двух монолитных центров, порой забывая о том, что речь должна идти о борьбе великокняжеской власти с пролитовской партией в Новгороде, а не со всем Новгородом, большинство населения которого, судя по разным показателям, поддерживало великого князя всея Руси Ивана III, а не короля польского и великого князя литовского Казимира IV. Используя при описании новгородских событий 60-х гг. XV в. как источник Летопись Авраамки, В. Н.

²⁵ Кучкин В. А. Институт тысяцких в средневековой Руси (тезисы) // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Тезисы докладов. М., 1993. С. 46-48.

²⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л. 1961. Книга была издана через два года после смерти ее автора.

Бернадский принимал ее за смоленскую владычную летопись, написанную в 1495 г.²⁷. Позже было установлено, что под одним переплетом книги с Летописью Авраамки механически были объединены две самостоятельные рукописи: написанный на бумаге 60-х гг. XV в. крупным почерком летописный свод новгородского архиепископа Ионы (существование такого свода В. Н. Бернадский решительно отвергал), кончавшийся статьей 6977 года (1469), и две тетради, написанные на более поздней бумаге мелким почерком с записью о том, что текст тетрадей написан «многогрѣшным» Авраамкой по поручению смоленского епископа Иосифа в 1495 г. Сказанное меняет отношение к Летописи Авраамки, делая ее сообщения более ранними и более определенными по месту своего происхождения. В. Н. Бернадский же относился к свидетельствам Летописи Авраамки несколько скептически, не всегда им доверяя, и потому, видимо, не обратил внимания на сообщение этой летописи под 6968 годом, согласно которому «той же зимы възбуяшася Псковници в нестройнѣ умѣ, наша братіа мнимая, по нашимъ грѣхомъ задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове, утаився своего брата старѣйшаго Великаго Новагорода»²⁸. Тайный переход Пскова под власть московского великого князя по данным других источников произошел в конце 20-х чисел января – первых чисел февраля 1460 г.²⁹. Указание на зиму 1460 г. Летописи Авраамки (свода 1469 г.) оказывается достоверным. Следовательно, к началу 1471 г. юго-западные земли

²⁷ Ср. ПСРЛ. Т. XVI. СПб. 1889. С. (3).

²⁸ ПСРЛ. Т. XVI. СПб. 1889. Стб. 202. То, что Псков был присоединен к московским владениям не в 1510 г., как считается в современной исторической науке, а раньше, свидетельствует и одна из статей завещания Ивана III, составленного в 1503 г.: «Да с(ы)на же своез(о) Василь(а) бл(а)гословляю своею *wt*чиною, даю ему город Псков и з города, и с волостьми, и з селы, и всю землю Псковскую»²⁸.

²⁹ Псковские летописи. Вып. I. М.;Л. 1941. С. 57 – 58. Великий князь Василий II приехал из Москвы в Новгород 20 января 1460 г. Через некоторое время в Новгород отправилась псковская миссия на переговоры с Василием II. Когда переговоры закончились, псковичи стали просить теперь уже своего великого князя оставить наместником в Пскове литовского князя Александра Васильевича Чарторыйского. Василий II согласился, но при условии, что тот «поцелуетъ животворящий крестъ ко мнѣ, князю великому, и къ моимъ дѣтямъ, великимъ княземъ, что ему зла на мене и моих детей не мыслити». Однако князь Чарторыйский отказался от такого целования и 10 февраля 1460 г. покинул Псков.

Новгородской республики уже 11 лет находились под властью московских великих князей, облегчая им борьбу за земли «старшего брата» Пскова – Новгорода и его обширных волостей. Такие важные свидетельства источников XV в. В. Н. Бернадский просто просмотрел. Однако договор 1471 г. между пролитовским правительством Новгорода и королем польским и великим князем литовским Казимиром IV, о котором речь пойдет ниже, он считал вполне реальным, как и последствия этого договора. «Договором 1471 г., – писал В. Н. Бернадский, – новгородские изменники-бояре порывали исконную политическую связь Новгорода с Великороссией и входили в систему Польско-Литовского государства»³⁰.

С 80-х гг. XX в. начали публиковаться работы В. Л. Янина, посвященные истории Новгорода и Новгородской республики в XV в. В небольшой статье «Падение Новгорода» исследователь обрисовал положение Новгорода в 1471 – 1480 гг., от начала противостояния с Москвой до полного перехода Новгородской республики под власть Ивана III. По мнению ученого, поражения новгородцев от московских войск последовали потому, что «не последнюю роль сыграло нежелание изверившихся в боярской власти новгородцев воевать против великого князя»³¹. На первый взгляд кажется, что перед нами серьезное и взвешенное заключение. Но как быть с ранним свидетельством Софийской II летописи, согласно которому «в та ж(е) времена великъ мятежъ в них (новгородцах. – В. К.) быс(ть) меж(и) собою, и многи бои ми*ж* ими бяше, овии бо хотяху за великаго кн(я)зя, инии *ж*(е) мнози за короля»³²? Или Иван III совершенно не разбирался в том, с кем он воюет: со своими сторонниками или со своими противниками? В 1471 г. Иван III вел войну не с новгородскими боярами, а лишь с теми из них, кто выступал за присоединение Новгорода к Польско-Литовскому государству. В Новгороде жили люди, которые твердо выступали на стороне Москвы,

³⁰ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 270.

³¹ Янин В. Л. Падение Новгорода // Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. 2013. С. 343.

³²ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 171.

старинные и привычные отношения с которой были им куда дороже нововведений польского короля. И это важное обстоятельство всегда учитывал Иван III, действуя в 1471 г. не только против антимосковски настроенных новгородских бояр, но и против занимавших в то время антирусскую позицию властей Ливонского Ордена и хана Большой Орды Ахмата.

Конкретные события 1471 г. были описаны В. Л. Яниным по поздней Никоновской летописи³³. Более ранние нарративы XV в. почему-то были оставлены в стороне. Сравнивая события 1471 г. между собой, В. Л. Янин обратил внимание на то, что в летописи эти события описаны в разных годовых статьях и их хронологическая последовательность возбуждает сомнения. Так, приезд в Новгород представителя польского короля Казимира IV киевского князя Михаила Олельковича (Александровича) датирован в летописи 1470 г., а договор Новгорода с Казимиром IV мог быть оформлен, по мнению В. Л. Янина, только после 15 ноября 1471 г.³⁴. На каких же правовых основаниях служивший литовскому правителю киевский князь Михаил Олелькович во главе большого сопровождения смог посетить Новгород в 1470 г.?³⁵ Такие противоречивые показания источников не стали предметом рассмотрения В. Л. Янина, как и вопрос о том, являлся ли договор Новгорода с Казимиром IV реальным соглашением о переходе Новгородской республики под власть польского короля, или же это был лишь проект, так и не воплощенный в жизнь. Хотя В. Л. Янин уверенно писал о том, что причиной столкновения между Новгородом и Москвой в 1471 г. послужил религиозный разлад, ни один источник не сообщает о перемене веры хотя бы одним из сторонников московского великого князя Ивана III или же одним из сторонников польского короля. Единственным источником, правильно называющим причину конфликта между Москвой и Новгородом, является

³³ Янин В. Л. Падение Новгорода. С. 343 - 344. Примеч. 3 -6.

³⁴ Там же. С. 342.

³⁵ ПСРЛ. Т. IV. М. 2000. С. 446.

наиболее ранний памятник того времени – Софийская II летопись. Там сообщается, что причиной конфликта стал отказ новгородцев выплачивать Москве черный бор – ордынский налог, налагавшийся сначала каракорумскими, а затем сарайскими ханами на подвластные им русские земли. «А н(ы)нѣче ноугородстии мужие ... пошлинь не *отдают*» – констатировала Софийская II летопись³⁶.

Составитель новгородского архиепископского свода 1469 г., освещая события начала 60-х гг. XV в. и первых 7 лет правления Ивана III, нередко останавливался на описаниях новгородско-московских противоречий. Их начало он вел с 1461 г., когда великий князь Василий II потребовал от новгородцев уплаты черного бора: «Той же зимы даша Новгородци князю великому Василью Васильевичу на хрестьянахъ черный боръ»³⁷. Сохранилась новгородская вечевая грамота, разрешавшая великому князю Василию Васильевичу собирать «черный боръ на сеи годъ» со всех новоторжских волостей, принадлежавших Новгороду Великому³⁸. Первоначально грамота датировалась широко – временем между 1448 и 1461 гг. Однако в 1991 г. В. Л. Янин установил, что грамота должна датироваться 1461 г.³⁹ Дату можно уточнить. Новгородский свод 1469 г. помещает сообщение о даче новгородцами права собирать черный бор великому князю Василию II после описания события, случившегося 15 февраля 1461 г., и до описания события, датированного 13 марта 1461 г.⁴⁰. Следовательно, согласно этим показателям, новгородская вечевая грамота была составлена между 15 февраля и 13 марта 1461 г. Если же принять во внимание то обстоятельство, что Василий II вернулся из Новгорода в Москву 9 марта 1461

³⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб.

³⁷ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 204.

³⁸ ГВНП. № 21. С. 38-39.

³⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII – XV вв. Хронологический комментарий. М. 1991. № 107. С. 183-184.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 204-205.

г.⁴¹, пробыв в пути примерно 2 недели⁴², то время выдачи грамоты сокращается до 9 дней: между 15 и 23 февраля 1461 г. Срок действия грамоты истекал через год, т. е. 15 – 23 февраля 1462 г. Примерно в это время в Москве шла борьба за жизнь смертельно больного великого князя Василия II. Между 6 и 12 марта 1462 г. этот князь, будучи «в своем животѣ и в своем смыслѣ», составил свое завещание (т. н. «большую грамоту»), в котором отбирал у своей жены ряд волостей и сел, приобретенных ею даже на свои собственные средства. Он мстил ей за то, что она не позволяла ему лечиться так, как он считал нужным. А примерно 2 недели спустя Василий II, оставшись только «в своем смыслѣ», написал второе завещание (т. н. «приписную грамоту»), в котором он возвращал жене отнятые было у нее владения⁴³. 27 марта 1462 г. Василий II умер. Переключением внимания московского правительства с других дел на здоровье великого князя Василия Васильевича, скорее всего, и воспользовались новгородцы, отказавшиеся выполнять последнее соглашение с умирающим князем – выплатить Москве черный бор.

Москва же требовала исполнения условий прежних договоренностей. Новгородский владычный свод 1469 г. сообщает об отбытии из Новгорода 22 декабря 1462 г. большого посольства в Москву во главе с архиепископом Ионою, тремя посадниками и двумя житьими людьми «о смирении мира», не называя причин размирья. Посольство было принято Иваном III, его братом дмитровским князем Юрием и митрополитом Феодосием на самом высоком уровне, длительное время провело в Москве, вернувшись в Новгород только 9 февраля 1463 г., но успеха не добились. «А о блазень миру не успѣша ничто же» – подводил итог новгородский

⁴¹ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л. 1949. С. 276. Василий II вернулся в Москву «на память святыхъ мученикъ 40, иже в Севастии».

⁴² В 1478 г. Иван III, выехав из Новгорода 17 февраля, 5 марта уже был в Москве, хотя и ехал с остановками. См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 323. В 1496 г. Иван III выехал из Новгорода 10 марта и приехал в Москву 24 марта. См.: ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М. 2001. Стб. 346.

⁴³ Кучкин В. А. Завещание Василия II и приписная к нему грамота // Труды Института Российской истории. Вып. 15. М. 2019. С. 21-35.

летописец⁴⁴. До самого начала 70-х гг. XV в. Москва и Новгород стояли на своих позициях, укрепляя отношения со старыми союзниками и изыскивая себе новых.

Для Новгорода, за власть над которым боролись две группировки новгородцев, пролитовская и промосковская, вопрос о выплате ордынской дани играл существенную роль. Сторонники польского короля были против уплаты ханского налога. В договоре с королем Казимиром IV они соглашались только на одноразовую, но не постоянную, его выплату⁴⁵. И в этом они могли рассчитывать на поддержку своей политики всего Новгорода, и пролитовского, и промосковского. Сохранившиеся исторические источники не раскрывают, как относилась к таким вопросам Москва, но сообщают, что Иван III был готов к изменениям экономического характера. «Но еще и жаловати вас хочю, свою отчину»⁴⁶ – обращался он к новгородцам.

Главным противником Ивана III выступал король польский и великий князь литовский Казимир IV. Многие летописи сообщают о том, что как только в Новгороде скончался новгородский епископ Иона (8 ноября 1470 г.), пользовавшийся большим авторитетом и влиянием, к новгородцам от короля Казимира прибыл киевский князь Михаил Олелькович (Александрович): «А корол(ь) имь дасть кн(я)зя Михаила Олельковича Киевскаго. Княз(ь) же Михаило вѣѣха в Новгород, и приаша его ноугородцы с великою ч(е)стию»⁴⁷; «король же ... князя посла к ним Михаила Олелкова сына Киевского. Новгородци же приаша его честнѣ»⁴⁸. Киевский князь по женской линии приходился двоюродным братом Ивану III. Встречаясь с процитированными текстами и не сравнивая их с другими, многие

⁴⁴ Там же. Стб. 211-212. «Блазий мир» - скорее всего «благой мир». См.: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб. 1893. Стб. 112 («блзѣ»).

⁴⁵ ГВНП. № 77, С. 132.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 285.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 170.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 285.

исследователи полагают, что речь идет о приезде в Новгород высокого лица, которое от имени короля Казимира вело переговоры с верхами новгородского общества. Такие суждения имеют некоторые основания. Известно, например, о беседах Михаила Олельковича с Марфой Борецкой. Овдовевшей посаднице, женщине строгой и властной, киевский князь пообещал мужа из числа знатных польских панов, который будет управлять всеми новгородскими землями вместе с нею⁴⁹. Показательно при этом, что сам Михалко таким управителем себя не видел. Однако обращение к псковским летописям показывает, что суть дела заключалась в ином. В псковской III летописи сообщается, что Михаил Олелькович приехал в Новгород не один, «а с ним на похвалоу людеи много силно»⁵⁰. Такое количество людей, направленных в большой и бурлящий город, означает, что среди них были войска. Судя по всему, Михаил Олелькович прибыл в Новгород для того, чтобы возглавить новгородский гарнизон, усиленный боевой литовской конницей. По летописным данным князь Михаил пробыл в Новгороде 4 месяца и 8 дней. Получив известие о смерти старшего брата Семена, правившего в Киеве, он вместе со своим войском 15 марта 1471 г. покинул Новгород для решения наследственных вопросов.

За время пребывания Михаила в Новгороде сторонникам польского короля удалось перевести новгородских наместников Ивана III из Новгорода в Рюриково Городище, расположенное в 4 км к югу от Новгорода. Главный наместник Ивана III в Новгороде князь Василий Федорович Шуйский был лишен своей должности и переведен в Заволочье. Теперь объектом его управления стали земли по Северной Двине. Кроме перевода администрации Ивана III на новые места в Новгородской республике была осуществлена конфискация всех владений Ивана III и его братьев в Новгороде и

⁴⁹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М. 2001. Стб. 185.

⁵⁰ Псковские летописи. Вып. 2. М. 1955. С. 172.

Новгородской земле⁵¹. Таков был итог пребывания в Новгороде двоюродного брата Ивана III.

Но при Михаиле Олельковиче в Новгороде произошел и другой показательный случай. Через несколько дней после избрания новгородским архиепископом Феофила «Великой Новъгород ключника владычня Пимина великим, сильным избежестовавъ бесчестиемъ, на крѣпости издержавъ, самого измочивъ, и кажноу вшоу в него розграбили, и кончее самого на 1000 рублиевъ тѣлом его продали»⁵². Это тот самый Пимен, с которым шушукалась Марфа Борецкая относительно расходования киевских денег, кого на них подкупить и за сколько. Расправа с Пименом, одним из главных пролитовских лидеров, свидетельствует о том, что в Новгороде существовала очень сильная партия сторонников Москвы, которая не пугалась действий своих политических оппонентов и готова была постоять за себя в случае агрессивных действий ратников князя Михаила Олельковича.

Точнее других летописных сводов оценивает итоги деятельности этого князя псковское летописание: «А Новоугородоу было истомно силно кормъ и вологою и великими дарми, а онъ, еще как едя от нихъ, и приехавъ въ Русоу, оброки вся пограби силою, а от Роусы к рубѣжю едя, вся поспу и живот и головы воиною великою пограбивъ, с собою животы повеже, а головы поведе и до самого рубѣжа»⁵³. Жители Русы и соседних пограничных новгородских волостей получили наглядный пример того, как будут управлять ими знатные русские люди, поставленные королем Казимиром IV на административные посты в Новгороде и его волостях, если последние присоединятся к Польско-Литовскому государству.

Активными противниками Ивана III выступили представители некоторых новгородских знатных семей. Особенно следует отметить

⁵¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 201.

⁵² Псковские летописи. Вып. 2. М. 1955. С. 172-173.

⁵³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 175. Вместо чтения «кормъ» правильнее было бы написать «кормомъ».

наследников знаменитого новгородского посадника Исаака Андреевича Борецкого его вдову Марфу и сыновьей Дмитрия и Федора⁵⁴. Это была богатая и сплоченная боярская семья. Когда, как отмечалось ранее, в 1476 г. в Новгороде сгорел двор Марфы Борецкой, то в Синодальном списке Новгородской IV летописи, близком к Строевскому списку, было отмечено, что сгорел «чюдный дворь»⁵⁵. Глава семьи Исаак Борецкий, как установил В. Л. Янин, впервые выбирается в новгородские посадники до 1428 г., а умирает в 60-е гг. XV в.⁵⁶. Сохранилась договорная грамота 1439 г., согласно которой посадник Новгорода Исаак Андреевич запрещал немецким купцам покидать Новгород до возвращения из Таллинна и Тарту русских купцов. Новгородское правительство опасалось, что ранний отъезд из Новгорода иноземных торговцев может повлечь за собой неоправданный арест в Прибалтике русских купцов вместе с их товарами. Наличие же в Новгороде иностранцев позволяло новгородскому правительству в случае применения к их торговцам в Прибалтике необоснованных акций сразу же ответить подобными акциями по отношению к немецким гостям. Так было в 1439 г. В 1453 г. Исаак Борецкий имел беседу, скорее всего, секретную, с приехавшим в Новгород из Москвы дьяком Стефаном Брадатым. Стефан Брадатый был доверенным лицом великого князя Василия II. После встречи с Борецким Стефан покинул Новгород и вернулся в Москву. Борецкий же сумел подкупить повара проживавшего в Новгороде бывшего великого князя всея Руси Дмитрия Шемяки Поганку, и тот подложил яд, который привез с собой дьяк Стефан, в курицу, приготовленную для своего князя. Отведав ее, Шемяка через несколько дней скончался. Новейшие исследования подтвердили правильность приведенных сведений. В новгородском Софийском соборе были обнаружены останки Дмитрия Шемяки, перенесенные в XVII в. в главный новгородский храм из Юрьева монастыря. Останки оказались мумифицированными

⁵⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 174, 202; ПСРЛ. Т. XXV. С. 289.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. IV. М. 2000. С. 450, вар. 6.

⁵⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. Издание второе. М. 2005. С. 506.

ми, а в костях и тканях был обнаружен мышьяк — наиболее распространенный в средневековье яд, с помощью которого устраняли врагов, соперников или вообще неугодных людей⁵⁷. Московские Рюриковичи со второй четверти XV в. отчаянно воевали между собой, захватывали близких родственников в плен, сажали их в тюрьмы, повреждали и даже выкалывали глаза, но никогда не пытались лишить друг друга жизни. В 1453 г. новгородский боярин решил, что он может распорядиться судьбой человека, бывшего в течение нескольких лет великим князем всея Руси и не испытывавшего к первому административному лицу Новгородской республики никакой вражды.

После смерти Исаака Борецкого у его жены Марфы остались многочисленные села, располагавшиеся по берегам Северной Двины, небольшие земельные участки у Белого моря близ Соловецкого монастыря, но главное — 714 деревень и сел в новгородской части Бежецкого Верха, будущих новгородских Деревской и Обонежской пятинах с 1458 крестьянскими дворами. Марфа была тесно связана с окружением умершего 8 ноября 1470 г. новгородского архиепископа Ионы. Через это окружение Марфа получала деньги от киевского митрополита и тратила их на подкуп нужных людей, приходивших на вече и громогласно требовавших перехода Новгорода под власть польского короля.

Старший сын Марфы Дмитрий был избран новгородским степенным посадником в предгрозовое время — в феврале 1471 г. Уже через несколько месяцев он возглавил вооруженную борьбу новгородских сторонников польского короля с Москвой. Но попал в плен к московским воеводам и был обезглавлен.

⁵⁷ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910. С. 155; Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 105-111.

Кроме семьи Борецких, новгородские и московские памятники летописания называют еще трех лиц, которые твердо стояли за вхождение Новгорода в состав Польско-Литовского государства. Московский летописный свод 1479 г. упоминает Василья Губу Селезнева, Еремея Сухощека, Киприана Арзубьева⁵⁸. Строевский список Новгородской IV летописи уточняет отчества и социальный статус этих лиц: Василий Иванович, Киприан Сергеевич, Еремия – владычень чашник. К тому же все они названы боярами⁵⁹. Однако В. Л. Янин выяснил, что только два человека из этого перечня были новгородскими боярами и примерно в одно и то же время избирались в новгородские степенные посадники. Это Дмитрий Борецкий и Василий Губа Селезнев⁶⁰. Два других лица, Еремей Сухощек и Киприан Арзубьев, принадлежали к другой, не столь высокой, но достаточно влиятельной прослойке жителей Новгорода – житьим (зажиточным) людям. Кроме того Еремей поддерживал связи с новгородской епархиальной кафедрой, будучи во времена новгородского архиепископа Ионы его чашником. Как ни странно, духовенство Новгородской епархии вынашивало планы перехода от контроля находившегося в Москве митрополита всея Руси под эгиду митрополита Киевского и всея Руси. Так, Пимен, ключник скончавшегося новгородского архиепископа Ионы⁶¹, ведавший имуществом и доходами всей Новгородской епархии, а потому очень богатый, не стеснялся получать деньги от киевского митрополита Григория и открыто делился своим желанием возглавить новгородскую архиепископскую кафедру. Первая попытка стать новгородским архиепископом закончилась для Пимена поражением. Он уступил Феофилу. Разные позиции новгородского православного духовенства, возможно, объясняются тем, что, согласно Софийской II летописи, московский митрополит Филипп в Новгород «посла своего посла, возлагая на них отлучение и

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 290.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. IV. С. 447.

⁶⁰ О Василии Губе Селезневe см. Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 503. Но отчества этого посадника В. Л. Янин не дает.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 223-224.

неблагословение»⁶². Даже если такие отлучение и неблагословение распространялись не на всех новгородцев, а только на новгородцев-мирян, закрытие церквей для последних больно ударяло по новгородскому белому духовенству, которое лишалось платы от мирян за проводимые церковные службы. Для многих представителей этого духовенства лучше было служить киевскому митрополиту, но сохранять за собой полагавшиеся по их статусу средства. .

С другой стороны, есть свидетельства и иного рода. В Строевском списке Новгородской IV летописи сохранилось известие о том, как некий новгородец Упадыш «перевѣтъ держаль на Новѣгородъ и хотѣлъ зла Великому Новуграду съ своими единомысленики: 5 пушокъ жѣлезомъ заколачиваль... »⁶³. Чтобы забить пушки железом, надо было иметь нужные материалы и специальные инструменты. Судя по всему, они у Упадыша были, а сам он принадлежал к числу известных и зажиточных новгородских ремесленников, которые были недовольны политикой, проводившейся пролитовской партией, и желали поражения Новгороду в его войне с Москвой. За порчу пушек Упадыш был арестован, а затем казнен. Новгородский летописец обвиняет его в том, что он «хотѣлъ зла Великому Новуграду», но не говорит, чего Упадыш хотел Москве. А по логике его действий он хотел ей успехов, сохранения старых отношений с Новгородом. При этом Упадыша нельзя считать креатурой Москвы. Иван III не сделал ничего, чтобы спасти ему жизнь.

Приведенные эпизоды из новгородской жизни весны-лета 1471 г. показывают, в какой напряженной обстановке жило в те месяцы новгородское общество. Оно делилось не только на сторонников великого князя всея Руси Ивана III и сторонников польского короля Казимира IV, но и дробилось на более мелкие социальные группы (различные категории духовенства, разнообразные слои ремесленников), которые требовали

⁶² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 170.

⁶³ ПСРЛ. Т. IV. Часть 1. Вып.2. Л. 1925. С. 447.

удовлетворения своих интересов, но не могли его получить от захватившего власть пролитовского правительства.

Зная о непримиримых противоречиях в новгородском обществе, твердом решении части этого общества отдать Новгород под власть польского короля, Иван III после совета со своими родственниками и служившими ему князьями решил начать с Новгородом войну.

Обычно считается, что война Ивана III с Новгородом началась 23 мая 1471 г., когда Иван III во главе большого войска выступил из Москвы походом на Новгород Великий. «23 мая 1471 г. Иван III возвестил о своем намерении расправиться с Новгородом» – пишет В. Л. Янин⁶⁴.

В настоящее время обнаруживается связь начала войны Москвы с Новгородом с нападением вятчан на ордынскую столицу Сарай в том же 1471 г. Рассказывая об этом событии, летописи не дают его точной датировки. И в других русских исторических источниках последней трети XV – первой половины XVI в. нет ничего, что помогло бы пролить свет на время этого нападения. Поэтому приходится прибегать к данным не раннего нового времени, а использовать современные показатели.

В 2014 г. член Королевского географического общества Британии Марк Калч прошел на байдарке по р. Волге от ее истока до впадения в Каспийское море. Плавание заняло 71 день. Общая протяженность Волги составляет 3530 км. Длина Волги от истока до устья Камы, которое должны были проходить в 1471 г. вятчане, чтобы попасть из р. Вятки в Волгу, равна 1390 км. Следовательно, от устья Камы до Каспийского моря протяженность Волги составляет 2140 км. Эту протяженность надо увеличивать в 2 раза, поскольку вятчане в 1471 г. не только спускались по Волге, чтобы напасть на Сарай, но и подымались по ней, чтобы оказаться дома. Формула $3530 \text{ км} : 71 \text{ день} = 4280 \text{ км} : x$ позволяет вычислить этот x . Он будет равен 86 дням, т. е. около 3

⁶⁴ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. С. 343.

месяцев. Если вятчане приняли участие в Двинской битве 27 июля 1471 г., то отплыть для захвата ордынского Сарая они могли уже в апреле 1471 г.

Неожиданное нападение вятчан на Сарай в 1471 г., единственное за все время господства монголов над Русью, оказалось очень удачным. Хан Ахмат ушел кочевать, и его столица осталась без военного гарнизона. Этим и воспользовались вятчане. Они захватили Сарай и стали его опустошать, «много товара взяша и плѣн мног поимаша» и сразу же поплыли назад. Ахмат кочевал в одном дневном переходе от города. Когда он узнал о дерзком ограблении своей столицы русской ратью, то немедленно пустил большую часть своего конного войска по левому берегу Волги, надеясь где-то перехватить нападавших, а вход в р. Волгу из ее многопроточного устья запер своим речным флотом. Расчет делался на уничтожение всех вятчан. Но вятчане оказались людьми не робкого десятка. Они разгромили ордынский флот и со всеми своими трофеями пошли дальше вверх по Волге. У Казани их ждал новый речной заслон – боевые ладьи Казанского ханства. Но и этот флот был разгромлен вятчанами, которые после новой победы спокойно добрались до родных мест⁶⁵. Следует иметь в виду, что по завещанию Василия II Вятка, как единое целое, была отдана его старшему сыну Ивану⁶⁶. Следовательно, вся операция 1471 г. против Сарая была организована Иваном III, им намечена, спланирована и осуществлена. В связи с этим может быть поставлен вопрос о причинах двух волжских побед вятчан: не были ли их ладьи оснащены огнестрельным оружием, пищалями или даже легкими полевыми орудиями? Впрочем, это только вопрос. Вообще же Иван III добился своей главной цели – продемонстрировать хану Ахмату, что если успешное нападение на его столицу возможно при ее оставлении ханом на 1 день пути, то что же будет, если хан оставит столицу на 20 – 30 дней и уйдет воевать с далекой Москвой? Наглядный урок был преподан и понят противной стороной. Хан Большой Орды Ахмат уклонился от походов и

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 291.

⁶⁶ ДДГ. № 61. С. 194.

столкновений, имевших место в 1471 г. Но в 1472 г. он отомстил Ивану III за нападение на Сарай.

Что касается другого объекта нападения Ивана III – Новгорода, то московский великий князь начал направлять против него свои войска с весны 1471 г. Первыми в поход пошли полки под командованием двух талантливых полководцев Ивана III: князя Дмитрия Даниловича Холмского и князя Федора Давыдовича Стародубского Пестрого. Они выступили из Москвы «за нед(е)лю до Петрова заговейна», т.е. 3 июня, и должны были идти к г. Русе. Их войско насчитывало 10000 человек.⁶⁷ Князь Иван Стрига Васильевич Оболенский «со ц(а)р(е)вичевыми татараы» был направлен «по Мстѣ вверх»⁶⁸. То был самый короткий путь к Новгороду из Северо-Восточной Руси. Князь Иван Оболенский должен был остановиться между верховьями рек Тверцы и Мсты, чтобы контролировать путь из Новгорода к Волге. Братья Ивана III должны были двигаться каждый из своих уделов к западным рубежам Новгородской республики, беспощадно разоряя и уничтожая по пути ее сельские поселения: Юрий – из Дмитрова, Андрей Большой – из Углича, Борис – из Волока Ламского, их близкий родственник князь Михаил Андреевич – из Вереи. Сам Иван III выступил в поход из Москвы, «уговѣвъ Петрова говѣина двѣ н(е)д(е)ли»⁶⁹, т.е. 24 июня. В Москве были оставлены сын Ивана III великий князь Иван Иванович Молодой и брат Ивана III вологодский князь Андрей Меньшой⁷⁰.

Вторгшиеся в новгородские пределы московские войска располагались так, чтобы контролировать южные новгородские рубежи. С одной стороны, это позволяло предупредить возможное движение литовских войск с юга на соединение с новгородскими силами, с другой – движение с севера новгородцев на ставшие московскими псковские земли. Поэтому в военных

⁶⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 171.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 290.

планах Ивана III большая роль отводилась р. Шелони. Начинаясь севернее Пскова, эта река протекала затем по новгородским землям, а после того с юго-запада впадала в озеро Ильмень, пересекая которое и входя в р. Волхов, можно было добраться до самого Новгорода. За 19 км до устья Шелони в эту реку с левой стороны впадала р. Мшага, которая наполняла Шелонь водой и делала плавание по ней на протяжении последних 19 км ее течения удобным даже для больших речных ладей. Московские войска заблаговременно заняли позиции и на правом, и на левом берегах Шелони. На правом берегу Шелони расположилась основная часть русской конницы, на левом – другая часть, а вверх по реке в укромном месте была скрыта татарская конница. Командовавшие этими силами московские воеводы заранее получили известия о том, что новгородцы, собрав свои войска, посадили их в ладьи и отправили к устью Шелони⁷¹. По свидетельству Софийской II летописи в поход поплыла 30-тысячная новгородская рать⁷². Она высадилась на левый берег р. Шелони близ села Сольцы. Построившись в боевые порядки, новгородцы ударили по московским полкам. Москвичи сначала оказали упорное сопротивление, но не выдержав нараставшего натиска, обратились в бегство. И тут московская конница, стоявшая на правом берегу Шелони, словно гора при землетрясении, скатилась вниз к Шелони, перешла реку и вступила в бой. В наступление пошла и припрятанная конница татар⁷³. Передовые ряды новгородцев остановились, дрогнули и побежали назад. Навстречу им бежали их наступающие соратники. Столкновение было неизбежным. В итоге ряды новгородцев

⁷¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 197.

⁷² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 196.

⁷³ Строевский список Новгородской IV летописи сообщает, что на ранней стадии Шелонской битвы «оударилася на Новгородцевъ западнаа рать Татарове» (ПСРЛ. Т. IV. С. 446-447.). «Западнаа рать» - невидное, скрытое войско. Известно также, что идя к Новгороду, Иван III «послал в Поле Микиту Беклемишева искати царевича Муртозы Мустофина сына, звати его к себѣ служити. Никита же нашел его в Поле и перезва его к великому князю, и поиде с ним к сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новагорода» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 291). Такие распоряжения Ивана III объясняются, видимо, тем, что в Шелонской битве некоторые союзные Москве татарские части понесли достаточно серьезные потери и их надо было заменить более боеспособными войсками.

смешались, они понесли тяжелые потери от своих преследователей, 2000 человек из новгородских сторонников польского короля были взяты в плен, в том числе их главные руководители⁷⁴. Пролитовская партия новгородцев, пришедших сражаться с москвичами, обвиняла в поражении промосковскую, а та – сторонников польского короля. Словесные обвинения и оскорбления сменялись вооруженными столкновениями. По подсчетам составителя Московского летописного свода 1479 г. в таких яростных стычках погибло 12000 новгородцев⁷⁵.

После горького и очень тяжелого поражения 14 июля 1471 г. на р. Шелони пролитовское правительство Новгорода решило продолжить войну с Москвой. Как сообщает Строевский список Новгородской IV летописи, к королю Казимиру IV был отправлен новгородский посол с просьбой о военной помощи. «И послаша Новгородци посла в Литву, – сообщает Строевский список, – чтобы король всѣлъ на конь за Новьгородъ; и посоль ездиль кривымъ путемъ в Немци, до князя Немецкого до Нестера и възвратися в Новьгородъ, глаголюще, яко «Нестерь не дасть пути чресъ свою землю в Литву ѣхать»»⁷⁶. Кем же был упоминаемый русской летописью немецкий князь Нестер, не пустивший новгородского посла через свою землю в Литву? В указателе имен к IV тому Полного собрания русских летописей имя немецкого князя Нестера отсутствует. Нет и определения принадлежавшей Нестеру земли в географическом указателе к той же летописи. И нет по весьма основательной причине. Вместо Нестер, Нестерь в летописи должно было читаться местер, местерь, т. е. фрагмент титула ландмейстера Ливонской части Тевтонского Ордена. В основных русских почерках XIV – XV вв. – уставе и полууставе – буква м по меньшей мере в трех случаях писалась по-разному: 1) так же, как и в настоящее время; 2) соединительная линия между двумя вертикальными линиями буквы м

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 289.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ДДГ. № 61. С. 194.

проводилась между верхушками вертикалей, и тогда, когда эта соединительная линия напоминала горизонтальную, могла читаться как буква **м**, так и буква **п**; 3) соединительная линия проводилась от середины одной вертикали буквы **м** к середине другой вертикали, и если такая линия была похожа на горизонтальную, буква могла читаться не как **м**, а как **н**. Последний вариант написания буквы **м** объясняет появление имени Нестер в Строевском списке Новгородской IV летописи. На самом деле такого немецкого князя в истории никогда не было. Зато в данном случае его место заступает всем хорошо известный мастер (местерь) – руководитель Ливонского Ордена. В указанное время (июль – август 1471 г.) им был Бернхард фон дер Борх, бывший ландмаршал Тевтонского Ордена. Он сменил своего предшественника Иоганна Вальдхауна фон Герсе в марте 1471 г. в результате успешно осуществленного заговора. Сам Иоганн Вальдхаун фон Герсе, будучи комтуром Таллинна, был выбран на должность ландмейстера Ливонского отделения Тевтонского Ордена в январе 1470 г. За время 14-месячного правления Ливонией он проявил себя лишь требованием к Пскову вернуть немцам земли, захваченные псковичами на орденской территории. Псков ответил отказом. Этот эпизод вполне определенно характеризует позицию одного из влиятельнейших политических руководителей Ливонии к русским соседям. Она была враждебной. Наоборот, позиция фон дер Борха, возглавившего заговор против фон Герсе и не пропустившего к Казимиру IV новгородского посла, была совершенно противоположной, что заставляет думать о том, не был ли заговор фон дер Борха организован и профинансирован через Псков Москвой?

Было еще одно обстоятельство, которое сковывало действия польского короля Казимира IV. 22 марта 1471 г. в Праге умер чешский король Иржи из Подебрад. Детей он не имел, и по договоренности с Казимиром IV готов был передать чешский престол старшему сыну Казимира Владиславу, о чем и написал в своем завещании. Но возглавить Чешское королевство стремился не только сын Казимира. Были и другие

весьма авторитетные претенденты. Чтобы поддержать сына, Казимир во главе своего войска прибыл в Чехию. Это подействовало на политическую ориентацию чешских сановников и претендентов на чешскую корону. 27 мая 1471 г. 15-летний сын польского короля Казимира IV Владислав был избран чешским королем. Коронация же состоялась только через несколько месяцев, 22 августа того же года.⁷⁷ Новгородский посол, ехавший за помощью к королю Казимиру IV и не пропущенный через владения Тевтонского Ордена, едва ли мог увидеться с королем, даже если бы его к нему пропустили. До Праги ему надо было бы добираться еще несколько сот километров. У новгородцев – сторонников короля Казимира IV не оставалось ни одного серьезного союзника, который помог бы им противостоять Ивану III.

На помощь решил прийти бывший новгородский наместник, переведенный в Заволочье князь Василий Федорович Шуйский. Собрав довольно значительную рать из заволочан и двинян⁷⁸, он посадил ее в ладьи и поплыл по Северной Двине к ее верховью. Ранним утром 27 июля 1471 г. флотилия князя Василия Шуйского столкнулась с флотилией воевод Ивана III, к которой были подключены вятчане и устюжане. На одном из берегов Северной Двины разгорелось упорное сражение. Москвичи под командованием московского боярина Василия Федоровича Образца Добрынского сумели захватить знамя двинян, убив при этом трех знаменосцев. Такая же судьба постигла большого двинского воеводу Игната Кашина. Князь Василий Шуйский был ранен и бежал в ладье в Холмогоры. Но битва продолжалась до самого заката солнца, и лишь тогда она прекратилась. Московские воеводы одержали нелегкую победу. Зато подвинские городки были покорены ими с легкостью⁷⁹.

Ресурсы новгородцев были исчерпаны, и они запросили мира. В стан Ивана III, расположенный в селе Шелонь, явился новгородский

⁷⁸ Ермолинская летопись добавляет к ним еще и вологжан. См.: ПСРЛ. Т. XXIII. СПб. 1910. С. 159.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 290; Т. VI. Вып. 2. Стб. 176.

архиепископ Феофил, окруженный посадниками и боярами. Все они каялись в том, что подняли руку на великого князя, подлинного господина Великого Новгорода, и просили его о прощении. Иван III не стал преследовать своих врагов, проявил к ним милосердие, но и в дружбу не принял. Очередной московско-новгородский договор был составлен 11 августа 1471 г. в селе Коростынь, расположенном на берегу озера Ильмень в 6 км от устья р. Шелони.

Он был оформлен в двух экземплярах: новгородском и московском. В первом из них речь шла о новых правилах сношения Новгорода с великим княжеством Литовским. Какие-либо контакты с этим соседним государством новгородцам запрещались. Новгородские архиепископы должны были ставиться только в Москве в кремлевском Успенском соборе у гроба митрополита Петра. Церковные пошлины с новгородских волостей собирались по-старому. Князьям запрещалось в Новгородской земле иметь свои села. Однако старые княжеские владения и привилегии в Новгородской республике восстанавливались. Недавняя конфискация была отменена. Князья не могли устраивать выводов людей из Новгородской земли в Суздальскую. Зато новгородцы не могли судить суздальцев на своей территории, суд над ними вершился только на великокняжеских или удельнокняжеских землях.

Московский вариант Коростынского соглашения касался прав и функций великокняжеской администрации в Новгороде. Представители этой администрации получали право участвовать в местных новгородских судах. Место судов было перенесено на Городище. В суде принимали участие два судьи: боярин новгородский и боярин великокняжеский. Если между ними возникало несогласие, то дело передавалось судьям более высокой инстанции: великому князю, его сыну или его брату. Тем самым московская сторона получала верховный контроль над местным судом. Иван III получал право на часть выплат по закладам в рядных грамотах, но отказывался от

средств, которые он должен был получить с некоторых новгородских волостей. Новгородцы должны были вернуть великому князю земли, которые они в свое время приобрели у ростовцев и белозерцев. В целом, текст Коростынского договора был составлен внимательно и объективно. В нем не было никаких выпадов против проигравших войну новгородцев, требований выдачи сражавшихся против Ивана III людей, не было статей о конфискации имущества или владений, о насильственном переселении новгородцев в другие места. Иван III не знал, что все это станет явью всего через несколько лет.

***Алексеев А.И. РНБ* Заметки о религиозности Ивана III⁸⁰**

⁸⁰ Первый вариант статьи опубликован: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по русской истории. К 80-летию профессора Ю.Г.Алексеева. М., СПб., 2006. С. 187–201.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о религиозности Ивана III через призму его церковной политики. Также анализируется поведение великого князя в некоторых ситуациях, позволяющих проследить некоторые особенности его религиозности по сравнению с традиционной.

Ключевые слова: Иван III, Государство и церковь на Руси в последней трети XV – начале XVI вв., поминальная практика, споры вокруг неотчуждаемости монастырских имуществ.

На глазах изумленных современников масштабные военные и политические предприятия Ивана III меняли карту Восточной Европы. Не менее значительные начинания осуществлял великий князь и в области культуры, активно используя знания и опыт иноземцев (иноверцев). Известно также, что время великого княжения Ивана III характеризуется значительным ростом напряженности в отношениях с Церковью. В связи с этим вопрос о своеобразной религиозности Ивана III давно привлекал внимание исследователей. В советской историографии тема неортодоксальной религиозности Ивана III развивалась, главным образом, на основе наблюдений над политикой великого князя в отношении церковных и монастырских вотчин, в отношении которых была предпринята попытка секуляризации на Церковном соборе 1503 г.⁸¹ Исследователи обращали внимание также и на покровительство, которым при дворе Ивана III пользовались еретики-жидовствующие, а также противники монастырских вотчин – «нестяжатели»⁸². В социально-политических построениях историографов обеим группировкам отводилась роль идеологов секуляризации, а великий князь изображался прагматичным политиком,

⁸¹ См.: *Капитанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в., 1967; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

⁸² *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 152–154.

пользовавшимся в своих целях религиозной риторикой. Например, Н.С. Борисов заключил: «Очевидно, князь Иван был человеком религиозным, однако, достаточно свободным во всем том, что касается формальной стороны дела. При этом он чтит обряды, знал таинственную магию ритуала»⁸³. С другой стороны, отмечалась определенная свобода великого князя от морали, позволявшая ему в нарушение долга христианина притеснять своих братьев, расправляться с ближайшими соратниками⁸⁴. В этих поступках Ивана III охотно усматривают проявления черт «ренессансной личности», свободной от норм христианской морали и склонной к гедонизму.

Прежде всего, стоит отметить, что заметное в историографии XIX–XX вв. стремление исследователей выделить в средневековой религиозности формальную и сущностную сторону является наследием «века Просвещения» с его многократно выраженным глубоким презрением по отношению к «эпохе Веры». Согласно подходу, возобладавшему в современной исторической науке, вплоть до эпохи Конфессионализации XVI–XVII вв. в Западной Европе понимание религии не являлось индивидуальным, а кажущиеся сегодня незначительными детали обрядов и ритуалов воспринимались в нерасторжимом единстве с воплощением истин веры. Как раз факты вмешательства великого князя в дела Церкви свидетельствуют о его глубокой заинтересованности в вопросах веры. Средневековый правитель чувствовал себя ответственным за правильное исполнение канонических правил и предписаний. Вспомним высказывание М. Блока о том, что «когда короли пытались управлять церковью, они управляли ею в качестве своеобразных «церковников», и именно так смотрели на их действия окружающие»⁸⁵. По этой причине правильно поставленным будет являться вопрос не о том насколько был свободен

⁸³ Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 482.

⁸⁴ См.: Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий как публицист // Послания Иосифа Волоцкого / Подг. Текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье (далее – ПИВ). М.; Л., 1959. С. 35–36.

⁸⁵ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 373.

великий князь от религиозности современной ему эпохи⁸⁶, но вопрос о религиозном сознании, носителем которого он был, о том, почему это сознание породило череду конфликтов при столкновении со сферой религиозности традиционной.

Ивана III трудно упрекнуть в равнодушии к религиозным вопросам, тем более в склонности к язычеству или гедонизму. Он дал немало примеров своего благочестивого отношения к православным святыням. Великий князь возвел беспрецедентно большое количество каменных церквей в Москве, по его приказу были реконструированы древние храмы Владимира и Дмитрова. В эпоху Ивана III формируется ядро пантеона святых – покровителей Москвы, и в ряду с вселенскими святыми в него включаются святители Северо-Восточной Руси – митрополиты Петр, Алексей, епископ Ростовский Леонтий, преподобные Сергей, Варлаам, Кирилл. Заметно стремление Ивана III оказывать особенное почитание своим святым покровителям – Иоанну Златоусту и святителю Николаю. Великий князь не пренебрегал обязанностью выступить в защиту православной веры в Литовском государстве⁸⁷. Первый государь всея Руси принял на себя инициативу строительства Успенского собора, участвовал в переносе мощей святителя Петра. Его расположением пользовались такие подвижники благочестия, как митрополит Филипп, ростовский митрополит Вассиан Рыло, старец Троице-Сергиева монастыря Паисий Ярославов, преподобный Нил Сорский и др.

Иван III не дает таких ярких примеров религиозной экзальтации, как его внук Иван IV. О благочестии первого государя всея Руси нельзя судить по литературным произведениям, ярко отразившим личную

⁸⁶ Ср.: «Ревностное благочестие и строгая приверженность ритуалу парадоксальным образом сочетались у московских князей с весьма вольным обращением не только с неудобными им иерархами, но и со многими предписанными церковью нормами» (*Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 34).

⁸⁷ Например, письма Ивана III своей дочери Елене, супруге великого князя Литовского Александра: Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. № 53. Стб. 255; № 57. Стб. 273–274; № 58. Стб. 274–280; № 62. Стб. 292.

религиозность Грозного. Попытаемся, не претендуя на окончательность выводов, последовательно рассмотреть отношения Ивана III к церковной иерархии, монастырям, к актуальным в период его княжения эсхатологическим ожиданиям, к иноверцам, еретикам.

Во многом обязанные своему возвышению митрополитам, московские князья со времени Дмитрия Донского стали вступать с ними в острые конфликты. Но даже на этом фоне время правления первого государя всея Руси выделяется ростом напряженности во взаимоотношениях государства и Церкви. Отставка главы Русской церкви до Ивана III была беспрецедентным случаем в истории России⁸⁸. Подчиняясь воле московского самодержца, оставили свои кафедры возглавлявшие русскую церковь митрополиты Феодосий (1461–1464), Зосима (1490–1494), архиепископ новгородский Феофил был заточен в темницу и отрекся от своего сана по принуждению (1480–1482), был вынужден оставить свою кафедру ростовский архиепископ Иоасаф (1489 г.). Серьезные конфликты возникали между Иваном III и митрополитами Филиппом (1472) и Геронтием (1478, 1479–1481, 1483). Более года после смерти митрополита Геронтия 28 мая 1489 г. до поставления митрополита Зосимы 26 сентября 1490 г. пост главы Русской церкви оставался вакантным.

Показательно, что предметом конфликтов часто служило не традиционное право печалования за опальных, но вопросы, находившиеся сугубо в компетенции иерархии: порядок освящения церквей, вопросы канонизации и др.

Сооружение нового Успенского собора породило в обществе целый ряд споров. Необходимость переноса митрополичьих гробниц вызвало попытки канонизировать митрополитов Феоноста и Филиппа. Обе попытки натолкнулись на противодействие великого князя и навлекли на него упреки

⁸⁸ См. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 66; *Борисов Н.С.* Иван III. С. 190.

в неблагочестии⁸⁹. Причем если в случае с отказом прославить Феогноста великий князь и митрополит Геронтий оказались единомышленными, то инициатива митрополита по канонизации Филиппа, была решительно пресечена великим князем⁹⁰. Серьезным соблазном для причта Успенского собора явилась и ситуация с перенесением мощей святителя и чудотворца Петра⁹¹. Еще больше страстей возбудил спор о правильном освящении церковью «хождении посолонь» (Традиционно этот обряд совершался в направлении движения по солнцу, но с конца XIV в. – наоборот)⁹². Великий князь рьяно отстаивал традиционный обычай против мнения митрополита и большинства духовенства и уступил только в силу обстоятельств⁹³. При этом первый государь всея Руси был не только чужд религиозной экзальтации, но и часто прагматически предпочитал евангельским нормам политические и экономические выгоды.

В 1488 г. Иван III принес перед своим братом удельным князем Андреем Углицким очень странную клятву «небом и землею и Богом сильным»⁹⁴. Здесь следует вспомнить библейский контекст. Обратившись к Библии, можно убедиться в том, что формула клятвы с упоминанием Бога, неба и земли прямо запрещалась: «Не клянитесь именем моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего» (Лев. 19: 12); «Братия мои, не клянитесь ни

⁸⁹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 218; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 325. Подробный анализ дан в работе: *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Летописные источники XV в. о строительстве московского Успенского собора // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 523–543.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 203. См. также: *Сиренов А.В.* Московский книжник конца XV в. Петр и его произведение // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). 2001. Т. 52. С. 593–595.

⁹¹ *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Летописные источники XV в. С. 536; Независимый летописный свод 80-х годов XV века // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 1999. Т. 7. С. 418.

⁹² См.: *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. *Ucla slavic studies*. М., 1997. С. 373–374, 387.

⁹³ ПСРЛ. Т. 20. М., 2004. С. 348; Независимый летописный свод 80-х годов XV века. С. 438.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 20. С. 353.

небом, ни землею» (Иак. 5: 12); «А я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног его, ни Иерусалимом, потому что он город великого царя. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным» (Мтф. 5: 34–36). Как следует из бытовавших на Руси покаянных вопросников, подобные клятвы строго осуждались. «Именем Божиим и Пречистою Богородицею, и церквою, и крестом честным, небом и землею и всеми святыми не клялся еси в лжю и на праве?»⁹⁵.

Нельзя сказать с уверенностью почему, но едва ли Иван III употребил эту странную форму клятвы случайно⁹⁶. В качестве исторической параллели, которая может иметь отношение к эпизоду с клятвой «Богом сильным», следует указать сюжет из молдавской истории. Под 1471 г. в молдавских летописях находим упоминание «Бога сильного». Будущий родственник великого князя молдавский господарь Стефан (отец великой княгини Елены Волошанки) одержал победу над своим соперником. «В лето 6979 месяца марта 7 въ четверток бысть разбой съ Радулом воеводом у Сочи. И възможе Стефан воевода божиею милостию и помощиа силнаго Саваофа бога и поби от них множество много»⁹⁷. Шестью годами ранее, в 1465 г., тот же воевода Стефан по случаю победы «повеле митрополитом и епископом своим и всьям иереом благодарити Бога о бывшем ему даровании от вышнего бога Саваофа, иже на херовимех почиваяй»⁹⁸. Но что интересно – «В лето 6983 генуваря 10 въ вторник бысть бой на Васлуи съ силами турсками, и възможе Стефан воевода тогда Божию милостию и помощиа Иисуса Христа, сына живаго Бога, иже от пречистыя девы рожьшагося на спасение наше»⁹⁹. Быть может формула клятвы или благодарности с упоминанием ветхозаветного

⁹⁵ *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 419.

⁹⁶ Известно, что византийский император Михаил II, который считался приверженцем ереси неких афинган, «постановил во всех случаях клясться одним только Богом» (Продолжатель Феофана. М., 1992. С. 25).

⁹⁷ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976. С. 27.

⁹⁸ Там же. С. 26.

⁹⁹ Там же. С. 28.

Саваофа могла употребляться в случаях победы над единоверцами, а благодарность Иисусу Христу воздавалась в случае побед над мусульманами? В любом случае формула клятвы Ивана III имела какой-то тайный подтекст и заслуживает внимания¹⁰⁰.

В этом отношении показательна дальнейшая судьба князя Андрея Углицкого. В сентябре 1492 г. великий князь арестовал в Москве своего брата Андрея и через некоторое время тот скончался в темнице¹⁰¹. Тяжесть преступления увеличивалось еще и тем, что, по-видимому, имело место и нарушение крестоцелования. В этом случае можно говорить, что большая часть вины ложится на тогдашнего митрополита Зосиму, который, по всей видимости, выступал гарантом безопасности князя Андрея и имел право «печалования» за опального, которым пренебрег. Только 26 октября 1496 г., уже много спустя после отставки Зосимы, Иван III перед тремя епископами принес покаяние в смерти брата, «что своим грехом и неосторожею его уморил в нужи»¹⁰².

Задумав грандиозную перестройку центра столицы, великий князь распорядился сносить церкви и старые кладбища, на месте которых возникали новые улицы и сады¹⁰³. Осквернение алтарей и нарушение покоя мертвых являло вопиющее нарушение православной традиции и сильно смущало современников. Архиепископ Новгорода Геннадий писал митрополиту Зосиме о возбуждении среди киевских иудеев, вызванном

¹⁰⁰ В.Я. Петрухин предпринял попытку доказать, что клятва Ивана III носила вполне ортодоксальный характер: *Петрухин В.Я.* Иван III – ересиарх? К спорам о «ереси жидовствующих» // *Круги времен.* М., 2015. С. 158–170. Знакомство со статьей В.Я. Петрухина обнаруживает, что в пользу своей версии автору не удалось привести никаких доказательств, см.: *Алексеев А.И.* О «странной» клятве великого князя Ивана III и о «странной» манере вести полемику. Ответ В.Я. Петрухину // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* 2017. Т. 7. Вып. 7. С. 167–178. В продолжение полемики В.Я. Петрухин выпустил статью, в которой также не содержалось аргументов в опровержение высказанной мною точки зрения. См.: *Петрухин В.Я.* Евреи в Средневековой Руси: парадоксы современного восприятия давней проблемы // *Славяноведение.* 2018. № 2. С. 12–20.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 20. С. 356; Т. 37. С. 97–98.

¹⁰² Там же. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 160.

¹⁰³ Там же. Т. 12. М., 2000. С. 236, 240; Т. 24. М., 2000. С. 211, 239.

слухами о переносе церковей в Москве: «Здесе приехал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне христианин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился, деи, есми из Кеева к Москве, ино ми, деи, почали жидове лаяти: «Събака, деи, ты ся куды нарядил? Князь, деи, великий на Москве церкви из града все выметал вон»; а сказывал то пред твоим сыном боярьским пред Вяткою: ино какво то безчередие и нечесть государству великому учинена!»¹⁰⁴. Из того же Послания следует, что в числе аргументов, которыми оперировали сторонники великого князя, было указание на практику богослужений в походных шатровых церквях и на многочисленные случаи сожжения церковей. Трудно сказать, кто выступал в данном случае советником великого князя, но отметим явно практический, а не канонический характер аргументации. Архиепископ Геннадий отводит этот аргумент указанием на многолетнее существование алтарей, любое использование мест из под которых является осквернением. 4-е Правило митрополита Иоанна II предписывало при переносе ветхих церковей тщательно оберегать места от всякого осквернения человеком или животным: «...ставляются древяны церкви не ны на том месте не стувляются, место, в нем же олтарь, иде же ся таина творяше, оградити и неприкосновенно хранити и честно, еда не мужа священне приимахут и нечестне святая попираются»¹⁰⁵.

В то же время можно выделить ряд представителей церковной иерархии, которые были наиболее близки великому князю. Это Ростовский архиепископ Вассиан Рыло¹⁰⁶, старец Паисий Ярославов¹⁰⁷, Геннадий Гонзов¹⁰⁸ в бытность свою архимандритом Чудовского монастыря. Вассиан являлся также духовником великого князя и вместе с Паисием принимал от

¹⁰⁴ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. (далее – АФЕД). М., Л., 1955. С. 377.

¹⁰⁵ Государственный исторический музей (далее – ГИМ). Синодальное собрание. № 132. Л. 512 об.

¹⁰⁶ См. о нем: Лурье Я.С. Вассиан Рыло // Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV–XVI в.) (далее – СККДР). Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 123–124.

¹⁰⁷ См.: Прохоров Г.М. Паисий Ярославов // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 156–160.

¹⁰⁸ См.: Лурье Я.С. Геннадий // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 1. С. 145–146.

купели княжича Василия-Гавриила. Вассиан также вместе с Геннадием поддерживал Ивана III в конфликте с митрополитом в вопросе о «хождении посолонь» при спорах об освящении Успенского собора¹⁰⁹. Интересно, что в 1482 г. союзником великого князя в споре по этому вопросу выступал преемник Вассиана на ростовской кафедре архиепископ Иоасаф¹¹⁰. Данное обстоятельство заставляет предположить, что в Русской церкви существовали различные традиции освящения церквей, причем великий князь апеллировал именно к ростовским обычаям. Паисий Ярославов осенью 1480 г. выступал посредником между великим князем и его мятежными братьями, и по настоянию великого князя несколько месяцев был игуменом Троице-Сергиева монастыря. Вместе с тем известно, с каким пафосом Вассиан обличал малодушие своего духовного сына в посланиях на Угру, а Геннадий уже в бытность новгородским архиепископом не пользовался доверием великого князя. Легко заметить, что великий князь охотно пользовался услугами названных лиц в своих целях, но вопрос о том обладал ли даже Вассиан реальным влиянием на своего духовного сына, остается дискуссионным. Следует упомянуть еще митрополита Зосиму, который был по воле Ивана III в 1490 г. возведен на митрополичий престол из архимандритов Симонова монастыря¹¹¹, а уже в 1494 г. оставил его в силу неясных причин¹¹².

Насколько можно судить по имеющимся источникам, ранее или одновременно с Вассианом духовником великого князя был неизвестный протопоп-вдовец. В рассказе о браке Ивана III с Софьей Палеолог Львовская летопись сообщает, что венчал великокняжескую чету коломенский протопоп Осея, «занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле,

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 314–315; Независимый летописный свод 80-х годов XV века. С. 430.

¹¹⁰ Независимый летописный свод 80-х годов XV века. С. 438.

¹¹¹ Первый независимый от Константинополя митрополит Иона был поставлен собором епископов, Феодосий, Филипп и Геронтий были рукоположены в епископы самим Ионой (См.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 191–193).

¹¹² См. об этом: *Алексеев А.И.* Зосима // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 355–360.

занеже вдовцы»¹¹³. Тот факт, что на протяжении ряда лет великий князь держал в качестве своего духовника вдового священника, представляет значительный интерес. Споры о том, достойны ли овдовевшие священнослужители своего сана, активно велись со второй половины XIV столетия, и насколько мы можем судить на основании летописных известий, памятников церковно-полемической книжности, возбуждали в обществе далеко не праздный интерес¹¹⁴. Попытки запретить священнодействовать вдовым попам и дьяконам предпринимали митрополиты Петр и, вероятно, Киприан¹¹⁵. Дело было не только в стремлении привести практику в соответствие с нормами канонического права. Сомнения в действительности таинств, совершаемых «недостойными» священниками, терзали сознание средневековых обывателей, готовых усматривать в многочисленных бедствиях последствия неправильно совершенных магических ритуалов. Достаточно сослаться на многочисленные конфликты из-за вдовых священников в Пскове¹¹⁶. Следует предположить, что каноническое сознание наиболее строгих архиереев и доходивший до фанатизма ригоризм рядовых прихожан наталкивались на стойкое противодействие большей части клира и

¹¹³ ПСРЛ. Т. 20. С. 299.

¹¹⁴ Тема обличения недостойных священнослужителей была тесно связана с обличением симонии, т. е. продажей церковных должностей за деньги. Симония считалась первой ересью в христианстве и по своему значению споры вокруг нее многократно превышают масштабы всех еретических движений русского Средневековья. См.: *Преображенский В. Св. Тарасий патриарх цареградский и VII вселенский собор.* СПб., 1893. С. 115–118; *Macrides R.J. Simony // The Oxford Dictionary of Byzantium.* New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1901–1902. Об этих спорах в России см.: *Ключевский В.О. Псковские споры // Православие в России.* М., 2000. С. 354–370; *Алексеев А.И. «Власфимия» // Православная энциклопедия М., 2005. Т. IX. С. 116–117; Алексеев А.И. О Симонии, Псковских спорах XV в. и «Трифоновском сборнике» // Труды кафедры истории России с древнейших времен. Т. II. СПб., 2007. С. 242–265; Алексеев А.И. О перспективах изучения ереси стригольников // Псков, русские земли в Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сборник трудов международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. / Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова; Европейский университет в Санкт-Петербурге. Псков, 2011. С. 51–71.*

¹¹⁵ См.: «Поучение митрополита Петра» // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 6. № 17. Стб. 159, 164. В своих ответах игумену Афанасию митрополит Киприан не признавал законным даже для пономаря 2-й и 3-й браки (РИБ. № 32. Стб. 259).

¹¹⁶ Наиболее острый конфликт произошел в 1469/70 г. См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 165–169.

светских властей. При этом первые руководствовались стремлением сохранить свои места и доходы, а вторые желали сохранения традиционного, коренящегося в веках порядка, который позволял обходиться без острых конфликтов и противостояний.

Характерно, что летописцы каждый раз специально отмечали факт происхождения архиереев из среды белого духовенства. И каждый раз за этими комментариями угадывается острая неприязнь. Например, в Типографской летописи под 1481 г. читаем: «Того же лета поставлен бысть Ростову архиепископ Иасаф, бывал князь Оболенский, а приведоша его з Белаозера из Ферапонтова монастыря, а Коломне поставлен бысть Герасим из Боровска, из Пафнутьева монастыря, а Рязани Семиона, поп бывал мирский на Коломне, потом в черньцехъ был у митрополита. Увы, увы! Погибе благоверный от земля, грех ради наших, по Давиду: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истинный от сыновъ человеческихъ, суетнаа глагола кождо искреннему своему»¹¹⁷.

Поставление в иерархи из овдовевших белых священников в правление Ивана III не было единичным случаем. Например, в 1484 г. архиепископом в Новгород был поставлен старец Троице-Сергиева монастыря Сергей, «бывший протопоп Богородицкой Семен»¹¹⁸. Позиция Ивана III в вопросе о вдовых попах и дьяконах имела основания и в каноническом праве. Канонические доводы в пользу права вдовых священников служить литургию выдвигали позднее Григорий Скрипица и Вассиан Патрикеев, а на Московском соборе 1667 г. – и восточные патриархи¹¹⁹.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 202.

¹¹⁸ Там же. С. 204.

¹¹⁹ См.: Написание вдового попа Георгия Скрипицы из Ростова града о вдовствующих попах // ЧОИДР. 1848. № 6, отд. 4. С. 45–54; Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 182. Восточные патриархи на московском соборе 1667 г. засвидетельствовали, что «издревле священными правилами, не имевшие жен клирики, не запрещаются» (О церковных соборах // Христианское чтение. 1852. Ч. 1. январь – июнь. С. 18).

Соборный приговор о запрете священствовать овдовевшим священникам был принят только 1 сентября 1503 г. в период тяжелой болезни великого князя и под давлением монашеской партии «иосифлян»¹²⁰. Как и в спорах о «хождении посолонь», в спорах вокруг вдовых попов великий князь отстаивал позицию традиционного благочестия и противодействовал стремлениям иерархии ужесточить дисциплинарную власть над белым духовенством, быть может, и не преследуя самостоятельных политических целей.

Известный Церковный собор 1503 г. дает повод поставить вопрос и об отношении Ивана III к монастырям и их вотчинам¹²¹. Сам факт постановки вопроса о праве монастырей держать села дает доказательства в пользу тезиса, что и сам великий князь и правительственные круги Москвы по меньшей мере не были убеждены в оправданности практики земельных вкладов по душе. Некоторый материал для суждения о религиозности Ивана III дают наблюдения над духовными грамотами. Мать Ивана III великая княгиня Мария Ярославна в 1477 г. сделала беспрецедентный по размеру денежный вклад в Кирилло-Белозерский монастырь – 495 рублей с обязательством истратить всю сумму к 1492 г.¹²² Братья Ивана III князя

¹²⁰ Перечень списков см.: *Плигузов А.И.* «Соборный ответ 1503 г.»// Русский феодальный архив (далее – РФА) М., 1988. Т. IV. С. 755. См. публ.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 1. № 383; РФА. М., 1987. Ч. III. № 24. Под 1 сентября пересказан текст приговора в Псковской I (ПСРЛ. Т. 4. М., 2000. С. 277) и Новгородской II летописях (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 175–176, 200). См. также: Псковские летописи. Л., 1941. Вып. I. С. 89; Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 358–359. О соборе 1503 г. См.: *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб., 2002. С. 279–302.

¹²¹ Наиболее последовательно пытается отрицать факт созыва секуляризационного собора в 1503 г. американский исследователь Д. Островски, см.: *Островски Д.* 500 лет спустя: Церковный собор 1503 г. // *Palaeoslavica*. XI. 2003. P. 214–239. Его аргументация является, однако, сугубо спекулятивной и не учитывает тот исторический контекст споров о монастырских землях, который был выявлен исследованиями последних десятилетий.

¹²² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. (далее – АСЭИ). Т. 2. М., 1958. № 249. См. наш комментарий к этой грамоте: *Алексеев А.И.* Грамота великой княгини Марии Ярославны в Кирилло-Белозерский монастырь (эсхатологический контекст) // *Источниковедение и историография в мире*

Юрий Дмитровский, Андрей Вологодский, двоюродный брат Михаил Верейский в своих завещаниях немало места уделили указанию вкладов, которые надлежало сделать по их душам в монастыри¹²³. В завещании Ивана III тема подушных вкладов не фигурирует, однако, этот факт скорее всего не исключение, но традиция. По-видимому, совершение вкладов по главе Московского дома становилось обязанностью великой княгини и детей¹²⁴.

Насколько можно судить на основании известных нам монастырских вкладных и кормовых книг, Иван III делал крупные вклады в монастыри. В Троице-Сергиев монастырь Иван III в 1462–1466 гг. пожаловал рыбные ловли на озере Владычне¹²⁵. А в 1466/67 г. во исполнение завещания своего дяди князя Петра Дмитриевича и княгини Ефросиньи великий князь передал в монастырь вотчину Илемну¹²⁶. Позднее из-за этой волости Иван III вступил в резкий конфликт с монастырем. В 1505/1506 г. по его душе вклад в 60 рублей дал Василий III¹²⁷.

В 1482–1484 гг. Кирилло-Белозерский монастырь получил значительное земельное пожалование от великого князя, но уже в 1484/85 г. при игумене Гурии монастырь от него отказался в обмен на назначение хлебной руги¹²⁸. В Симонов монастырь великий князь ок. 1481 г. дал село Ватолино в Можайском уезде с обязательством поминать его в день его памяти и преставления¹²⁹. Только будучи тяжело больным, Иван Васильевич в сентябре – октябре 1503 г. совершает поездку на богомолье по

гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 82–84.

¹²³ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 68, 74, 80.

¹²⁴ См.: Духовная грамота великого князя Василия Дмитриевича // ДДГ. № 20. Можно привести в пример и духовную князя Ивана Юрьевича Патрикеева (ДДГ. № 86).

¹²⁵ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 314.

¹²⁶ Там же. № 342.

¹²⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 26.

¹²⁸ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб, 1910. Т. 1. Вып. II. С. 12.

¹²⁹ *Ивина Л.И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI. Л., 1979. С. 115–116; *Алексеев А.И.* Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 19.

монастырям¹³⁰. Паломничество сопровождалось вкладами «по себе и по своих родителей», на которые так скуп был «самодержец» большую часть своего княжения.

В целом можно заключить, что Иван III был в высшей степени умеренным вкладчиком, которому было чуждо стремление дорого купить молитвенную поддержку монахов в загробной жизни. И в этом отношении позиция Ивана III опиралась на авторитетную в Византии и на Руси традицию. В сборнике, принадлежавшем ставленнику великого князя митрополиту Зосиме, содержится ряд выписок на тему загробного спасения¹³¹. Например, в статье, озаглавленной «От Анастасия Синайского», читаем: «Подобает нам пещися о своих устах во всем животе, а по смерти не надеяться прощены бытии»¹³². За ней следует выписка из Дионисия Ареопагита, содержащая красноречивое утверждение: «Приимет каждой, еже с телом здела, или благо или злое, праведных молитва в нынешнем житие, а несть молитвы по смерти»¹³³. Сходные идеи содержатся и в других статьях сборника, выписанных из сочинений Иоанна Дамаскина, Григория Двоеслова и др. В устах Иосифа Волоцкого данные идеи, без сомнения, разделяемые Зосимой, оказались представлены как саддукейская ересь – неверие в загробную жизнь: «Умер, деи, ин, то умер – по та места и был»¹³⁴.

С 80-х годов XV столетия исследователи фиксируют резкое уменьшение общего количества земельных вкладов со стороны «светских контрагентов» монастырей¹³⁵. Ряд подлинных земельных актов на монастырские владения был затребован в Москву, очевидно, для пересмотра

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 387.

¹³¹ Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Собрание Троице-Сергиевой лавры. № 122.

¹³² См.: *Григоренко А.* Духовные искания на Руси конца XV в. СПб., 1999. С. 131–132.

¹³³ Там же. С. 132.

¹³⁴ АФЕД. С. 428.

¹³⁵ См.: *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 124–125; С. 175, примеч. 19; С. 196, примеч. 328; *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 90–103.

владельческих прав¹³⁶. С этого же времени действовало известное запрещение, чтобы «во Твери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белеозере, на Рязани, мимо тех городов людей иных городов людем вотчин не продавати и по душам в монастыри без доклада не давали»¹³⁷. Распоряжения Ивана III позволяли светским вотчинникам выкуп у монастыря родовых вотчин, что было прямо связано с нарушением ряда на поминование¹³⁸. Два других распоряжения великого князя запрещали дачу волостных земель «в закуп» и «по душе», а земли, данные по душе Пермскому владыке отписывались у него и возвращались к волости¹³⁹.

Наконец, Иваном III были грубо нарушены завещательные распоряжения своих удельных братьев в пункте о передаче сел и деревень монастырям¹⁴⁰. Вклад, сделанный по князе Андрее Васильевиче, был с ведома властей Кирилло-Белозерского монастыря заменен денежными выплатами¹⁴¹. В отношении вотчин Троице-Сергиева монастыря проведены конфискации в Переяславском, Белозерском и Вологодском уездах. «В целом темпы приобретения сел, – заключила М.С. Черкасова, – самого основного и наиболее ценного вида земельных владений – снизились во второй половине XV в. по сравнению с предшествующим временем почти в 3 раза»¹⁴².

Наиболее острый конфликт произошел из-за волости Илемна, принадлежавшей Троице-Сергиеву монастырю¹⁴³. Игумен Пафнутьево-Боровского монастыря Иосиф Санин (позднее основатель и игумен

¹³⁶ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 31.

¹³⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 227. С. 219.

¹³⁸ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 423.

¹³⁹ Там же. М., 1964. Т. III. №№ 291 а, 291 б.

¹⁴⁰ ДДГ. № 68. С. 223; № 80. С. 302. Очевидно, Иваном III было конфисковано с. Слотино, полученное Троице-Сергиевым монастырем по духовной грамоте его бабки великой княгини Софьи Витовтовны (ДДГ. № 57).

¹⁴¹ АСЭИ. Т. I. № 266, 267.

¹⁴² Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. С. 94.

¹⁴³ Судя по полемическому сочинению «Слову иному», конфликт завершился тяжелой болезнью, поразившей великого князя (Бегунов Ю.К. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 20. С. 351–354).

Волоцкого монастыря), который, по всей видимости, в силу покровительства другого выходца из Пафнутьева монастыря – Вассиана Рыло, пользовался расположением Ивана III, свидетельствовал: «Монастырские сироты иные проданы, а иные биты, а иных в холопы емлют»¹⁴⁴.

Вспоминая же об общей атмосфере тех лет, Иосиф Волоцкий писал: «Иноческий же чин, иже в монастырях и иже в пустынях пребывающе, тако же и от мирских человек и благородных и христолюбивых многи съгражахуся сердци, и многыя скорби и печали душа имуща исполнены... И абие неповинни заточением осуждаются от дръжавнаго, и скорби многи и юзы и темница и разграбление имением приемлють. Овие же спострадуютъ тем, аще не изгнанием, но писанием утешительным и телесных потреб скудость утешающе темъ, еще же и противу еретичьских глагол съпротивно и обличительно отвещание от божественных писаний събирающе посылаху, еретиком съпротивляющеса»¹⁴⁵.

Согласно выводу Л.В. Черепнина, «общее направление политики московского правительства в сторону попыток ограничения монастырей в их праве получать земельные вклады не подлежит сомнению»¹⁴⁶. Таким образом, центральным стержнем ограничительной политики Ивана III являлись мероприятия по ограничению последствий распространения практики вкладов по душе.

Вообще, судить об отношении Ивана III к монашеству можно на основании незначительного количества фактов, но они довольно красноречивы. Как следует из 11-го «слова» «Просветителя», процветавшие при дворе великого князя жидовствующие критиковали институт

¹⁴⁴ ПИВ. С. 144.

¹⁴⁵ АФЕД. С. 474.

¹⁴⁶ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. 2. С. 32; См. также: Киселев В.А. Великий князь московский и ярославские монастыри (из истории политической борьбы на рубеже XV–XVI вв.) // Ярославская старина. Ярославль, 1997. Вып. 2. С. 9–14.

монашества¹⁴⁷. Неизвестный по имени архимандрит кремлевского Чудова монастыря за подделку грамоты был публично бит кнутом, невзирая на сан¹⁴⁸.

Укажем и еще один любопытный эпизод. Среди многочисленных иностранцев (и иноверцев) при дворе Ивана III встречаем и некоего «каплана белых черньцов Аоугустинова закона Ивана Спасителя, арганного играца»¹⁴⁹. Как следует из Никоновской летописи, в 1492 г. этот «каплан» расстригся и женился: «Тоя же весны месяца мая в 17 Иван Спаситель Фрязин, каплан постриженной Аугустинова закона белых черньцов закона своего отрекся и чернечество остави, женился, понял за себя Алексиевскую жену Серикова; и князь великий его пожаловал селом»¹⁵⁰. Из приведенного известия не следует, что «каплан»-расстрига перешел в православную веру, хотя это и вероятно, но, в любом случае, показательно, что в глазах летописца этот поступок великого князя выглядел предосудительным.

Вкупе со сведениями об иконоборческих настроениях еретиков можно задуматься и об отношении великого князя к иконам. Ряд любопытных фактов обобщил в своей монографии об иконописце Дионисии Н.К. Голейзовский. Согласно выводу исследователя, крупнейший живописец эпохи Дионисий «не был придворным мастером Ивана III и не проживал в Москве, где, как видно, отсутствовали тогда собственные достаточно квалифицированные живописцы, иначе не потребовалось бы, из опасений, что Дионисий больше не приедет, спешить с росписью оказавшегося слишком ветхим Благовещенского собора; обгоревшей вознесенской «Одигитрии» не пришлось бы дожидаться возобновления в течение пяти лет, а митрополиту Геронтию (1473–1489) – прибегать к посредничеству

¹⁴⁷ Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 450.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 238; Т. 20. С. 353.

¹⁴⁹ Там же. Т. 24. С. 206.

¹⁵⁰ Там же. Т. 12. С. 233. «Каплан-расстрига» стал на Руси основателем дворянской фамилии Спасителейых.

ростовского архиепископа Вассиана Рыло (1467–1481), чтобы заказать подведомственным ему знаменитым мастерам «деисус, праздники и пророки» для московского Успенского собора»¹⁵¹.

Новопостроенный Успенский собор в Кремле длительное время оставался без внутреннего убранства, а современные исследования обнаруживают, что первоначальные росписи были выполнены в виде растительного орнамента, исключающего возможность исполнения иконописных образов¹⁵². Разумеется, имеющиеся сведения слишком фрагментарны, для того чтобы сделать вывод о том, что Иван III являлся сторонником иконоборчества. Но можно думать, что некоторые стороны учения еретиков, критиковавших иконопочитание, великий князь мог разделять.

Следует вспомнить, что вторая половина XV столетия стала временем нарастания эсхатологических ожиданий, которые все в большей степени определяли тип коллективного поведения средневекового общества. Здесь впору задаться вопросом: в каком отношении находилась личная религиозность первого государя всея Руси к религиозному фону эпохи. Уже И. Хрущов обратил внимание, что накануне ожидавшегося конца времен московский князь проводил активную внешнюю политику, деятельно перестраивал Кремль и Москву¹⁵³. Н.С. Борисов замечает по поводу поведения Ивана III: «Он правил так, словно и не замечал, что грозный ангел уже при дверях»¹⁵⁴. При этом отношение большинства государей Европы накануне ожидавшегося конца света (на рубеже 1000 г.) к ортодоксальной церкви было в высшей степени почтительным. Близкие отношения связывали императора Оттона III и главу западного христианства папу Сильвестра,

¹⁵¹ Голейзовский Н.К. Исследования. Т. 1. Дионисий и его современники. М., 2005. С. 15.

¹⁵² Орлова М.А. О времени создания живописной декорации Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI в. СПб., 2003. С. 213–221.

¹⁵³ Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. С. 171.

¹⁵⁴ Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси. С. 34.

король Франции Роберт получил прозвище Благочестивый, преисполненным религиозной экзальтации был король Высокой Бургундии Рудольф III и т. д.

Политические амбиции Ивана III резко контрастировали с эсхатологическими настроениями православной иерархии. Резкое усиление Московской Руси на фоне последовательного крушения православных государств заставляло искать обоснование своей миссии вне круга традиционных идей. В сборнике, принадлежавшем епископу Филофею Пермскому, читается, например, следующий отрывок из Послания молдавского воеводы Стефана Ивану III: «Колико государства было Грецкое и не одно, и Сербьское, и Болгорьское, и Арбанаское, и Босна – ту же Бог покорил под поганство наших грехов дея, а теперь турци переступили Чермное море, занеже взял Кафу, ино осмотримся рано»¹⁵⁵.

После счастливого для Руси исхода «стояния на Угре» в 1480 г., когда было отражено нашествие хана Ахмата, в окружении великого князя распространились победные настроения. При дворе явно были готовы бросить вызов культивируемым церковными институтами ощущениям страха и отчаяния. До нас дошли только отголоски споров. В Типографской летописи, в основе которой лежит Ростовский владычный свод, под 1481 г. читаем: «...но да не похвалятся несмыслении в своем безумии, глаголюще: «Мы своим оружием избавихомся Рускою землю, но дадут славу Богу и пречистой Матери Богородици, той бо спасе насъ, и престануть от такового безумиа, а добри и мужествении, слышавше сия, притяжутъ брань къ брани и мужество к мужеству за православнуе хрестьянство противу бесерменству, да въсприимут в сем житии от Бога милость, от государя жалование великого князя...Подщитесь сохранить свое отечество, Рускою землю, от поганых, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши распленения и разграбления домов ваших, и убьения чад вашихъ, и поругания над женами и над дщерми вашими, якоже пострадаша и инии велици и славнии земли от Турков, еже

¹⁵⁵ РГБ. Музейное собрание. № 3271. Л. 15 об.

глаголю: Българе и Скръби и Греци и Трапизон и Аморея и Арбанасы и Хръваты и Босна и Манкупь и Кафа, инии мнози земли, иже не стяжа мужественне и погибоша и отечество изгубиша и землю и осподарство...»¹⁵⁶.

В упомянутом сборнике митрополита Зосимы содержится отрывок из «Диоптры», в котором опровергается мнение о связи между исходом 7-й тысячи лет от сотворения мира и концом света¹⁵⁷. Нет сомнений, что Иван III был знаком с этой авторитетной линией аргументации, опровергавшей эсхатологические страхи рубежа 7000 г.

Именно Зосимой, как было сказано выше, было составлено «Изложение пасхалии», в котором впервые появилось уподобление Москвы Иерусалиму, а затем и Константинополю, а великий князь Иван III провозглашался новым царем Константином¹⁵⁸. Прежде чем утвердилось учение о Москве как Втором Константинополе, великий князь мог находить опору своим политическим амбициям в апелляции к альтернативным системам летосчисления, в первую очередь, к иудейской.

В религиозном поведении государя всея Руси, на наш взгляд, можно выделить две стороны: приверженность элементам традиционного религиозного мировоззрения и интерес к усвоению элементов вероучения иных конфессий.

При дворе Ивана III длительное время господствовал дух религиозной толерантности, навлекавший на великого князя и его окружение обвинения в

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 201. О том, что в основе известий Типографской летописи лежал Ростовский владычный свод см.: *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига в летописании конца XV в. // *Древнерусское искусство XIV–XV вв.* М. 1984. С. 283–313; *Лурье Я.С.* Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании. // *Вопросы истории.* 1993. № 11–12. С. 3–17.

¹⁵⁷ РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. № 122. Л. 275–288.

¹⁵⁸ *Тихонюк И.А.* «Изложение пасхалии» Московского митрополита Зосимы // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.* М., 1986. С. 45–61.

неправославии¹⁵⁹. Обращает на себя внимание то, что Ивану III, по видимому, совершенно было чуждо предвзятое отношение к иудеям, которое господствовало в католических странах Европы¹⁶⁰.

Периодически повторявшиеся преследования иудеев на протяжении XIII–XV вв. на государственном уровне имели место во Франции, Англии, Германии. В 1492 г. их общины, отказавшиеся принять христианство, изгнал из пределов Великого княжества Литовского Александр Ягеллончик¹⁶¹. В то же самое время в государстве Ивана III набирала силу ересь жидовствующих, борьбу с которой с переменным успехом вела православная иерархия во главе с новгородским архиепископом Геннадием. Позиция великого князя по отношению к еретикам, как было показано выше, вполне может быть названа покровительственной¹⁶². При этом занимавшие пост главы Русской церкви митрополиты Геронтий, а затем и Зосима демонстрировали весьма мало ревности постоять за чистоту православной веры. Позиция первого объяснялась как «боязнь державного», второй же сам навлек на себя обвинения в ереси.

Показателен, на наш взгляд эпизод с лечением и смертью соправителя великого князя Ивана Молодого. К постели больного «камчюгою в ногах» старшего сына Ивана III в 1490 г. был приглашен лекарь «Леон жидовин». Он активно принялся за лечение, прижигая язвы на ногах Ивана Молодого трупом. В результате лечения больному стало хуже и вскоре он скончался. По итогам неудачного лечения лекарь был казнен¹⁶³. Обращение за исцелением к лекарю-иудею строго осуждалось в средневековом христианстве. Современники-книжники вряд ли могли оставить без внимания библейскую параллель: «И сделался Аса болен ногами на 39 году

¹⁵⁹ Упомянем здесь согласие с честью принять в Москве папского легата Антонио Бонумбре в 1472 г. (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 299).

¹⁶⁰ См.: *Трахтенберг Д.* Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связи с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим, 1998.

¹⁶¹ См.: История еврейского народа / Под ред. Ш.Эттингера. М., 2001. С. 268

¹⁶² См.: ПИВ. С. 175–178.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 327; ПСРЛ. Т. 12. С. 222.

царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей тела; но он в болезни своей взыскал не Господа, а врачей» (2 Пар. 16: 12). Популярное в древнерусской книжности «Слово Иоанна Златоуста о лечащихся волхованием от болезни» гласило: «Христиане почто ся зовете, да повинимся кресту и не идем ко врагам Божиим, к волхвом и чародеем, то врази Божии суть, лучшее умерти, нежели ко врагам идти. Кое пособие тело целити, а душу убити, так я обретатель zde мало прияти утешение, а тамо посланным быти с бесы в вечный огонь»¹⁶⁴. На положение жидовствующих при дворе этот эпизод влияния не оказал.

Скудные данные источников не позволяют вынести полноценное суждение о том, каким было восприятие образа Ивана III в глазах монахов-книжников. Учитывая все вышеизложенное, следует признать, что едва ли оно было позитивным. Представляется, что неслучайно в одном из сборников Иосифо-Волоколамского монастыря помещен отрывок из византийской хроники Георгия Амартола, рассказывающий об убийстве императора-иконоборца Льва¹⁶⁵.

Приведенные здесь рассуждения отнюдь не исчерпывают тему религиозности Ивана III. Подводя предварительные итоги, можно отметить, что насколько нам позволяют судить источники, великий князь являлся гармоничной личностью, в которой уважение к Церкви, почитание святынь и монастырей сочетались со стремлением властно проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая порой в острые конфликты с высшей иерархией.

Очень мало возможностей для того, чтобы судить о духовной эволюции Ивана III. Он обнаружил способность противодействовать митрополитам уже в первые годы по вступлении на престол, а в последние годы правления предпринял попытку отобрать вотчины у монастырей. Только после церковного собора 1503 г. становится заметен резкий перелом в

¹⁶⁴ РГБ. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 435. Л. 56 об.–58 об.

¹⁶⁵ ГИМ. Епархиальное собрание. № 288. Л. 322–325.

сознании первого государя всея Руси. Его следует связывать с тяжелой болезнью, внезапно поразившей великого князя в разгар соборных прений.

Но даже покаявшийся в покровительстве еретикам и предпринявший паломничество по монастырям, великий князь счел необходимым сместить с владычной кафедры Новгорода своего главного оппонента в области церковной политики Геннадия Гонзова. Едва ли стоит доверять рассказу об отказе Ивана III от предсмертного пострижения в монашество в том виде, как он приведен у В.Н. Татищева¹⁶⁶. Характерно, однако, что если его отец Василий II Темный выразил согласие на постриг, но не принял монашество из-за сопротивления бояр, то постриг сына Ивана III Василия III состоялся в условиях острого конфликта между боярами и митрополитом.

Следует признать Ивана III только отчасти носителем типичного для великих князей Московского дома XIV–XV вв. типа благочестия, в котором уравновешивались ревность к вере с соображениями текущей политики, а авторитету церковной иерархии противопоставлялась гордость за принадлежность к потомству Владимира Святого, Александра Невского и Дмитрия Донского¹⁶⁷. Открытость первого государя всея Руси к общению с представителями других конфессий следует признать беспрецедентной.

¹⁶⁶ См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. VI. С. 100.

¹⁶⁷ Вопрос о восприятии князьями Московского княжеского дома идеала монашеской святости попытался прояснить в своей статье французский исследователь П. Гонно: *Гоно П.* Идеал монашеской святости и Московский княжеский дом 1389–1547 // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 6–7 сентября; Санкт-Петербург, 11 сентября 2000 г. М., 2006. С. 143–173.

Владимир Аракчеев, Российский государственный архив древних актов, Институт российской истории РАН (г. Москва)

**Инструменты консолидации Русского государства во второй
половине XV в.: фиск, служба, суд**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процесса создания Русского национального государства во второй половине XV в. Показаны основные направления изживания политической раздробленности русских земель в сферах фиска, организации службы и суда. Фискальная политика Москвы характеризуется стремлением опираться на тяглые

общины Поморья и сократить предоставление иммунитетных привилегий землевладельцам. Отмечена важная роль инноваций, внедренных в систему описания земель после инкорпорации Новгорода. Многообразие форм служебных отношений, практиковавшихся в объединяющемся государстве, позволяло использовать на службе как традиционно организованные отряды служилых князей и земцев, так и когорты помещиков. Институты центрального и местного управления при всем их несовершенстве обеспечивали сбор налогов и соблюдение правопорядка. Конфликтный потенциал общества смягчался практиками подачи коллективных челобитных и судебными практиками. В заключении подвергнуты пересмотру сформировавшиеся в историографии представления о типе государства в России и обоснована его характеристика как судебной монархии.

Ключевые слова. Фиск, иммунитет, поместное землевладение, система кормлений, судебные практики, судебная монархия.

Положение русских земель накануне вокняжения Ивана III описано в духовной великого князя Василия II 1461 г.: «А как почнут дети мои жити по своим оуделом, и моя княгини, и мой сын Иван, и мой сын Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да оуделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход оучнут давати сыну моему Ивану с своих оуделов»¹⁶⁸. «Выход» в «Орды» обескровливал русские земли в 1440–1470-х гг. Как показано в отдельной работе автора, как минимум до 1467 г. с суздальско-нижегородских земель выплачивалась дань в Казань, и до 1476 г. великий московский князь ежегодно выплачивал 7000-рублевый оклад дани в

¹⁶⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Далее – ДДГ). М., 1950. № 61. С. 197.

Большую Орду, помимо дани, шедшей с рязанских, тверских и других «великих» княжений¹⁶⁹.

С необходимостью повышать эффективность фиска для удовлетворения внутренних потребностей княжеств и было связано грядущее описание земли «по сохам и по людям». Однако достоверных данных об описаниях 1460-х гг. в распоряжении историков нет. С.Б. Веселовский предполагал, что в 1465/66 г. писец М.Б. Волынский описывал Костромской уезд, а С.М. Каштанов допускает, что до 1467 г. А. Полуектов мог описывать Владимирский уезд¹⁷⁰. Однако упоминаемые в более поздних выписях книги Волынского и Полуектова не имеют даты, и проверить изложенные гипотезы возможно лишь свидетельствами договорных грамот и предположением о периодичности описаний.

Договорные грамоты Ивана III с удельными князьями свидетельствуют, что по меньшей мере до начала 1480-х гг. вопреки завещанию Василия II, его «дети» не успели «описаться», ибо в договорных грамотах 1481 г. содержится ремарка: «А как опишем свои отчины, и тебе мне давати по той описи»¹⁷¹. Из судного дела крестьян Ликуржской волости с митрополичьими детьми боярскими известно, что до периода «промеж митрополитов» (29.06.1489–26.09.1490), когда Горяин Кулешин описывал земли Костромского уезда, там же «старые деревни» описывал М.Б. Волынский, а «новые, что волостели сажали» – Т. Долматов¹⁷². В этом случае, описание М.Б. Волынского, скорее всего, относится не к 1460-м, а к 1470-м, или первой половине 1480-х гг.

¹⁶⁹ Аракчеев В.А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 28–30.

¹⁷⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 286, 518; Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 32.

¹⁷¹ ДДГ. № 73. С. 270.

¹⁷² Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1951 (Далее – АФЗХ). № 254. С. 218.

Главным ресурсом государственного фиска были «черные» земли, в большинстве своем не имевшие податных льгот. Великокняжеская власть не стремилась обеспечить равные условия для несения тягла чернососными общинами, если это было необходимо для укрепления на пограничных территориях. Заинтересованный в возвращении под контроль Москвы «княжщин» на Двине, Иван III укреплял свои позиции в сопредельных устюжских землях. Об этом свидетельствует выдача в 1462–1474 гг. указной грамоты устюжским наместнику и тиуну о финансовой защите тяглового населения Пежмы и Заечьей реки, освобожденного от «потуга» и дани по оброчной грамоте. «Устюжане», под которыми нужно понимать совокупность тяглых общин Великоустюжского уезда, стремились, но не смогли включить пежемцев и заеречан в общеуездную тяглую раскладку¹⁷³. Оброчный принцип несения тягла (пежемцы и заеречане выплачивали вместо общих налогов 1000 белок в качестве оброка) был широко распространен и на чернососных, и на частновладельческих землях, но чаще всего применялся как временная мера.

В интересах казны была осуществлена концентрация кредитно-денежных ресурсов под великокняжеским управлением. Удельные князья утратили право чеканки монеты, что было подтверждено в духовной Ивана III¹⁷⁴. По мере объединения земель вокруг Москвы под ее контроль перешли денежные дворы в Новгороде и Твери, где продолжалась чеканка монеты прежнего веса, но уже от имени великого князя.

В наибольшей степени, однако, интересы казны страдали от широкого распространения податного иммунитета. Уже источники 1460-х гг. свидетельствуют о новом направлении фискальной политики – стремлении правящей группировки сократить привилегии тарханщиков, обеспечив

¹⁷³ Подробнее см.: *Аракчеев В.А.* Новый источник по истории великокняжеской политики в северорусских землях в третьей четверти XV в. // *Российская история.* 2011. № 4. С. 180–184.

¹⁷⁴ ДДГ. № 89. С. 361.

выплату в казну дани и, в ряде случаев, исполнение ямской повинности. По всей видимости, уже в 1462/63 г. был предпринят пересмотр тарханских грамот, и, по крайней мере, часть иммунитетов лишились освобождения от выплат дани и исполнения ямской повинности. Сказанное относится к Симонову монастырю, чья тарханно-несудимая грамота на села в подмосковной волости Раменейце была подтверждена Иваном III с приписью: «По сей грамоте князь великий Иван Васильевич пожаловал архимандрита симоновского Афанасия з братьею – сее грамоты рушити не велел ничем, опрочь дани (да яму)». Недатированная припись к тарханно-несудимой грамоте Спасо-Евфимьеву монастырю содержит отмену освобождения от «дани и оброка»¹⁷⁵.

Согласно подсчетам С.М. Каштанова, в 1460–1480-х гг. насчитывается всего 12 случаев предоставления Иваном III бессрочного и 11 случаев предоставления временного освобождения от дани. Тарханские грамоты большинства удельных князей, например, Андрея Углицкого на вотчины «с судом и с данью» также относятся к периоду до начала 1490-х гг. В 1491 г. великокняжеское правительство прекращает практику выдачи жалованных грамот с податным иммунитетом как светским, так и церковным вотчинникам¹⁷⁶. Это имело особое значение для уравнивания условий службы с вотчин и поместий в контексте распространения поместного землевладения и вообще внедрения принципов поземельного описания налогооблагаемых объектов.

Первое достоверно известное описание, отрывок из которого сохранился, датируется 1481/82 г. и было осуществлено Федором Киселевым в промысловых владениях митрополичьей кафедры и Нижегородского Печерского монастыря. Отсутствие упоминаний единиц обложения в

¹⁷⁵ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV–начала XVI в. Т. 2. М., 1958 (Далее – АСЭИ. Т. 2). № 349. С. 345–346; № 452. С. 492.

¹⁷⁶ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. С. 16; Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV–начала XVI в. Т. 3. М., 1964 (АСЭИ. Т. 3). № 78. С. 111; № 79. С. 112.

отрывке лишает возможности какой-либо его характеристики¹⁷⁷. Первое же описание земель Северо-восточной Руси с единицами обложения сохранилось от 1491/92 г. и относится к митрополичьим владениям Переяславского уезда. Его отличительной чертой является перечень крестьянских дворов в деревнях; в итогах по волости Великая Слобода и Опалеву стану приведено количество дворов и людей и оценка тяглоспособности в сохах («пашни пять сох», «пашни две сохи»). В соответствии с такими же принципами, когда в сохах оценивалась тяглоспособность всей волостки, описывались митрополичье село Пушкино в Московском уезде в 1498/99 г. и митрополичьи села в Юрьевском уезде в 1497/98 г.¹⁷⁸

Изложенные способы учета тягла в сохранившихся выписях нельзя относить к особенностям писцовых книг Северо-восточной Руси, поскольку митрополичьи владения были отделены в тягловом отношении от соседних земель и платили налоги в казну также отдельно, самостоятельно осуществляя раскладку внутри волосток. Иные принципы были воплощены в описании великокняжеских сел Владимирского уезда П.Г. Заболоцкого 1498/99 г., во фрагменте которого учтено отдельно количество пашни великого князя в десятинах, крестьянской пашни в десятинах, крестьянского сена в копнах и пашни в сошном письме¹⁷⁹.

Впервые новые принципы составления писцовых книг были воплощены в описаниях Новгородской земли после ее инкорпорации в состав единого государства. Их выработка была связана с масштабным переустройством землевладения Новгородской республики, проходившим в 1478–1499 г. В ходе переговоров в селе Троицком в январе-феврале 1478 г. новгородцы выдвинули Ивану III три главных условия: «вывода бы из Новгородские земли не учинил, и в отчины и в животы людские не вступал

¹⁷⁷ АФЗХ. № 240. С. 207–208.

¹⁷⁸ АФЗХ. № 22. С. 40–42; № 39. С. 54–55; № 165. С. 148–149.

¹⁷⁹ АФЗХ. № 166. С. 152–153.

бы ся..., да и службы бы в Низовскую вами не наряжал». В обмен на сохранение вотчин и несение службы в Новгороде посадники и сотские согласились на конфискацию всех категорий земель в Торжке, 10 владычных волостей и половины владений шести монастырей, составлявших во главе с Юрьевым монастырем новгородскую архимандритию. В качестве уступки Иван III согласился взимать дань с новгородской земли, включая Поморье, в объеме 7 денег (полугривны) с сохи, не посылая собственных писцов и данщиков в волости: «а скажут всех, колко у кого сох будет, да сами, собрав дань, отдадут по крестному целованию...; а кто утаит хотя одну обжу, а уличим его...»¹⁸⁰.

Обусловленная договором проверка количества обож в бывших и сохранявшихся вотчинах привела к необходимости мобилизовать данные вотчинных описей, в которых фиксировались сведения о «старом доходе» владельцев. Получить данные о денежном и хлебном доходе в первые годы после инкорпорации Новгорода было несложно по причине того, что большая часть светских и церковных землевладельцев сохраняла свои земли; эти владельческие вотчинные описи в позднейшей документации получили название «старых книг». С 1482 г. началась раздача конфискованных земель новым землевладельцам-помещикам, в большинстве своем переведенным из московских уездов под условием несения службы. Формирование поместного землевладения шло на иных принципах, нежели ранее развивалось вотчинное. Сохранившиеся жалованные грамоты помещикам фиксировали передачу сел и деревень «з доходом з денежным и с хлебным по старине, как были те селца и деревни за Богданом за Есиповым и за Иваном за Кузминым и за Хомутовым, oprичь моей, великого князя дани»¹⁸¹. Новый землевладелец не мог произвольно менять размеры получаемого дохода во избежание запустения поместья, которое располагалось на земле великого князя.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. VIII М., 2001. С. 194–196.

¹⁸¹ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. Т. 4. М., 2008. № 91. С. 69.

Однако Иван III, наместники которого в Новгороде столкнулись с противодействием их административно-судебной власти, отступил от первоначальных обещаний новгородцам, и на протяжении 1480-х гг. осуществил новые конфискации вотчин, теперь уже у светских землевладельцев, бояр и житейных людей, семьи которых были выселены из Новгорода в уезды Северо-восточной Руси. Нарушенным оказалось и обещание не присылать в Новгород своих писцов, ибо не позднее 1486/87 г. в новгородских землях появились московские писцы. Свидетельством этому является сохранившаяся выпись из писцовой книги Деревской пятины письма Тимофея Петровича Замыцкого и дьяка Якова Кочергина¹⁸². Факт использования писцами 1480-х гг. фискальных окладных единиц обжи и сохи, бытовавших в Новгороде республиканской эпохи, свидетельствует о том, что московские писцы преследовали цель зафиксировать нормы обложения недавно созданных поместий.

Описания второй половины 1480-х гг. в дальнейшем получили название книг «старого письма», которые были использованы в качестве приправочных при составлении писцовых книг валового письма 1499–1505 гг. и предопределили их структуру, в особенности структуру ранней писцовой книги Деревской пятины 1499 г. На завершающем этапе в 1499 г. была осуществлена масштабная конфискация владычных и монастырских земель; в Деревской пятине церковь лишилась 48% всех земель¹⁸³. В результате уже к концу XV в. в новгородских землях сложилась мощная поместная корпорация землевладельцев, полностью лишенных податного и судебного иммунитета и всецело зависимых от власти¹⁸⁴.

¹⁸² Баранов К.В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 85-93.

¹⁸³ Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. С. 308–311, 180–190.

¹⁸⁴ Подробнее см.: Аракчеев В.А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI–начала XVII в. М., 2014. С. 197–199.

К началу XVI в. система условного землевладения была распространена не только на новгородских землях северо-запада, где она возникла в результате крупномасштабных мобилизаций земли, земельных экспроприаций и массового испомещения вотчинников, происходивших с территории бывшего великого княжества Владимирского. Аналогичная судьба ждала многих из 1632 новгородских вотчинников, переселенных на северо-восток – в старые уезды великого княжения. В.Б. Кобрин выявил десятки представителей предположительно новгородских семейств, осевших в Замосковном крае в качестве помещиков.

Он же отметил, что на границах между великокняжескими (Московский уезд) и удельными (Дмитровский уезд) владениями в 1504 г. было более 30 владельцев земель на условном праве, причем некоторые из названных в межевых грамотах помещиков к этому времени уже успели лишиться своих поместий¹⁸⁵. Упомянутые в разъезжей грамоте 1504 г. Семен и Кузьма Рожновы известны также как помещики Звенигородского уезда. Деревни, которые ранее были зафиксированы на поместном праве «за» Семеном, Кузьмой и их братом Григорием Михайловыми детьми Рожнова, были пожалованы удельным князем Юрием Дмитровским «впрок и в вотчину» П.М. Плещееву. Рожновы однако, лишились поместий только в Дмитровском уезде; в Звенигородском уезде за Семеном Рожновым с братьею «в поместье» остались села Воиславское, Ершовское и Лихаревское¹⁸⁶. В Мушкове трети Московского уезда Кузьма Рожнов лишился сельца Турилова и деревни Замочниково, но сохранил «за» собой деревню Турилово; его брат Семен Рожнов лишился сельца Раково в Мушкове трети, но, видимо, сохранил свою долю в сельце Балино Лучинской волости Московского уезда, которое отмечено в совместном владении

¹⁸⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 108–113.

¹⁸⁶ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 59. С. 64.

Рожновых¹⁸⁷. Описанные конфискации поместий были связаны с выделением Дмитровского и Звенигородского уездов по духовной Ивана III в удел князю Юрию, который как суверенный владелец своего удела оказался в состоянии наделить Плещеева вотчиной за счет поместных земель. Ранее испомещенным Рожновым пришлось смириться с утратой поместий, что, возможно, было компенсировано пожалованиями из соседних земель.

Таким образом, поместная система внедрялась, во-первых, потому, что она в полной мере удовлетворяла требованиям фиска, поскольку населявшие поместья крестьяне платили все налоги, а, во-вторых, задавала новые условия службы, бывшей вторым важным инструментом государственной консолидации. Во второй половине XV в. сложились основные формы служебных отношений, которые просуществовали в Русском государстве вплоть до опричнины. Государство в целом оставалось дисперсной патримониальной монархией, в которой власть и земля были разделены между принцами крови, принадлежавшими к династическим линиям Рюриковичей и Гедиминовичей. Всей полнотой властных прерогатив в своих уделах обладали удельные князья, получавшие их по завещанию великого князя. В договорных грамотах обе стороны давали обязательства «блюсти, и не обидети, и не вступатися» в великое княжение, или уделы, полученные от дарителя-отца. Великий князь гарантировал всю полноту властных прерогатив удельного: «на тех селех суд и дань тоя по земле»; «те села ведати и з судом, и з данию». Существенное ограничение состояло в запрете удельным князьям принимать на службу «князей служебных с вотчинами», однако боярам, детям боярским и слугам предоставлялась возможность переходить на службу к любому из суверенов¹⁸⁸.

Впрочем, последняя норма договоров к 1480 г. практически не действовала: переход на службу в удел кн. И.В. Лыко-Оболенского, смещенного с великолукского наместничества и привлеченного к суду, стал

¹⁸⁷ ДДГ. № 95. С. 387–388.

¹⁸⁸ ДДГ. № 73. С. 269–270.

поводом для его ареста приставами Ивана III и наказания. Ликвидация в 1472–1491 гг. уделов братьев и племянников великого князя (кроме Волоцкого) политически оформляла экономический упадок уделов. Договорные и духовные грамоты 1480–1500-х гг. фиксируют прогрессирующее оскудение удельных князей, чьи долги перед московскими гостями становились неоплатными¹⁸⁹. Б.Н. Флоря считает, что решающее значение для эволюции служебной организации, обеспечивавшей нужды дворцового хозяйства в великом княжении и уделах, имел запрет для удельных князей на выем огородников и мастеров из состава посада в состав своих служебников. Право на эту операцию сохранил лишь великий князь¹⁹⁰. Несмотря на то, что удельная система воспроизводилась при смене монарха, как это произошло в 1503–1505 гг., потенциал удельных князей был несопоставим со средствами, которыми располагал великий князь, а зачастую и служилые князья.

Статус служилых князей был обусловлен их происхождением и военно-политическим потенциалом. Согласно определению А.А. Зимина, княжение служилого князя «рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков слуги или пожалованная ему великим князем), и обуславливалось несением службы московскому государю»¹⁹¹. В этом определении, однако, не учтены пределы княжеского иммунитета, ибо далеко не все, обладавшие вотчинами и несшие службу государю князья, владели землями с правом сбора налогов и суда. В 1460-х гг. среди князей Северо-Восточной Руси (Суздальских, Тверских, Стародубских, Ярославских и пр.) выделяются группы собственно служилых князей, связанных с государем особыми отношениями, и князей, перешедших на службу непосредственно «во двор» государя. К первой категории, несомненно, принадлежали

¹⁸⁹ ДДГ. № 80. С. 311; № 88. С. 351–352.

¹⁹⁰ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 68–70.

¹⁹¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. М., 1988. С. 143.

суздальские и ростово-ярославские князья, которые в 1460–1480-х гг. служили князьями-наместниками в Новгороде и Пскове, и только в 1490-х гг. перешли на «московскую» службу¹⁹². Князья младших линий переходили на службу Москве с утратой всех своих суверенных прав, сохранив лишь обширные податные и судебные привилегии. Такой статус получили по тарханно-несудимой грамоте 1464 г. князья Ярославовы, которые утратили право сбора дани и суда по делам о душегубстве, а сами оказались подсудны великому князю или его введенному боярину¹⁹³.

Князья Бельские, Воротынские, Белевские, Трубецкие, Мосальские, Мезецкие, прибывшие на Русь из Великого княжества Литовского в разгар войны с ним в конце XV в., также были включены в состав «служебных» или служилых князей, особой группы правящей элиты внутри великокняжеского двора. Согласно русско-литовскому договору 1503 г. в число «слуг» московского государя включены С.И. Стародубский, В.И. Шемячич, С.И. Бельский, князья Трубецкие, Мосальские и «иные наши слуги»¹⁹⁴. Высокий статус князей Бельских был обусловлен их принадлежностью к потомкам Гедимины, а в дальнейшем родственными связями с великокняжеской семьей. Князь Ф. И. Бельский, выехавший в Москву из Литвы в 1481/1482 г., получил от великого князя в вотчину конфискованные у новгородских землевладельцев земли в Деревской пятине: «город Демон вотчину да Мореву со многими волостями»¹⁹⁵. А.А. Фролов ошибочно утверждает, что земли в Деревской пятине были даны Бельскому в кормление.

Анализ описания Моревы в писцовой книге 1499 г. убеждает, что Бельский владел ею не как кормленщик, а как служебный князь. Во-первых,

¹⁹² *Зимин А.А.* Формирование... С. 67–98.

¹⁹³ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII в. Т. 1. М., 1997. № 312. С. 302–303.

¹⁹⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 58, 152, 263, 399; *Зимин А.А.* Формирование... С. 124–138; *Назаров В.Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // *Русский дипломатарий*. Вып. 5. М., 1999. С. 175–196.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. Стб. 213–214; Т. 26. М., 1963. С. 152; *Фролов А.А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI–начале XVIII в. // *Очерки феодальной России*. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 106–120.

часть деревень в Мореве были «за княжими слугами», что могло иметь место лишь в случае вотчинного владения князем волостью; лишь в этом случае он мог давать деревни своим послужильцам в держание, в то время как кормленщики не обладали таким правом. Во-вторых, в итогах описания волости Моревы четко разграничен «княжей доход» Бельского как вотчинника и «корм волостелю и с тивуном» и доводчику, из чего следует, что это принципиально разные виды дохода. В состав «княжего дохода» помимо денег входил мелкий доход, черная куна и коневщина – типично государственные подати, которые кормленщику переданы быть не могли. По своему объему (40 новгородских рублей, помимо оброчных платежей хлебом) доход Бельского был также не сопоставим с кормами волостеля и его тиуна (10,5 новгородских рублей и 4 гривны с 6 деньгами)¹⁹⁶.

После опалы в 1490-х гг. Бельский получил в вотчину Лух, Кинешму и две волости и женился на Анне Васильевне, дочери родной сестры Ивана III Анны и великого князя Рязанского Василия Ивановича¹⁹⁷. Бельские, как и другие служилые князья, подпадали под юридическую норму межкняжеских договоров о конфискации их земель в случае отъезда к удельным князьям, а их родовые вотчины в случае бездетной кончины переходили к государю, как это случилось с принадлежавшим кн. Семену Бельскому городом Белой¹⁹⁸. В 1500 г. на службу в Москву перешли также потомки второго сына Ольгерда князя Трубецкие, сохранив суверенное владение родовым Трубчевском в составе Русского государства¹⁹⁹.

Чернигово-Северские князья Юго-Западной Руси (Оболенские, Воротынские, Одоевские, Мезецкие и др.) также входили в категорию «слуг»: именно так охарактеризовали владевших «дольницами» города

¹⁹⁶ Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862. Стб. 735–736.

¹⁹⁷ *Беляев Л.А., Шокарев С.Ю., Шуляев С.Г.* Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (82). 2020. С. 85–88; *Зимин А.А.* Формирование... С. 124; ДДГ. № 89. С. 357.

¹⁹⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 144, 329.

¹⁹⁹ *Зимин А.А.* Формирование... С. 127.

Белева князей Белевских русские послы во время переговоров с Литвой. По договору 1494 г. великий князь Литовский Александр признал службу потомков черниговских князей московскому государю, подтвердив, что «князи новосельский, одоевский, и воротынский, и перемышльский, и белевский все твои, великого князя Ивана и твоих детей и з своими отчизнами»²⁰⁰. Князья Воротынские перешли на службу в Москву в 1487–1492 гг., сохранив за собой обширный удел в составе городов Воротынска, Перемышля, Мосальска, Серпейска, Опакова и волостей, находившихся в доле владении. Однако бездетная кончина Дмитрия и Семена Воротынских привела к тому, что к 1503 г. две трети Воротынска, Серпейск, Опаков и волости оказались в руках Ивана III и его наследников²⁰¹.

Столь же незавидная судьба постигла перешедших в 1480-х гг. на службу в Москву князей Одоевских, ибо два жребия Одоева после смерти бездетных князей также перешли во владение великокняжеской семьи²⁰². Перешедшие в 1500 г. на службу в Москву князья Мосальские также получили статус «слуг», зафиксированный в договоре с Литвой 1503 г.²⁰³ Князь Михаил Мезецкий, отъехавший на службу к Ивану III в 1492 г., спустя 10 лет фактически утратил статус «слуги»: согласно великокняжеской духовной 1504 г. он лишился своего «жеребья» городка Месческа в результате обмена, а полученную «по меновой грамоте» волость Олексин в Стародубе он держал как обычный вотчинник, поскольку «суд и дань» в ней принадлежала Василию III²⁰⁴.

Наиболее влиятельными из «слуг», вступивших на службу великому князю Московскому в 1500 г., стали князь Семен Иванович Можайский (правнук Дмитрия Донского) и князь Василий Иванович Шемячич (внук

²⁰⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 152; ДДГ. № 83. С. 330.

²⁰¹ ДДГ. № 89. С. 355–356.

²⁰² Назаров В.Д. Тайга челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.

²⁰³ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 399.

²⁰⁴ ДДГ. № 89. С. 355.

врага Василия Темного Дмитрия Юрьевича Шемяки). Их «отчизны», в отличие от остальных служилых князей, больше походили на уделы: согласно наказу московскому послу князь Семен Иванович «приехал з города с Черниговым, да с Стародубом, да с Гомьем, да с Любичем». Его сын, кн. Василий Стародубский позднее получил от сюзерена Хотунскую дворцовую волость, а также совместно с кн. Василием Шемячицем волости Товарков и Конопкарь на реке Угре²⁰⁵.

Кн. Василий Иванович Шемячич перешел на сторону Москвы с не менее обширными владениями, в состав которых входили Новгород-Северский, Рыльск, Радогощ и Путивль, причем два последних города были «приданы» ему Иваном III из числа завоеванных. Еще одним пожалованным кн. Василию городом был Малый Ярославец, об условиях владения которым можно судить определенно по жалованной грамоте Троице-Серигеву монастырю 1516 г. Согласно акту, Василий III «ярославцом пожаловал слугу своего князя Василья Ивановича с судом и з данью». Судебные прерогативы кн. Василия распространялись на большинство тяглого населения уезда, и лишь иммунисты, подобно троицкой вотчине, были неподсудны «слуге» и его тиунам, за исключением сместного суда. Основной налог – дань – поступал в казну служилого князя: «А дань емлет князь Василей на себя с тех сел и з деревень с монастырских з году на год по сохам по тому ж, как яз коли велю взяти дань на себя с своих городов з Боровска и с Можайска, по кольку с сохи, а oprичь дани не емлет с них ничего»²⁰⁶. Концентрация дани в руках служилых князей, а также суд над всеми землевладельцами, не имевшими тарханных грамот от великого князя, превращали Стародубского и Шемячича по сути не в подданных Москвы, а в вассалов, находившихся под ее протекторатом.

²⁰⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1882. С. 318; *Зимин А.А.* Формирование... С. 138–139; ДДГ. № 104. С. 441–442.

²⁰⁶ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 135. С. 132.

Князья Вяземские зимой 1492–1493 г. оказались в Москве в качестве пленников после захвата русскими войсками Вязьмы, которой их же и пожаловали. В силу раздробленности их вотчинных владений они не получили статуса служилых князей и не сохранили владение городом Вязьмой²⁰⁷.

Могущество удельных и служилых князей на подведомственных им территориях компенсировалось их отсутствием в составе думы великого князя. Во второй половине XV в. Боярская дума пополнялась преимущественно старыми слугами московских князей, предки которых начали служить этим князьям в рядах старомосковского боярства. На протяжении княжения Ивана III состав Думы неоднократно менялся, но ее структура и численность думцев были на удивление стабильны. Согласно реконструкции А.А. Зимина, в 1461/62 г. накануне вступления на трон Ивана III Дума состояла из 10–11 человек, из которых пятеро были старомосковскими княжатами. К моменту кончины Ивана III Дума состояла из пятерых бояр и семи окольных, из которых старомосковскими княжатами были четверо.

И в 1461/62, и в 1505 гг. в составе Думы был один титулованный думец из рода князей Патрикеевых (кн. Иван Юрьевич и кн. Д.В. Щеня), двое или один думец из рода Оболенских (кн. Василий Иванович и кн. Иван Васильевич Стрига в 1461/62 и кн. П.В. Нагой в 1505 г.) Другие титулованные думцы были представителями родов Ряполовских, Холмских и Ярославских²⁰⁸. Княжата приносили особую крестоцеловальную (или «проступную» в случае некой вины) запись в верности трону, свидетельством чему является единственная сохранившаяся запись от имени

²⁰⁷ Зимин А.А. Формирование... С. 136–137.

²⁰⁸ Зимин А.А. Формирование... С. 283–288.

кн. Д.Д. Холмского 1474 г.²⁰⁹ Записи впоследствии возвышение кн. Холмского при дворе и кооптация его в состав Думы к 1479 г.

При Государевом дворе среди нетитулованного старомосковского боярства наиболее могущественными и многочисленными являлись выходцы из рода Ратши (Челяднины, Бутурлины), Кобылины (Захарьины, Колычевы), Морозовы, Сабуровы и Годуновы, Плещеевы. Заметную роль играли потомки Редеди (Хабаровы, Глебовы, Гусевы, Поджогины), Заболоцкие, Кутузовы, Новосильцевы, тверские и рязанские боярские роды (Борисовы, Житовы, Карповы, Нащокины, Нагие, Денисьевы-Булгаковы, Вердеревские, Измайловы), а также потомки выехавших на службу великому московскому князю греков (Ховрины и Траханиоты)²¹⁰.

Из среды этих родов отбирались администраторы в состав Казны, дворцовых учреждений, на должности наместников в крупные города, прежде всего в Москву. Исполнение должности московского наместника, в силу ее исключительной важности, не было ограничено временем: так, кн. И.Ю. Патрикеев занимал должность московского наместника 27 лет – с 1472 по 1499 г.²¹¹ В духовной грамоте Ивана III 1504 г. перечисляются казначей Д.В. Овца и казенные дьяки, в том числе С. Башеин, дворецкий П.В. Великий-Шестунов и дворцовые дьяки, тверской дворецкий, тверские дьяки и приказчики, дворецкий в Великом Новгороде и находившиеся там же казначеи, дьяки и приказчики. Кроме того, упоминаются отдельные «казны» на Белоозере и в Вологде²¹². Видимо, в духовной 1504 г. фрагментарно представлена структура управления финансами страны, для которой характерна зачаточная централизация. Помимо главной казны во главе с великокняжеским казначеем, выделены центры фискального управления в Новгороде Великом (новгородский дворецкий, казначеи, дьяки, приказчики),

²⁰⁹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. № 103. С. 249–250.

²¹⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 516–519.

²¹¹ *Зимин А.А.* Формирование... С. 31.

²¹² ДДГ. № 89. С. 363.

Белоозере и Вологде, где собирались налоги, частично, видимо, расходовавшиеся на местах.

На нижнем уровне Государева двора в конце XV в. – первой половине XVI в. находились дети боярские – так именовались служилые люди, имевшие разный служебный статус, происходившие не только от княжеских и боярских родов, но и послужильцев из их «распущенных» дворов. «Дворовые» дети боярские в отличие от «городовых» детей боярских призывались для службы в столицу, участвовали в общегосударственных делах: военных походах, посольских приемах, дипломатических миссиях, центральном и местном управлении.

Местное управление основывалось на системе кормлений, которая была российским вариантом системы пребенды – исполнения должностных обязанностей, оплачиваемых подданными. В кормление давались должности наместников, волостелей, а также разнообразные доходные статьи – право держать тиунство, правду, ключ, собирать пошлыны административного («писчее») или дворцового («ясельничее») происхождения. Наместниками городов назначались, как правило, представители старых служилых родов, а их функциональные обязанности состояли в обеспечении обороны города, мобилизации служилых людей уезда, осуществлении правосудия и обеспечении торгово-промышленной деятельности. На должности волостелей назначались выходцы из низших страт государева двора, или представители местных служилых сообществ, хотя доходность волостельств, в особенности в Поморье, могла быть значительна. Кормление предоставлялось служилому человеку периодически, в порядке очереди из претендентов на годовой срок и могло продлеваться за особые заслуги. Служба на кормлении воспринималась человеком как маркер его социального статуса. Так, попавший в литовский плен Федор Кобец,

получивший ранее в кормление сбор в Новгороде ясельничего, назвал себя в плену «яселничий Великого Новгорода»²¹³.

Административный аппарат наместников и волостелей (тиуны, доводчики, праветчики), как правило, комплектовался из числа холопов-министерялов. Выполняемые такими слугами функции М. Вебер называл «экстрапатримониальными», выводил их из «произвольного усмотрения господина», а саму систему пребенды считал крайней формой ленной системы вознаграждения за службу²¹⁴. Оплата службы кормленщиков и их аппарата осуществлялась местным населением, которое собирало в его пользу въезжий и три праздничных корма, исчисленных в натуральном и денежном выражении. Кормы взимались выборными сотскими и десятскими отдельно с частновладельческих и чернососных земель. Контроль за торговлей осуществляли пошлинники кормленщика, взимавшие «явку» с торговых людей и «протаможье» с нарушителей, торговавших вне установленных мест. Судебные пошлины, взимавшиеся кормленщиками, должны были быть гарантией осуществления ими правосудия, поскольку делали наместников и волостелей материально заинтересованными в решении дел до суда или по суду.

Дети боярские «из городов» несли военную службу в составе уездных ополчений уже во второй половине XV в. В 1496 г. Иван III отправил к Казани «многих детеи боярских двора своего и понизовых городов дети боярские, новгородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози».²¹⁵ Впервые в разрядных книгах «городовые дети боярские» упоминаются осенью 1508 г. в Вязьме во время войны с Великим княжеством Литовским. Воеводе передового полка князю В. В. Шуйскому было велено «людей у себя оставить из своих людей, которые у нево, 500 человек голов

²¹³ Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 154.

²¹⁴ Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 152–159.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 328.

детей боярских, опричь тех, которые с ним князи и дети боярские из двора и из городов»²¹⁶.

В службу включались и «земцы» – страта мелких вотчинников, непривилегированных землевладельцев из окраинных земель, включавшихся в состав единого государства. Их судьба оказалась противоречивой, и в то время, как на большей части территории Русского государства земцы исчезли, влившись в состав поместных корпораций, или деградировав до крестьян, в Новгороде земецкое землевладение сохранилось до XVII в.²¹⁷ Описанное многообразие форм служебных отношений в едином Русском государстве обнаруживает как неизжитые реликты удельной эпохи, так и новые порядки, основанные на регламентации и контроле.

В историографии эти новые порядки неизменно отождествлялись с правом, апофеозом развития которого в конце XV в. считается создание Судебника 1497 г., объединившего в себе нормы обычного и княжеского права»²¹⁸. Однако многочисленные противоречия юридических норм, отразившихся в статьях Судебника, не позволяют признать их совокупность системой права, хоть сколько-нибудь подобной древнеримской или новоевропейской. В условиях изоляции от воздействия римского права единственным путем внедрения нового порядка было заимствование правовых норм из законодательных сводов русских земель и развитие на их основе судебных практик, которые наряду с петициями подданных стали важнейшим инструментом консолидации общества.

Коллективные петиции и право подданных на их подачу рассматриваются в современной историографии как характерная черта европейских монархий раннего нового времени²¹⁹. Наиболее ранние

²¹⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 43..

²¹⁷ Аракчеев В.А. Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV–XVI вв. // Российская история. 2020. № 4. С. 71–82.

²¹⁸ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 435.

²¹⁹ Blickle P., Ellis S., Osterberg E. The Commons and the State // Resistance, Representation and Community. Oxford, 1997. P. 151.

упоминания коллективных челобитных великому князю Московскому относятся ко второй половине 1470-х гг. Массовые челобитья о судебной защите от новгородцев поступили Ивану III во время его «похода миром» в Новгород зимой 1474–1476 гг. Их результатом стало судебное разбирательство и осуждение бояр и их клиентелы за «наезд» (разбойное нападение) на дворы противоборствующей группировки. В 1479–1480 гг. результатом коллективного челобитья жителей недавно включенных в состав государства Великих Лук на наместника И.В. Лыко-Оболенского стало его обвинение великим князем в несправедливости и принуждении к выплатам компенсаций («оборотню в продажах платил»)²²⁰. Изложенные факты дают основание заключить, что власть рассматривала коллективные челобитные как немаловажный канал «обратной связи» с территориальными общностями.

Однако несравнимо более важным каналом были судебные практики, которые лишь частично регламентировались законодательством, изменения в котором, так же как и в фискальных практиках, были стимулированы подчинением Новгорода. Вопрос о переработке псковско-новгородского права Москвой был поставлен еще П.И. Беляевым и Л.В. Черепниным²²¹. Вступая в войну с республикой в 1471 г., Иван III преследовал своей целью восстановление позиций великокняжеской власти в Новгороде, в том числе в суде. Нововведение, сделанное одновременно с заключением Коростынского договора 11 августа 1471 г., касалось нескольких статей Новгородской судной грамоты. Важный фрагмент Коростынского договора трактует эти нововведения следующим образом: «А что грамота докончалная в Новгороде промеж себе о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей. А что заклад в той в новгородской грамоте в докончалной

²²⁰ Софийская вторая летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2.) М., 2001. С. 246–249, 222.

²²¹ Беляев П.И. Источники древнерусских законодательных памятников // Журнал Министерства юстиции. 1899. Декабрь. С. 113–121; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 434–436.

написан на наездчиков, и на грабежчиков, и на доводчиков, ино князем великим взяти половина от сего dokonчания, а Великому Новгороду половина взяти. А кто имет посул давати или кто и почнет имати по концем, и по рядом, и по станом, и по улицам у грабежчиков, и у наводщика, и у наездщика, ино взяти на том той же заклад, великим князем половина, по Новгородской грамоте, а Великому Новгороду половина. А сотским и рядовичем безо князеи великих наместника и без посадника не судити нигде»²²².

В сохранившихся фрагментах Новгородской судной грамоты следы редакции 1471 г. прослеживаются в ст. 2, 6, 10, 28 и 42. Статьей 2 («А посаднику судити суд свои с наместники великого князя по старине; а без наместников великого князя посаднику суда не кончати») утверждается приоритет великокняжеского наместника в суде посадника²²³. В последующих статьях содержались запреты побуждать толпу к нападению на суд или противостоящую сторону, обязательства незамедлительного рассмотрения дел о наезде и грабеже, а также завершения дела о земле одним составом суда²²⁴. Такие изменения в текст Новгородской судной грамоты могли быть внесены только в результате совместной работы московских и новгородских дьяков.

Опыт работы дьяков по разграничению полномочий судей в Новгороде не мог не сказаться на судебной практике в Москве. Между 12 сентября 1472 г. и 14 сентября 1473 г., когда после кончины Юрия Дмитровского Иван III узурпировал его «отчину», в том числе половину трети Москвы, было

²²² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 27. С. 50–51.

²²³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. С. 381; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 229–230. В.Л. Янин заявляет, что статьей 2 устанавливался приоритет посадника в сместном суде, что свидетельствовало о «недосмотре великокняжеской администрации», хотя текст Новгородской судной грамоты противоречит его утверждению. См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 192

²²⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 312–320.

предпринято составление так называемой «Записи о душегубстве»²²⁵. Великий князь, безусловно, нуждался в упорядочении московских судов путем увеличения полномочий наместников-третников, двое из которых теперь представляли его интересы. Согласно нормам «Записи» полномочия наместника-третника распространялись на широкий спектр уголовных дел, включая душегубство (убийство), кражу с поличным и без, и «пенные» дела, наказывавшиеся штрафом. Подсудность московским наместникам распространялась на такие города, как Серпухов, Руза и Звенигород, причем такой порядок сохранялся и после воссоздания уделов по духовной Ивана III. Как предположил Г.В. Семенченко, наместники городов, «тянувших к Москве» по делам о душегубстве, должны были извещать московских наместников о пойманных на местах убийцах²²⁶.

Одновременно в 1474 г. для нужд московских законодателей была изготовлена копия Псковской судной грамоты, а в 1484–1486 гг. осуществлялось кардинальное редактирование ее текста. Как показал Л.В. Черепнин, по инициативе наместника великого князя Я.В. Оболенского в Пскове был ликвидирован вечевой суд, замененный судом Господы на княжеском дворе. Работа в сфере кодификации правовых норм, использовавшихся в судах формирующегося Русского государства и зависимых от него государственных образований затронула законодательство как Пскова, так и Москвы. П.И. Беляев и Л.В. Черепнин выявили статьи Псковской судной грамоты, которые в переработанном виде стали непосредственным источником уставных грамот наместничьего

²²⁵ Подробнее см.: *Аракчеев В.А.* «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 52. Сер. 2. Гуманитарные науки. Вып. 16. С. 25–38.

²²⁶ «Которые города и волости подавал детем... тянут душегубством к Москве...». См.: ДДГ. № 89. С. 361; *Семенченко Г.В.* Судебник 1497 года и некоторые аспекты правительственной политики в конце XV в. // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 255.

управления (ст. 8, 49, 80, 93) и Судебника 1497 г. (ст. 17, 20, 21, 22, 36, 40, 47, 60, 105, 109)²²⁷.

От XV в. сохранилась единственная уставная грамота наместничьего управления – Белозерская 1488 г. Г.В. Семенченко пришел к выводу, что еще до утверждения Судебника 1497 г. существовал «образец» (единый формуляр) уставной грамоты наместничьего управления, на основании которого составлялись такого рода документы, не сохранившиеся до настоящего времени. Исследователь, однако, всецело сосредоточился на сравнении величины «присуда», взимавшегося «боярином» и наместником в соответствии со статьями уставных грамот наместничьего управления и Судебника 1497 г., на основании чего сделал вывод о одновременности составления трех «блоков» свода законов. С его точки зрения, разницей в величине «присуда» между ст. 3–7 и 38 Судебника свидетельствует о том, что первоначально (во второй половине 1480-х гг.) правительство установило фиксированный присуд в 10 % от суммы иска. В дальнейшем же (в сентябре 1497 г.) законодатель вернулся к норме присуда в размере суммы иска (или половины этой суммы)²²⁸.

Семенченко, однако, не учел того, что в ст. 38 Судебника 1497 г. упоминаются некие «грамоты», в соответствии с нормами которых наместнику следовало взимать «на виноватом» судебные пошлины. Причем в случае, если «не будет где грамоты» («где нет грамоты»), пошлины могли взиматься в сумме иска, или половины иска. Если под «грамотами» ст. 38 понимать уставные грамоты наместничьего управления,²²⁹ то ситуация с размером «присуда» по Судебнику и грамотам представляется следующей. В 1497 г. законодатель располагал информацией о том, что уставные грамоты наместничьего управления были выданы еще далеко не всем городам и

²²⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. С. 429–436.

²²⁸ Семенченко Г.В. Судебник 1497 года. С. 253–268.

²²⁹ А не «особые» «провинциальные» грамоты, как полагал Ю.Г. Алексеев. См.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 304.

землям («где нет грамоты»). В действовавших грамотах наместничьего управления фигурировали различные нормы «присуда» – 2 алтына 8 денег, или «противу исцева», или «противень вполы исцева», или другие, не известные нам нормы. Именно поэтому в «Указе наместником о суде городским» (ст. 38) законодатель вынужден был для тех городов и уездов, «где нет грамоты», ввести максимальную норму «присуда», эквивалентную сумме иска («противу исцева»), а для «боярского суда» в столице ввел норму в 10% от суммы иска.

Отсутствие выданных московским правительством уставных грамот наместничьего управления во многих землях приводило к определяющему влиянию на дальнейшее развитие права судебных практик, источником по истории которых являются сохранившиеся судебные дела о земле. Конфликты между землевладельцами и землепользователями осложнялись широким распространением судебного иммунитета, который, в отличие от податного, во второй половине XV в. сохранялся. Условия судебного иммунитета подразумевали право землевладельца на суд над своими крестьянами и на участие в суде в случае тяжб с крестьянами соседними. Таким образом, суд о земле в первой инстанции осуществлялся с участием двух судей – «съезжих», или «вопчих». Так, суд о пустоши Звенигородского уезда между митрополичьими крестьянами и крестьянами удельного князя Андрея Васильевича судили съезжие судьи – дворецкий митрополита Семен и княжеский судья И. Хвоцинский. Во второй инстанции дело было перенесено на суд великого князя Ивана III, который в присутствии трех бояр вынес решение, опираясь на «список» (протокол первого заседания)²³⁰.

Видимо, практика деятельности съезжих судей привела к появлению так называемых «данных» судей, которых государь «давал» истцу и ответчику. В.Б. Кобрин показал, что функции данных судей ограничивались предварительным расследованием и составлением с участием судных мужей

²³⁰ АФЗХ. № 103. С. 97–99.

судного списка²³¹. Такой данный судья мог выслушивать показания титулованных землевладельцев. Так, на судебных заседаниях 1496–1498 гг. о земельных спорах Троице-Сергиева монастыря с князьями Оболенскими в Малоярославецком уезде в качестве ответчиков перед данным судьей В.Г. Зверевым выступали князья Ф.И. Лыков, И.В. Кашин и И.К. Оболенский. Во второй инстанции судный список следовало «доложити государя великого князя», от имени которого судил кн. И.Ю. Патрикеев, перед которым и были поставлены «обои» истцы²³². В 1498/99 г. В.Г. Зверев судил в первой инстанции земельный спор между Симоновым монастырем и местным вотчинником Башловым в Московском уезде, поставив истцов перед писцом кн. В.И. Голениным («доложив» ему обстоятельства дела)²³³. Помимо функций судьи В.Г. Зверев в 1496–1505 гг. трижды выступал в качестве «разъездчика», осуществляя межевание земель Троице-Сергиева монастыря с великокняжескими владениями и землями князей Оболенских²³⁴.

В последней инстанции земельные дела судили введенные бояре, среди которых были члены Боярской думы, московский наместник, казначеи, дворецкие. Несмотря на явную тенденцию к передаче дел на доклад высокопоставленным государевым слугам, вплоть до конца XV в. не только удельные князья, но и великий князь всея Руси принимали на себя решение земельных споров в последней инстанции.

Судебник Ивана III стал первым общегосударственным судебнопроцессуальным кодексом, в нормах права которого были закреплены некоторые заимствованные из более ранних законодательных сборников инновации. Важнейшей из них стал провозглашенный в ст. 4 Псковской судной грамоты запрет судьям брать «тайные посулы», воспроизведенный в ст. 1 Судебника. В ст. 12 Судебника предписывается обязательное

²³¹ Кобрин В.Б. Власть и собственность... С. 177.

²³² АСЭИ. Т. 1. № 604. С. 500–503; № 607. С. 505–510; № 607а. С. 510–515.

²³³ АСЭИ. Т. 2. № 418–419. С. 451–456.

²³⁴ АСЭИ. Т. 1. № 608–610. С. 515–522.

присутствие на суде по уголовным делам «добрых людей», дающих показания под присягой, а в ст. 38 – на суде наместника с боярским судом дворского, старосты и «лутчих» людей. Ю.Г. Алексеев, проанализировав присутствие «мужей» на судебных заседаниях по земельным делам, пришел к выводу, что суд на местах с участием «добрых людей» представлял собой традиционную форму бытования суда на началах «общинности»²³⁵.

Между тем, исследователь упустил из виду, что в Белозерской уставной грамоте и Судебнике речь шла о судебном процессе вообще. Поскольку все сведения о присутствии «судных мужей» на заседаниях, хронологически предшествующих принятию законов 1488 и 1497 г., известны из протоколов суда по земельным делам, логичнее все-таки предположить, что применение этого принципа ко всей судебной практике было нововведением. Его значение не ограничивается контролем местных миров над наместничьим управлением, как считал, например, А.Г. Поляк²³⁶. Поскольку в ходе судебных заседаний попутно рассматривалось множество обстоятельств жизни местных сообществ, присутствием дворского, старосты и добрых людей судебная практика возводилась в основной принцип администрирования на местах.

Комбинация рассмотренных управленческих подходов в сферах фиска, службы, суда привела к рождению государства, определение сущности которого до настоящего времени рождает споры. А.А. Зимин был убежден, что «Русское государство складывалось в форме сословной монархии», признаком чего, с его точки зрения, являлось оформление сословий, причем представители «господствующего класса» получали права-привилегии²³⁷. Между тем, определение России конца XV в. как сословной монархии вступает в противоречие с нашими знаниями о сословной монархии в странах Западной Европы, например, во Франции. Опираясь на опыт

²³⁵ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III... С. 302–303.

²³⁶ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 394.

²³⁷ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 259.

исследования отношений государственной власти с господствующим классом в Западной Европе, Н.А. Хачатурян определяет сословную монархию как сочетание централизации и диффузии власти в руках местных суверенов. Они «в своих иммунитетных округах и в органах сословного представительства выступали в качестве прямых соучастников государственной власти»²³⁸. Нетрудно заметить, что в России XV–XVI в. отсутствовало сочетание этих условий: органы сословного представительства и сами сословия появились лишь в середине XVI в., одновременно с ликвидацией даже тех скромных иммунитетных привилегий, которыми обладали русские землевладельцы.

Ю.Г. Алексеев считает возможным говорить о Русском государстве второй половины XV в. как «земско-служилом», которое выполняло функции «инструмента интеграции общества, т.е. носителя и защитника общенациональных, а не социальных, классовых интересов»²³⁹. Считаю необходимым подчеркнуть свое принципиальное несогласие с обозначенным Ю.Г. Алексеевым подходом. Во-первых, государство не является настолько односложным, простым явлением, чтобы его можно было классифицировать как «инструмент». Даже средневековое государство, а Россия второй половины XV в., без сомнения, являлось таковым, предстает как совокупность институтов, комбинация которых определяет направление развития общества, а средоточием их является власть монарха. Во-вторых, деятельность государственных институтов воплощается в изъятии налогов, организации службы, обеспечении правосудия и многих менее важных сферах, а инструментами этой деятельности являются фиск, служба и суд.

Приведенные в настоящей статье данные обосновывают принципиально иную концепцию: интеграция (консолидация) общностей, как правило, осуществляется в интересах господствующего класса, которые

²³⁸ Хачатурян Н.А. О природе французской сословной монархии // Средние века. Вып. 42. М., 1978. С. 30.

²³⁹ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 435.

на восходящей стадии цивилизационного развития совпадают с общенациональными. Как в любом аграрном средневековом обществе в России второй половины XV в. этот господствующий класс состоял из привилегированных землевладельцев, занимавших доминирующие позиции в системе службы и суда, которые замыкались на личности монарха. Во Франции в XII–первой половине XVI в. доминировало представление об осуществлении традиционного правосудия как сущности власти монарха, что дает возможность определить французский абсолютизм как судебную монархию²⁴⁰.

Аналогичные представления были свойственны русским подданным – современникам и очевидцам процесса кристаллизации государственных институтов в России. Иосиф Волоцкий в письме к Третьякову, оправдывая переход своего монастыря под верховный патронат великого князя, представил как атрибут его власти именно суд: «И яз того ради такового государя нашел, которого суд не посужается»²⁴¹. Коль скоро нити управления российским обществом неизбежно проходили через судебные инстанции, представляется, что Русское государство второй половины XV в. также может быть типологизировано как находившаяся в становлении судебная монархия. Лишь по мере становления сословий на протяжении XVI в. судебные практики замещались административными; применение последних достигло апогея в годы Опричнины.

Беляков А.В. Институт российской истории

²⁴⁰ Цибулько Г.Ф. Политико-правовая концепция королевской власти во Франции XII–XIII вв. // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 393–395; Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 10–13.

²⁴¹ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 196.

К организации посольской службы в русских землях в XIII - XVI

вв.

Завоевание русских княжеств в первой половине XIII в. Монгольской империей поставило необходимость создания служб, специализирующихся на обслуживании всех контактов между победителями и побежденными. Эти взаимодействия имели различный характер: прием ордынских послов; визиты князей в ханскую ставку; отправление собранной дани. Когда с распадом империи верховным сюзереном русских земель стал хан Золотой Орды, ничего не изменилось. Элементы служб (далее мы будем называть их посольскими), обеспечивавших бесперебойные контакты между ханом и великими князьями сохранились и получили дальнейшее развитие. Логично предположить, что в русских землях была воспринята ордынская терминология для обозначения лиц, осуществлявших эти контакты. Также здесь заимствовались отдельные обычаи завоевателей, такие как полное

обеспечение прибывающих посольств. Ордынская канцелярия²⁴², приезды русских князей к ханам²⁴³, отдельные элементы структур занимающихся организацией контактов со степью²⁴⁴, посольские пути²⁴⁵ уже становились предметом исследования. Но как устойчивая и развивающаяся система посольская служба с XIII в. до создания Посольского приказа практически не изучалась. Исключением стали только временные «комиссии» Боярской думы, возникавшие для ведения тех или иных переговоров²⁴⁶. В нашем распоряжении находится крайне ограниченный круг источников, позволяющий выяснить, как происходило становление института внешних сношений²⁴⁷ на русских землях в до царский период. Что за люди к этому привлекались, и какие функции они выполняли. Но все же имеющиеся архивные свидетельства позволяют в общих чертах обрисовать посольскую

²⁴² Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979; Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011.

²⁴³ Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV веках. Воронеж, 2013.

²⁴⁴ Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делной». Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 173-179; Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV - первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата последнего обращения: 13.04.2022); Беляков А.В. Бакшеи - трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. 2021. № 4. С. 60-71; Беляков А.В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // QUAESTIO ROSSICA. Т. 9. 2021. № 3. С. 886-902; Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. Исследования по истории Восточной Европы = *Studia historica Europae orientalis*. 2020. № 13. С. 89-96; Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетия. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 83-87; *Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian polities // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday. Bloomington: Indiana University 2009. P. 195-207.*

²⁴⁵ Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007; Азовцев А.В. «Боище, иже на Воже»: от бывальщины к небыллице. Рязань, 2021. С. 21-85; Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

²⁴⁶ Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906; Савва В.И. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1.

²⁴⁷ Словосочетание «внешние сношения» не совсем корректно для описания контактов русских земель с ордынскими правителями в период с XIII в. по последнюю четверть XV в. Тогда русские княжества являлись по формальному признаку одной из составных частей Золотой Орды.

службу в XIII - XVI вв. Этот период включает в себя временной отрезок от ордынского завоевания до создания Посольского приказа.

На договорной (докончальной) грамоте 1270 (1268-1269) г. Новгорода Великого с великим князем владимирским и тверским Ярославом Ярославовичем на обороте имеется запись сделанная уставом, и являющаяся современной самому памятнику: *«се приехала послы от Менгоу-Темира царя сажат Ярослава с грамотою Чевгоу да байши»*²⁴⁸. Л.В. Черепнин пришел к выводу о том, что помету, по-видимому, сделали в Твери. Исследователь воспринял слово «байши» как имя второго посла. Мы, однако, склонны видеть в нем отсылку на его должность - бакши, бакшей. Князь для того, чтобы получить контроль над Новгородом обратился за татарской помощью. Послы, похоже, приехали специально для этого. Рассмотрим, что представляли собой бакшей.

В свое время В.В. Бартольд дал емкое объяснение данному термину: «Бахши — заимствованное (вероятно, из санскр. бхикшу) слово, появившееся в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху; обозначает, прежде всего, буддийское духовенство и в этом значении соответствует китайскому хо-шан, тибетскому лама и уйгурскому тойн. Писцы тюркского происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения, также назывались бахши... В государстве индийских Бабуридов бахши назывался крупный чиновник, который ведал отчетностью отдельных воинских частей и выплачивал им жалованье. В настоящее время у калмыков, монголов и маньчжуров это слово обозначает высокое духовное звание, у киргизов (диалектные формы баксы и бакса) - колдуна и прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями, у туркмен - народного певца (и у киргизов баксы сопровождает свои заклинания звуками

²⁴⁸ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.; Л., 1948. Т. I. С. 237-238, 262-266.

своего музыкального инструмента, кобуза)»²⁴⁹. Существует иное этимологическое объяснение данного понятия. К. Райхл считает, что оно произошло от древнекитайского пак-ши (в современном китайском бо-ши) - мастер, учитель²⁵⁰. Бакшей уйгурского происхождения долгое время составляли заметную часть в ордынских канцеляриях. В государстве Хулагуидов (Персия) в их ведении находилась дипломатическая переписка и сношения с иностранными государствами²⁵¹. В других источниках отмечается, что там так называли писцов составлявших документы уйгурским письмом. Писцы, специализирующиеся на подготовке документов арабской графикой, назывались катибами или мунши²⁵².

Лица, находящиеся в этой должности или же обладающие родовым прозвищем, произошедшим от названия профессии их предков (Бакшеевы) часто встречаются в русских документах XV-XVI в. Хотя они должны были появиться здесь несколько раньше. По-видимому, эти люди отвечали за организацию контактов русских князей с ордынскими ханами. Также в их ведении, похоже, находилась вся переписка с Ордой. Обратим внимание на то, что русский термин дьяк (делопроизводитель, человек связанный с пением, представитель культа) является практически калькой понятия бакшей. Первоначально бакшей в русских землях, похоже, были уйгурского происхождения. Позднее с переходом в православие они русифицировались, или же им на смену пришли русские знатоки уйгурской графики. Со временем лица в такой должности исчезают из Московской великокняжеской канцелярии. Параллельно с этим они устойчиво фиксируются в окружении удельных князей или же их наследников, к тому времени потерявших это

²⁴⁹ Бартольд В.В. Собрание сочинений. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 501.

²⁵⁰ Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М., 2008. С. 60.

²⁵¹ Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011. С. 168.

²⁵² Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. № 1. С. 131-156.

положение. При этом бакшей выступают как несвободные слуги с высоким статусом. С конца XV по конец XVI вв. бакшеями в Москве начинают называть высококлассных переводчиков восточных языков. Они отличались крайне значительными для специалистов по иностранным языкам денежными и поместными окладами и, по-видимому, доверием со стороны великого князя / царя. По крайней мере, им поручали наиболее важные переводы и не отправляли в посольские посылки, предпочитая всегда иметь под рукой²⁵³.

В таком случае приезд из Орды в конце XIII в. в составе посольств к русским князьям бакшеев был не случаен. В их должностные обязанности, по-видимому, входил перевод и составление документов. Но здесь возникает другой вопрос. В литературе и источниках регулярно отмечается, что ордынская канцелярия вела переписку с народами, входившими в состав империи, на их родных языках. Однако документация в русские земли шла на тюркском языке уйгурской графикой²⁵⁴. Данное явление еще ждет своего объяснения. Пока же можно говорить, что в русских княжествах бакшей из писцов трансформировались в организаторов всех официальных контактов с Ордой. Укажем, что бакшей также фиксируются в Казанском, Астраханском и Крымском ханствах, Ногайской Орде. Имеются косвенные упоминания о них в Турции и Великом княжестве Литовском. В Литве не существовало отдельной дипломатической службы, а функции русских бакшеев, похоже, выполняли татарские писари, но это слово здесь также было известно²⁵⁵.

Бакшей далеко не единственные лица в русских землях, обеспечивающие устойчивость связей с ордынскими ханами и их чиновниками. В жалованной тарханной несудимой грамоте ярославского

²⁵³ Беляков А.В. Бакшей - трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. 2021. № 4. С. 60-71.

²⁵⁴ Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011. С. 72-76.

²⁵⁵ Беляков А.В. Бакшей - трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. 2021. № 4. С. 60-71.

князя Василия Давидовича (Грозного) Спасо-Ярославскому монастырю (ок. 1320 г.) читаем: «*пожаловал есмь: что людей святаго Спаса в городе и в селех, урекн есмь им на год два рубля давати, а не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни возмничее, ни бобровое, ни стану не чинят в селех спаских, ни дворскаго не емлют, ни иного ничего не емлют, ни становщик не въездит, ни о чем же, ни бегоули мои не имают людей спаских в сторожу, ни в корму*»²⁵⁶. В настоящее время термин бегоули переводится как пристав²⁵⁷. В Монгольской империи бокевюлями (bökevül) называли придворных и военных чиновников. Они могли выполнять различные функции, связанные с дворцовой кухней (повар, надзиратель за кухней, дегустатор, начальник протокола и др.). В армии так называли лиц, стоявших сразу же за эмирами, в ведении которых находилось снабжение армии. По одной из версий это производное от китайского заимствования - бокесун (bökesün) - чиновник, занимающийся исключительно фуражом. Также называли судебных приставов. Бокевюль переводится «слуга, который склоняется»²⁵⁸. Это наводит на мысль о том, что данные служащие могли выполнять функции по представлению кого-либо монарху. А это уже непосредственные обязанности приставов, в том числе и при различных посольствах. Показательно, что бегоули упоминаются именно в ярославских документах. Дело в том, что бабка Василия Давидовича, княгиня Анна (вторая супруга Федора Ростиславича Черного) являлась ордынской

²⁵⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV- начала XVI в. М., 1964. Т. III. С. 204.

²⁵⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. С. 47; Веселовский Н. Мнимая должность букаульного тамговщика в Империи Чингиз-хана // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. 1916. Пг., 1917. Т. 26. С. 201-204; Сатыбалов А.А. Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанский филиал АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 180-191. Данный термин встречается на русском севере еще в конце XVI в. (Словарь русского языка XI - XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 85).

²⁵⁸ *Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian politics // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday. Bloomington: Indiana University 2009. P. 195-207.*

принцессой²⁵⁹. Логично предположить, что этот термин мог быть позаимствован в местной великокняжеской канцелярии, в том числе и благодаря этому факту²⁶⁰.

Бегоули только раз упоминаются в роли близкой к приставам при посольствах. Однако на протяжении XV-XVI вв. в жалованных грамотах в той же должности неоднократно отмечены толмачи. В наиболее ранней из них, жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича Троице-Сергиеву монастырю датируемой 1467-1474 гг. содержится близкий текст: *«и хто у них в том селе и деревнях имет жити людей, ино у них не ставятца мои князи, и воеводы, и дети боярскии, и всякие ездоки, и кормов, и подвод, и проводников не емлют; и приставы мои и **толмачи** татар не ставят, и кормов и проводников не емлют»*²⁶¹. Для нас важно, что толмачи устойчиво упоминаются в связке с татарами и отмечены в однотипных документах с бегоулями. Отметим, что в первой половине XVI в. в приставах для встречи польско-литовских послов направлялись государевы конюхи²⁶². Но здесь следует учитывать тот факт, что в то время польский и русский языки еще были довольно близки и их носители могли общаться без посредников. Кроме татар в должности толмачей, в том числе и татарского языка, отмечаются и люди с явно русскими именами. Данный факт в рамках рассматриваемой нами проблемы не столь важен. Хотя указать на него все же следует.

²⁵⁹ Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. С. 38.

²⁶⁰ Автор выражает благодарность В.В. Тишину за консультацию.

²⁶¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в. М., 1952. Т. I. С. 261. См. также: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV- начала XVI в. М., 1952. Т. I. С. 295; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Т. I. С. 130.

²⁶² Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 551; Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV - первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 468; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1848. Т. 2. С. 236-237, 252; Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 22, 43.

Слово толмач (tułmač) тюркского (кыпчакского) происхождения²⁶³. В русском языке оно начинает фиксироваться довольно поздно, только на рубеже XIV-XV в. и связано с поездкой в 1379 г. архимандрита Митяя в Царьград²⁶⁴. Хотя наиболее раннее выявленное на настоящий момент упоминание этого термина относится к 1261 г. Это сообщение Ипатьевской летописи: «*И посла (хана Бурандая - А.Б.) с Василком три татарине ... и к тому толмача розумеюща руский язык*»²⁶⁵. Однако, здесь следует учитывать, что список рукописи относится к 1420-м гг. В древнерусском языке для обозначения переводчика (толмача) использовалось еще одно слово - «толк»²⁶⁶. В Новгородских землях оно применялось еще в первой половине XV в.²⁶⁷ Отсюда в том же значении было заимствовано в немецком (talk), литовском (tulkas), латышском (tulks) и эстонском (tulk) языках²⁶⁸. Можно предположить, что замена «толк» на «толмач» на западе русских земель произошла около середины XV в. В Москве этот переход, похоже, осуществился несколько ранее. Данный термин употреблялся здесь весь XV в. А вот о XIV в. следует говорить очень осторожно. К примеру, в Лаврентьевской летописи этот термин не употребляется. Имеется еще одно косвенное доказательство позднего проникновения слова толмач в русский язык. В былинах киевского цикла оно не упоминается. А вот поздние былины

²⁶³ Словарь русского языка XI-XVII. М., 2011. Вып. 29. С. 406; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. М., 2004. Т. 4. С. 72.

²⁶⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 15. Ч. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922. С. 124-132; Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 121-125; Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 198.

²⁶⁵ Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 199. В той же летописи есть еще одно странное место с упоминанием этого же термина: «*Мстиславу же поведавию Данилови, «изъиди из града», Даниил же изыде с Дмитром тысячкым и с Глебом Зеремеевичем, и со Мирославом, изыдоша из града и быши противо Толмачю; угони и неверный Витович Володислав, наворотившися на нь и прогнаша и и коня от него отъяша*» (С. 161).

²⁶⁶ Словарь русского языка XI-XVII. М., 2011. Вып. 29. С. 401.

²⁶⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Л., 1949. С. 96, 118-119.

²⁶⁸ Казакова Н.А. Загадочное слово «итолог» новгородских и псковских летописей // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. С. 139-141.

его уже знают. Хотя нам удалось встретить его только единожды (былина «Лука, змея и Настасья»)²⁶⁹.

В Литовской метрике толмачи регулярно встречаются, начиная с правления великого князя Казимира IV Ягеллончика (1440-1492 гг.). За редким исключением документы за этот период не датированы. Однако косвенные данные, в том числе упоминание крымского хана Менгли-Гирея, позволяют отнести их к 1470-м -1480-м гг.²⁷⁰

Важно понять, кем были эти толмачи. Как минимум с XIV в. в русских княжествах начинают формироваться группы служилых татар, в функцию которых входило сопровождение князей и дани в Орду (ордынцы, делюи, числяки). Их количество (число лиц получавших великокняжеское жалование) было фиксировано. Поэтому иногда документы называют таких татар численными людьми (числяки)²⁷¹. По сведениям рубежа XV-XVI вв. они делились на отряды по 100 и 50 человек, которые в свою очередь состояли из станиц по 3-7 татар во главе со станичным головой. Станица являлась минимальным подразделением способным выполнять собственные миссии. В соответствии от ставившихся конкретных задач количество станиц в каждой посылке сильно варьировалось. Во второй половине XVI в. сотни и полусотни не фиксируются. Станицы же известны еще в XVII в. Служилые татары отмечаются в Московском, Рязанском, Тверском и целом ряде удельных княжеств. По мнению А.А. Горского делюями таких служилых людей называли в уделе Владимира Андреевича серпуховского и его потомков. При присоединении к Московскому княжеству новых территорий, такие подразделения переводились в Москву или же теряли данную специализацию. Их служба, как правило, имела семейный и наследственный

²⁶⁹ Былины в 25 томах. Т. II: Былины Печеры. СПб., 2001. С. 329.

²⁷⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 180, 199, 200, 202, 336, 286, 313, 320, 362, 456-459; Banionis E. Lituvos didziosios kunigaikstystes pasiuntinybiu tarnyba XV - XVI amziais. Vilnius, 1998. S. 186-205.

²⁷¹ Данное утверждение требует дополнительного обоснования. Возможно, под численными людьми следует видеть московский аналог «кладежных людей» Рязанского княжества (см. ниже).

характер. В настоящее время известны семьи, в которых непрерывная служба в станичниках (великокняжеских татарах) документально фиксируется на протяжении полутора веков. Испомицали их довольно компактно и близко от стольных городов. При этом они, по-видимому, одними из первых были переведены на поместную систему вознаграждения за службу. Важно отметить, что в целом ряде случаев в XVI в. толмач выступает как синоним для станичного головы. Поэтому толмачи из жалованных грамот монастырям, по-видимому, имеют самое прямое отношение к великокняжеским служилым татарам. При образовании Посольского приказа их зачислили туда в статусе станичников (служилых татар Посольского приказа) и толмачей. При этом еще на рубеже XVI- XVII вв. понятия станичника (служилого татарина) Посольского приказа и толмача далеко не всегда можно было развести. В ряде случаев они были взаимодополняемыми²⁷².

Отметим тот факт, что в русских землях термин толмач длительное время был универсальным определением для специалистов по устному и письменному переводу. Слово переводчик (специалист по письменному переводу) фиксируется только с последней трети XVI в. Однако в более ранний период для обозначения особой категории специалистов по восточным языкам, по-видимому, кроме бакшеев и толмачей некоторое время использовали еще и такой термин как киличей. Киличеями (келемечи, kelemeŝi) в ордынских канцеляриях называли переводчиков и, возможно,

²⁷² Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи». Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 173-179; Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV - первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата последнего обращения: 13.04.2022); Беляков А.В. Служилые татары из рода Баймаковых- Резановых на дипломатической службе Московского государства // QUAESTIO ROSSICA. Т. 9. 2021. № 3. С. 886-902; Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. 2020. № 13. С. 89-96; Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетия. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 83-87.

дипломатического представителя рангом ниже посла²⁷³. В русской традиции этот термин, похоже, несколько трансформировался. Киличей известны в Москве и Твери во второй половине XIV в. Здесь их статус был явно выше. Так могли называть лиц, не редко бояр, выполнявших посольские функции, и при этом хорошо владевших восточными языками²⁷⁴.

Вопрос с языком, на котором взаимодействовали русские князья и представители ханской администрации не так-то прост. М.В. Моисеев показал, что в конце XV - XVI в. языком общения с народами Востока был тюркский²⁷⁵. В более ранний период ситуация, по-видимому, была аналогичной. Однако вначале официальная ханская переписка велась с использованием уйгурской графики, и только позднее стала заменяться арабской. Бакшей раннего периода должны были знать уйгурское письмо. Об этом, в частности, говорят уйгурские приписки на великокняжеских документах, а также мода на вертикальные монограммы русских дьяков²⁷⁶. Но во второй половине XVI в. уйгурицу в Москве уже никто не понимал. Об этом отчетливо свидетельствует запись из описи царского архива: «*Ящик 148. А в нем дефтери старые от Батья и от иных царей; переводу им нет - никто перевести не умеет*»²⁷⁷.

Таким образом, на настоящий момент можно говорить о следующих лицах, в разное время участвовавших в организации контактов с Ордой: бакшей, киличей, бегоули, служилые татары (ордынцы, делюи, численные люди), толмачи. При этом подобные структуры, по-видимому, существовали

²⁷³ Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011. С. 164-166.

²⁷⁴ Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII - середине XV в. М., 2015. Т. II. С. 280.

²⁷⁵ Моисеев М.В. Переводчики и толмачи восточных языков в Московском государстве конец XV - XVI вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2021. № 4. С. 72-82.

²⁷⁶ Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173-199; Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV - XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019. С. 93-135.

²⁷⁷ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 32.

во всех великих княжествах. Наиболее отчетливо они прослеживаются в Москве и Рязани.

Помимо этого в Улусе Джучи известна особая служба, занимающаяся обслуживанием посольств. Вильгельм де Рубрука сообщает: *«Мы жили там вместе с другими послами, да и вообще с послами при дворе Бату поступают иначе, чем при дворе Мангу. Именно при дворе Бату есть один Ям на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, также обстоит и касательно других стран мира. А при дворе Мангу все вместе находятся под властью одного Яма и могут посещать друг друга и видеться. При дворе Бату они не знакомы друг с другом, и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помещений друг друга и видятся только при дворе. И, когда зовут одного, другого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову». Ведал этим хозяйством чиновник должность которого называлась ямьям²⁷⁸. Данное известие интересно для нас сразу с нескольких сторон. Во-первых, описываемая система крайне близка правилам, применяющимся к иностранным миссиям в Москве XVI-XVII в. Здесь также посольствам выделяли особые постоянные дворы и следили за тем, чтобы посланцы от разных государей не общались между собой. Во-вторых, данное сообщение заставляет нас искать аналог подобного учреждения в русских княжествах. Возможно, самое прямое отношение к ним имеют упомянутые в 1496 г. в Рязанском княжестве «кладежные люди... кои послов кормят»²⁷⁹.*

Посольский приказ, выполнявший функции, которые в Орде были присущи дипломатическому отделу ханской канцелярии и Яма, впервые упоминается только в 1549 г. То, что было до этого непонятно. Однако здесь можно сделать несколько предположений. Ямская служба по инициативе

²⁷⁸ Цит. по: Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011. С. 167.

²⁷⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М., 1950. С. 335, 340.

ханов была организована и на русских землях²⁸⁰. Однако экономически оправдывалось это нововведение только при наличии значительного и относительно регулярного передвижения между ямами-станциями. В условиях разреженного населения, а также периферийности русских земель по отношению к иным центрам Золотой Орды, данное нововведение явно должно было быть убыточным, если не подразумевало кроме доставки корреспонденции также транспортировку через ямы в степь дани и иных выплат. Если допустить, что значительная часть денежных средств шедших в Орду вывозилась не в относительно компактном серебре, а в виде засчитывающихся в денежную сумму поставок продуктов и изделий (в первую очередь хлеб и меха), то тогда подобная служба становилась актуальной. На ямах следовало содержать значительное количество построек для передвигающихся лиц, лошадей, еды для них, а также направлявшихся в степь товаров.

Но здесь мы наталкиваемся на крайнюю скудность источников, которая не позволяет нам во всех подробностях реконструировать подобную службу. А интерпретировать имеющиеся сведения можно в более чем значительном диапазоне. М.М. Бенцианов рассматривает деятельность ямских дьяков на местах как временную, не очень почетную службу, даваемую в кормление. Статус кормленщика должен был сделать более привлекательной для представителей местного служилого сообщества службу по организации ямской гоньбы. При этом исследователь создает картину, по которой система ямов уже в XV- первой половине XVI в. представляла собой очень разветвленную сеть, частично унаследованную еще от ордынских времен²⁸¹. Д.В. Лисейцев, анализируя сведения о ямских дьяках XVI в., приходит к вполне обоснованному выводу о том, что на самом деле они относились к ведомству Большого дворца. А ям представляет собой хранилище,

²⁸⁰ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

²⁸¹ Бенцианов М.М. Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 151-161.

принадлежавших великому князю продовольственных запасов²⁸². Однако исследователь связывает ямы только с Сытным двором. На самом деле на ямах широко разбросанных по территории государства должно было храниться не только питье. Иначе трудно объяснить, почему посольства двигались от яма к яму. В конце XVI в. здесь, в частности, мог храниться хлеб, собираемый на государя с десятинной пашни²⁸³. В более ранний период это могло быть зерно, отправляемое в Орду в уплату дани. По-видимому, практика, фиксируемая в XVI-XVII в., когда податное население не только выплачивало на имя государя натуральные подати (зерно, мех, мед), но также за свой счет должно было привезти в назначенное место или же заплатить за доставку определенную денежную сумму, также имела ордынские корни. Отметим, что обеспечение, как русских, так и иностранных посольств при продвижении от границы к Москве и обратно имело множество аспектов, включающих взаимодействие с властями и социумом на местах и требующих отдельного исследования²⁸⁴.

Таким образом, мы вплотную подходим к проблеме выявления путей передвижения посольств. Логично предположить, что многие из них были более чем консервативны и активно использовались еще в XVI-XVII вв. В те времена передвигаться можно было по суше, верхом или же на телегах, а также по воде. Речной транспорт в особенности был удобен для перевозки больших объемов грузов. Хотя использовали его и для передвижения посольств. И.Я. Гурлянд по посольским книгам установил несколько таких

²⁸² Лисейцев Д.В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI - начале XVII века // Проблемы экономики и социокультурной истории Феодальной России. М., 2010. С. 137-145.

²⁸³ Беляков А.В. Раннее упоминание г. Воронежа в документах Посольского приказа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 181-183.

²⁸⁴ Моисеев М.В. «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран 1613 - 1615 годах // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2012. С. 351-359; Моисеев М.В. Царь, воевода, местный мир и дипломатия: к истории организации посольских миссий в России во второй половине XVI - начале XVII века // Земля и Власть в истории России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина. М., 2020. С. 137-145.

маршрутов. Его наблюдения интересны для нас в первую очередь тем, что дорога посольств отмечается как движение от яма к яму²⁸⁵. Дело о приезде в Москву плененных в августе 1598 г. жен и детей сибирского хана Кучума позволяет нам отчасти реконструировать путь от Ярославля, до Москвы. Со значительными лакунами он выглядел следующим образом: Ярославль - Ростов - Переяславль Залесский - Радонеж - с. Тонино (Тайнинское) - с. Растокино - Москва²⁸⁶.

Еще одна дорога, по которой могли двигаться ордынские посольства, проходила из Москвы через Коломну. В.Л. Егоров предположил, что в XIII в. город находился под непосредственным управлением Золотой Орды и до времени Ивана Калиты передавался в качестве наследственного владения крупной золотоордынской семье²⁸⁷. Однако его выводы основываются на слишком вольной интерпретации сведений духовных и договорных грамот московских князей²⁸⁸. Но все же в 1390 г. в городе отмечается присутствие некоего посла²⁸⁹. Если представителя Орды разместили в городе, значит, мы можем предположить, что здесь имелась определенная инфраструктура по обслуживанию подобных лиц (люди, обеспечивающие охрану, материальное содержание, переводчики, особые дворы для постоя). Укажем на то, что в Коломне и Коломенском уезде традиционно проживала значительная часть великокняжеских (царских) служилых татар, обеспечивавших контакты с

²⁸⁵ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 52-54.

²⁸⁶ Беляков А.В. Документы о приезде в Россию плененных в августе 1598 г. детей и женах сибирского хана Кучума // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С. 93-118.

²⁸⁷ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. М., 2009. С. 41-42.

²⁸⁸ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV - первой половине XVI вв. М., 2001. С. 374.

²⁸⁹ «А что ординская тягость и коломенский посол, коли еси был в своей очине, а то нам по розочту. А володимерьский послы, как ты выехал и свое очины, а тот ти протор не надобен» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М., 1950. С. 38). Этот отрывок указывает на две разновидности ордынских послов - владимирских и коломенского. Интересно, что в одном случае о них упоминается во множественном числе, а в другом в единственном.

Золотой Ордой, а далее ее государствами-наследниками²⁹⁰. В городе в середине XVI в. проживал бакшей. При этом его двор непосредственно граничил с великокняжескими хоромами²⁹¹.

Дорога из Крыма до Владимира частично реконструируется А.В. Азовцевым. На степном ее участке приходилось рассчитывать не на обустроенную дорогу, а на верно взятое направление. Однако в период длительного мира в регионе на этом пути могли находиться и некие опорные пункты на подобии караван-сараев. В лесистой зоне к тому же пересекаемой множеством рек следовало опираться на броды и уже существующие дороги. Рассматриваемая исследователем дорога довольно точно совпадает с линией, соединяющей в Атласе Менделя полуостров Чонгар (ныне Херсонская область) и г. Владимир. Если посольская дорога проходила именно так, то это значительно упрощало ориентацию в степи. На русских приграничных землях эта линия нанизывает на себя ряд объектов (они находятся в непосредственной близости от нее): устье р. Непрядвы - Лубяньское городище - г. Михайлов (Рязанская область) - с. Подлесное (Выползово) (Рязанский район Рязанской области), до XVI в. в селе находился Иоанно-Богословский монастырь. Далее дорога шла в низовье р. Вожи. Брод через реку предположительно проходил там, где располагалась дорога из г. Рыбное в с. Истобники (Рыбновский район Рязанской области). Река здесь наиболее широка и, следовательно, мелка. Далее путь лежал в сторону Николо-Радовицкого монастыря и далее на Владимир. Броды через р. Оку находились где-то в районе с. Сельцы (Рыбновский район Рязанской области) или же с. Белоомут (Луховицкий район Московской области). Первый проходил по Камориной, а второй по Кермединовой дороге. Путь на Москву

²⁹⁰ Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетия. М., 2019. С. 83-87; Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236-248.

²⁹¹ Французова Е.Б. Города России XVI века: материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 26.

был одним из боковых ответвлений по дороге на Владимир и следовал вдоль Оки вверх по течению, по направлению к Коломне (возможно по большой зимней Московской дороге)²⁹². Исследователь подчеркивает, что вдоль этой линии ранее находилось значительное количество монастырей. Позднее, когда главные торговые магистрали переместились, они также меняли свое местоположение или же захирели и со временем исчезли. А.В. Азовцев отметил, что последний участок дороги совпадает с маршрутом паломников, описанным М.Н. Макаровым и действовавшим еще в первой половине XIX в. Интересно, что один из населенных пунктов через который проходила дорога было с. Купля, Ям тож (Егорьевский район Московской области)²⁹³ Добавим еще два соображения, косвенно поддерживающие эту версию. До второй половины XVII в. в Иоанно-Богословском монастыре хранилась золотая печать хана Батые (пайцза), которая служила охранным документом для обители²⁹⁴. Отметим также регулярное упоминание в великокняжеских / царских жалованных грамотах ряду монастырей пункта, запрещающего ставить в монастырских селах толмачей и послов, о чем мы писали выше. По-видимому, эти два момента также являются вполне четкими маркерами для выявления посольских дорог. Но эта работа только начинается и сопряжена с большими трудностями, в первую очередь слабой сохранностью источников. На помощь здесь могут прийти данные археологии, а также анализ древних карт и топонимики. К тому же следует учитывать, что транспортные артерии, в том числе и посольские дороги, по тем или иным причинам постоянно меняли свое направление. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере дороги в Крым. На протяжении второй половины XVI - XVII в. путь посольств из-за постепенного продвижения русских

²⁹² Азовцев А.В. «Боище, иже на Воже»: от бывальщины к небылице. Рязань, 2021. С. 44-85.

²⁹³ Макаров М.Н. Путешествие из Рязани в Радонежский монастырь // Вестник Европы. 1827. № 2. С. 138-148.

²⁹⁴ Пискарев А. *Обозрение древностей и достопримечательностей г. Рязани и ея уезда // Рязанские губернские ведомости. 1845. № 10. Неофициальная часть. С. 59; Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Рязань, 1998. С. 14-15.*

городов в степь неоднократно частично менялся. Возможно, степные пути помогут выявить нахождение здесь остатков неких однотипных строений, расположенных вдоль одних линий на приблизительно одинаковом расстоянии. В таком случае они станут наглядной иллюстрацией расхожего штампа из посольской переписки XVI в., описывающего следующую идиллическую ситуацию: «И между бдву юртов сироты и вдовы ходили в золотых венцах»²⁹⁵.

Д.В. Лисейцев поставил вопрос о том, что послужило ядром формирования на рубеже XV-XVI в. приказной системы - Дворец или же Казна. Вступая в полемику со своими предшественниками он утверждает, что это был Дворец²⁹⁶. На самом деле картина была более сложной. По-видимому, великокняжеские Казна и Дворец имели одинаково большое значение. Но не одно из этих учреждений не могло самостоятельно решить постоянно возникающие новые государственные задачи. В частности, обеспечение бурно развивающихся с последней четверти XV в. дипломатических контактов Московского государства. Здесь требовалась координация множества ведомств. Это в конечном итоге и стало причиной возникновения в середине XVI в. Посольского приказа. Он всегда обладал более чем скромными собственными доходами²⁹⁷. Однако для поддержания возложенных на него миссий выступал своеобразным диспетчером для иных приказов, в той или иной мере задействованных в обслуживании внешнеполитических потребностей государства. К этому времени основные элементы посольской службы уже существовали. Оставалось их только окончательно объединить. Исследователи спорят о степени византийского и ордынского влияния на русский придворный и посольский церемониалы²⁹⁸.

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 99.

²⁹⁶ Лисейцев Д.В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI - начале XVII века // Проблемы экономики и социокультурной истории Феодальной России. М., 2010. С. 137-145.

²⁹⁷ Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.

²⁹⁸ Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; Веселовский

На организацию внешнеполитической службы ордынское влияние прослеживается отчетливо. Слишком долго русские земли вынуждены были тесно взаимодействовать с ордынскими ханами. Нарботанные с XIII в. схемы поддержания контактов с Ордой были вполне успешны. Для контактов с западными странами выработанная модель требовала незначительных доработок. На первый взгляд в структуре созданного в середине XVI в. Посольского приказа эти заимствования просматриваются не так отчетливо. Однако все же прослеживаются. В посольских дьяках можно опознать ранних бакшеев, но уже без обязательного знания восточных языков. Служилые татары (станичники) и толмачи более отчетливо сохранили свои прежние обязанности. Здесь следует помнить о том, что созданной А.С. Белокуровым «классической» модели внешнеполитического ведомства на самом деле не существовало²⁹⁹. Исследования показывают, что Посольский приказ был динамичной системой, которая постоянно подстраивалась под меняющиеся потребности государства³⁰⁰. Последние следы основ посольской службы заложенных еще в XIII в. исчезают только в XVIII в.

Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.

²⁹⁹ Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.

³⁰⁰ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Куненков Б.Н. Посольский приказ 1613 - 1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645-1682 гг. СПб., 2017.

**Агония «ига». Большая Орда как гаснущая угроза
для Московской Руси.**

*Вадим Трепавлов, Институт российской истории
Российской академии наук (г. Москва, Россия)*

Аннотация. Рассматривается последний период существования Золотой Орды, ее отношений с Московской Русью и Польско-Литовским государством, показано постепенная деградация ордынской государственности, в том числе в изменении отношений татарских правителей с бывшими русскими данниками.

Ключевые слова. Большая Орда, Иван III, Стояние на Угре, посольства, дань

Большой Ордой в историографии принято называть часть Золотой Орды (Улуса Джучи) XV в. на юге Восточной Европы. Фактически это была область, оставшаяся под контролем «центрального» (сарайского) правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств. Русское выражение «Большая Орда» является, вероятно, калькой тюркского словосочетания *Улуг Орду* – одного из официальных татарских наименований Золотой Орды (хотя некоторые историки оспаривают это толкование). Тюркскими названиями Большой Орды, принятыми как в ней самой, так и в окрестных владениях, были словосочетания, включавшие термин *тахт* (трон, престол) и неоднократно встречающиеся в хрониках и дипломатической переписке: *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети*. Все они переводятся приблизительно как «Тронное владение», «Престольная область», «Столичная область».

Большая Орда на протяжении всего своего существования постоянно взаимодействовала с сильными соседями – Крымским ханством, Московским и Польско-Литовским государствами.

Отношения Большой Орды с последним из них – покровителем ненавистных ей крымских ханов-Гиреев – складывались поначалу враждебные. К 1469 г. относится известие Яна Длугоша о большом набеге на Великое княжество Литовское³⁰¹. Полчища татар во главе с сыном заволжского царя Маниака (у Мацея Стрыйковского – с самим Маниаком) перешли Днепр и, разделившись на три части, обрушились на Волынь, Житомирщину, Львовщину. Всюду они произвели большие опустошения, забрали в полон тысячи людей. Предупрежденный ханом Менгли-Гиреем о надвигающемся нашествии король Казимир IV приказал местным властям организовать оборону, но отразить врага они не сумели или не успели. Те татарские отряды, что направились было в Молдавию, были разбиты там

³⁰¹ В других хрониках это событие датировано 1461 и 1480 гг. (Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 32. М., 1975. 90, 214). Но Длугош уточняет: нападение татар произошло во время поездки короля Казимира с королевой Эльжбетой в Литву в ноябре 1469 г.

местным воеводой Стефаном. В плен попал сын Маниака. Хан прислал к воеводе послов с просьбой освободить царевича. Стефан не внял прошению и приказал четвертовать знатного пленника на глазах послов, а затем прикончить и их самих. Оставили в живых одного татарина, которого отправили назад с наказом рассказать Маниаку о казни³⁰².

Но уже через два года между двумя государствами наметилось коалиционное партнерство. Противостояние с Москвой толкало хана Большой Орды Ахмеда и короля Казимира к военному союзу. В 1470 г. из Кракова в Орду приехал посол Кирей Кривой с предложением совместного удара по Руси. Эту идею с энтузиазмом подхватили высшие беки во главе с главным ордынским военачальником (беклербеком) Тимуром. Однако Ахмед долго колебался: целый год Кирей провел у него в ставке, и хан не отпускал его домой, «ради зацѣпокъ своихъ», т.е. из-за каких-то препятствий³⁰³. Этими «зацепками» могли быть какие-то внутренние конфликты³⁰⁴, но не исключено и нежелание хана нападать на «выполняющего свои обязанности вассала» – Ивана III³⁰⁵.

Тем не менее, в конце концов, переговоры продолжились. Активность поляков и татар стимулировалась наступлением московского государя на Великий Новгород, который имел давние и тесные связи с польско-литовскими властями, а также своеобразными отношениями Казимира IV с Крымом. В 1472 г. Менгли-Гирей выдал ему ярлык на русские земли Великого княжества Литовского и на Новгород. Может быть, Казимир добивался того же и от Ахмеда³⁰⁶. Это предположение А.А. Горского подтверждается письмом Менгли-Гирея панам рады Великого княжества

³⁰² Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae: Polska akad. umiejętności, 2005. S. 254–256; Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytjej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa: Nakł. G.L.Gluckberga, 1846. S. 271. Имя Маниака не поддается однозначной идентификации; версии объяснений см.: *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары. М., 2015. С. 302–303.

³⁰³ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 62; ПСРЛ. Т. 12. М., 2000 (репринт изд. 1901 г.). С. 124.

³⁰⁴ *Назаров В.Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 32.

³⁰⁵ *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 158.

³⁰⁶ Там же.

Литовского 1506 г. Хан упрекал адресатов в забвении прежних тесных связей, которые теперь перечеркиваются, дескать, контактами Польско-Литовского государства с враждебной Большой Ордой. Он напоминал, что в свое время хан Золотой Орды Тохтамыш дал великому князю литовскому Витовту Киев, Смоленск и другие города. Впоследствии ярлыки на эти города жаловали крымские ханы Хаджи-Гирей и Нурдевлет. Посольство Казимира привезло Менгли-Гирею старый ярлык Хаджи-Гирея на Киев и Смоленск и получило от него подтверждение этих пожалований; кроме того, по просьбе короля хан вписал туда рязанские города и Одоев. Менгли-Гирей призывает вспомнить эти связи и невольно проговаривается: «Наши ярлыки в скарбе в(а)шом есть, посмотрите, от Темир Кутлу ц(а)ря, и от Ахмата ц(а)ря, о таковых писаных городех и о приязни и о братстве ярлыки взятые»³⁰⁷. Таким образом, Казимир действительно сумел вытребовать в Большой Орде ярлык на русские города, хотя, впрочем, Великий Новгород среди них ни в каком виде не фигурировал.

Кирей Кривой вернулся к своему сюзерену в сопровождении татарского посольства. Средства на содержание этих татар, прибывших в августе 1471 г., были внесены в соответствующий перечень расходов краковского двора³⁰⁸.

От продолжения целенаправленного формирования антимосковской коалиции короля отвлек конфликт с Венгрией, и следующий цикл переговоров с Большой Ордой прошел в 1479–1480 гг. Очевидно, в то время в результате обмена посольствами был заключен официальный договор о совместных действиях. Этим союзом крымцы с горечью попрекали поляков через много лет: «...и тежь некако хотели были тыи прысяги свои рущыти, и тогды прысяги рушывшы зъ завольским царемъ и зъ Ахъметъ царемъ... в братства и прыязни зашли»³⁰⁹.

³⁰⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506). Vilnius, 1994. P. 59.

³⁰⁸ См.: Grodecki R. Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471. Kraków, 1951. S. 412–415.

³⁰⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7. Vilnius, 2011. P. 582, 588.

Отношения Большой Орды с Московским государством поначалу выстраивались традиционно, исходя из двухвековой даннической зависимости русских земель от Улуса Джучи. В XV в. постепенно отошли в прошлое визиты великих князей в Орду, и с 1440-х годов контакты между двумя государствами поддерживались через послов. Московские правители объясняли регулярные взаимные визиты посольств не фактом выплаты регулярной дани – «выхода» или получения ярлыков (что было бесспорным для соседей), а установлением таких порядков «от отцов и от дед и от прадед» или географической близостью владений³¹⁰.

Летописи зафиксировали довольно активный обмен посольствами в 1470-х годах. Наиболее показателен приезд в Москву посланца Ахмеда Бочуки в июле 1476 г. с требованием к Ивану III явиться «кь царю въ Орду»³¹¹. Не случайно сообщение об этом посольстве помещено сразу за упоминанием войны Ахмеда с Менгли-Гиреем. Думается, правы те историки, которые увидели связь между этими событиями, а именно: стремление Ахмеда восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность – собрать под своей властью отпавшие юрты и заставить русских данников приезжать в Орду с изъявлением покорности и за ярлыками³¹².

Если это так, то Ахмед просчитался. Московское государство набирало силу и все более тяготилось обязанностью собирать для хана «выход». При Иване III выплата дани была прекращена. Последние исследования показывают, что к освобождению от исполнения даннических обязанностей Москва шла постепенно. В 1440–1460-х годах «выход» отправлялся в Орду с большими перерывами, а окончательно перестал выплачиваться в 1471 г.³¹³ Этим и объясняются сравнительно частые наезды Ахмедовых послов к Ивану III: «царь» требовал положенной и завещанной предками дани.

³¹⁰ См.: Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 4, 10.

³¹¹ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 183; т. 12. С. 108.

³¹² Горский А.А. Москва и Орда. С. 162; Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 34.

³¹³ Горский А.А. Москва и Орда. С. 153–162.

Кульминацией нараставшего конфликта стало «Стояние на Угре» 1480 г. – самый известный и досконально изученный эпизод русско-ордынских отношений XV в. Осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польско-литовское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом на юг и распущена по улусам.

Трактовка исхода «Угорщины» среди татар и поляков существенно отличалась от московской версии. Сын Ахмеда, хан Шейх-Ахмед, в послании великому князю литовскому Александру Казимировичу 1497 г. называл причиной отступления ордынских войск настойчивость ханского окружения, которое отговаривало своего повелителя от боевых действий из-за неприбытия поляков: «На Ивана гневаючысе, царь, отец нашъ, всел на конь, и вашъ отец, король, на тот рокъ не пошоль. Ино наши уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили: Иван и твои холопъ, и королевъ есть, ино корол на тот рокъ с тобою не пошол, и ты вернися... И взяли отца моего за повод и вернули. А потом на отца нашего Божья ся воля стала»³¹⁴.

Мацей Стрыйковский в своей хронике объясняет провал кампании алчностью и интригами беклербека Тимура. Заволжский царь стал-де на реке Urae, ожидая вестей от короля Казимира, а тем временем московский князь прислал богатые дары и поминки «гетману царскому князю Тимиру». Тот стал убеждать царя отступить. Хан послушался, и «тогда Тымир гетман его, за подарки князя великого, зарезал»³¹⁵. Приписывание Тимуру этого убийства, да еще намеренно для выгоды русских, видимо, имело довольно широкое и долгое хождение в тюркской среде. В 1549 г. правитель Ногайской Орды бий Юсуф также уверял Ивана IV, что «Ахмата царя брат

³¹⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506). S. 125.

³¹⁵ Kronika polska, litewska, żmódzka... . S. 284.

наш (на самом деле дядя. – *В.Т.*), Темир князь, убил братства для з белым князем»³¹⁶.

В русских источниках гибель Ахмеда описывается совсем иначе. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило кочевую ставку Ахмеда, а самого хана убил ногайский мирза Ямгурчи³¹⁷. В некоторых летописях указывается, что Ахмеда убил тюменский хан Ибак, возглавлявший этот поход³¹⁸. По мнению А.А. Горского, это разночтение может объясняться стремлением каждого из партнеров по коалиции в переписке с Москвой приписать убийство хана себе³¹⁹. Из отдельных летописных текстов можно почерпнуть любопытные детали: численность сибирско-ногайской армии (16 тысяч), указание на убийство Ахмеда рано поутру, пленение Ибаком дочери Ахмеда³²⁰.

После гибели Ахмеда, полного и унижительного разгрома его ставки ногаями Большая Орда уже не имела сил для ощутимого участия в политической жизни (хотя в историографии есть мнение, что она «оставалась важнейшим компонентом международной политики в Восточной Европе, определяя отношения между собой остальных восточноевропейских государств»³²¹). Оценка ситуации польским историком Ф. Конечны представляется более реалистичной: «Кипчакская гражданская война перешла как бы в положение хронической; ордынская фортуна раз за разом менялась»³²². Последнее двадцатилетие истории государства Тахт эли было отмечено его неуклонным ослаблением, неудачными попытками лавирования

³¹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 308.

³¹⁷ Иоасафовская летопись. С. 122; ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 232; т. 12. С. 20, 23; т. 18. СПб., 1853. С. 268; т. 19. М., 2000; т. 20. СПб., 1910. С. 39; т. 25. М.; Л., 1949. С. 328; т. 39. М., 1994. С. 268.

³¹⁸ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 274; т. 28. М.; Л., 1963. С. 315; т. 33. Л., 1977. С. 124.

³¹⁹ Горский А.А. Москва и Орда. С. 177, 178.

³²⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 274; т. 33. С. 124; Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1819. С. 188.

³²¹ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 58.

³²² Konieczny F. Sprawy z Mengli-Girejem (1473–1504) // Ateneum Wilenskie. Rok IV. Zeczyt 12. Wilno, 1927. S. 153.

между сильными соседями, уменьшением населения, экономическим упадком, внутренними распрями.

На самом рубеже XV и XVI столетий Большая Орда стала погружаться в хаос. Развал ее и без того примитивной государственности наглядно проявился в увеличении количества одновременно царствующих династов – сыновей погибшего Ахмеда. Причем не заметно, чтобы между ними велись какие-то споры о территориях. Каждый хан управлял доставшимся ему контингентом улусников и уже не претендовал на абсолютное верховенство (что не исключало жестоких конфликтов).

Интересно, что в то время отношения Большой Орды с христианским Польско-Литовским государством (а в периоды его разделения особенно с Великим княжеством Литовским) складывались гораздо теснее и теплее, чем с любым из мусульманских владений. Литовско-московские пограничные споры и стычки продолжались, и Казимир IV продолжал рассматривать татар Тахт эли как союзников в борьбе против Ивана III. В 1482 г. Иван Васильевич известил Менгли-Гирея, что король «нынеча со мною любви и докончания не хочет, а в Орду послал, да подымает на меня моих недругов» – сыновей Ахмеда³²³. Через два года ордынские ханы-соправители Муртаза и Саид-Махмуд приняли очередное посольство из Кракова во главе со Стретом. В своем послании королю Муртаза заверил, что никакого вреда его владениям не причинит³²⁴. Когда Муртаза рассорился с братьями, Казимир приглашал его на жительство в свою землю, «а мы быхмо тебе, брату нашему, хлеба нашего и соли не боронили»³²⁵.

Из Москвы и Бахчисарая настороженно следили за этой дипломатией, справедливо чувствуя опасность для себя. Иван III и Менгли-Гирей договаривались ловить в степи польско-литовских и ордынских послов³²⁶, чтобы помешать действию враждебной коалиции. Менгли-Гирей

³²³ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. С. 29.

³²⁴ Там же. С. 43; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книга записей. Т. 1. СПб., 1910. Стб. 348, 349.

³²⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 144.

³²⁶ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. С. 202, 210.

использовал для этого малоуправляемых, но охочих до легкой добычи азовских казаков³²⁷. Хан раздраженно пенял Александру Ягеллону, сменившему Казимира, на его обмен посольствами с врагами Крыма, на что получал ответы с экскурсами в историю, напоминаниями о традиционности литовско-ордынских отношений, о близости татарских кочевий к Литве и проч.

На самом деле эти отношения оказывались вовсе не безоблачными. Один из ордынских послов несколько лет удерживался в Литве, за другим не признали надлежащего дипломатического статуса³²⁸. Все-таки Александр Казимирович вел себя по отношению к большеордынцам более отстраненно и осторожно, чем его покойный отец. Да и обстановка в Орде все менее способствовала тесной коалиции с ней. Непрерывно ссорящиеся между собой и часто меняющиеся соправители угасающего государства являлись в глазах литовских политиков все менее ценными союзниками. Однако татарская конница все еще была способна отвлечь на себя значительную часть московской рати и тем самым помочь Вильне в противостоянии с московским великим князем.

Осенью 1500 г. в ставке хана Шейх-Ахмеда объявился посол Александра Михаил Халецкий. От лица своего государя он убеждал хана начать военные действия против московитян. В этой войне, говорил посол, у Орды будут могучие союзники: польский король Ян Ольбрахт и венгерский и чешский король Владислав; Шейх-Ахмеду же предлагалось привлечь к походам на Русь ногаев. Уговоры подкреплялись богатейшими дарами и огромными упоминками – *ординщиной*³²⁹. Густынская летопись добавляет, что татарские послы приехали на сейм, где Ян Ольбрахт в награду за

³²⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 118, 119; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6. P. 80.

³²⁸ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). Очерки. М., 2004. С. 99.

³²⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 213; ПСРЛ. Т. 32. С. 101; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 154, 155; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 147, 148, 159.

военный союз обещал выплачивать Орде дань «коеждо лето тридесят тысячей на кожухи и сукню (так. – *В.Т.*)»³³⁰.

Хан, вопреки мнению своих братьев-соправителей, согласился на военные действия и в 1500–1501 дважды напал на московские «украины». Помимо всего обещанного на переговорах, он наивно рассчитывал, что союзники отдадут ему в управление Киев. В сопровождении Халецкого татарская конница двинулась на Северскую землю, недавно отвоеванную Иваном III у литовцев. Рыльск и Новгород Северский были взяты, но не разорены: хан считал их достоянием Александра Казимировича. С вестью об успешной кампании и с приглашением присоединиться для совместных боев Шейх-Ахмед отправил Халецкого в Вильну. Сорок дней войско Орды стояло под Каневом, дожидаясь литовской рати, затем отошло к Чернигову. Ожидание затягивалось. Раздраженный хан приказал грабить Черниговщину. Через много лет бояре на переговорах с польско-литовской делегацией в Москве напоминали, как по наущению Александра и в сопровождении Халецкого «царь... пришел во государей наших отчину, в Чернигов, да тут много христианской крови пролилося»³³¹.

У Александра Казимировича не было возможности, да, может быть, и желания принять участие в походе. Как раз в то время, после смерти Яна Ольбрахта, он был избран польским королем и вместо Чернигова отбыл в Краков на свою коронацию, «оставив свои дела с царем Заволжским». Направленный к нему «просити Киева» посол Шейх-Ахмеда вернулся ни с чем. В посланиях краковскому кардиналу Александр с некоторой язвительностью пишет о «татарине заволжском», который «называет себя господином Киева, Чернигова и других городов в княжестве Литовском»³³². Фактически в это время Александр Ягеллон пошел на разрыв со своими

³³⁰ ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 142.

³³¹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 520; Хроника Быховца. М., 1966. С. 115; *Kronika polska, litewska, żmódzka...* S. 313; *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr 5. P. 170, 172, 178.

³³² Цит. по: *Golebiowski Ł. Dzieje polski za panowania Jagellonów*. Warszawa, 1848. S. 509.

татарскими союзниками и тем самым оставил их наедине с могущественным и беспощадным Менгли-Гиреем³³³.

Шейх-Ахмед и состоявший при нем беклербек Таваккул (сын покойного к тому времени беклербека Тимура) в конце 1501 или в начале 1502 г. пришли к мысли, что союз с Литвой не дает им никакой выгоды. Московский посол с удовлетворением доносил из Крыма летом 1502 г., что «с литовским... Ши-Ахмат царь в розни»³³⁴. Правители Орды вознамерились склонить к антикрымскому союзу Москву, при этом обещая «от литовского отстать»³³⁵. Иван III не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Крымом и сообщил Менгли-Гирею об ордынском посольстве.

В отличие от польско-литовских монархов, русские государи не имели планов по созданию коалиций с Большой Ордой. Наоборот, перемещаясь с кочевьями вдоль южного пограничья, она представляла собой постоянную угрозу московским владениям. Поэтому усилия дипломатии Москвы были направлены на создание антиордынских альянсов с привлечением Крыма, Казани, ногаев и использованием все увеличивающихся военных сил служилых татар на Руси. Несколько раз войска Ивана III под командованием русских воевод и служилого касимовского царя Нурдевлета выходили в степь, чтобы погромить ордынские улусы и отогнать их от границ.

Посольские связи между двумя соседними государствами были довольно редкими. В 1480-х годах в умах ордынских политиков зрела идея залучить к себе Нурдевлета, чтобы сделать его знаменем борьбы против его брата, хана Менгли-Гирея. Для обсуждения условий переезда бывшего крымского хана в Тахт эли в августе 1487 г. в Москву прибыло посольство от

³³³ Польский историк А. Нарушевич по этому поводу заметил: «Способствуя уничтожению Волжской Орды, мы готовили себе опасных неприятелей в россиянах, дотоле слабых под ее игом» (цит. по: *Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 199*).

³³⁴ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. С. 418.

³³⁵ Там же. С. 384.

очередной пары ханов-соправителей Муртазы и Саид-Махмуда³³⁶. Но из этого ничего не получилось: ни Иван III, ни Нурдевет не пожелали ввязываться в малоперспективные авантюры «Ахматовичей».

В конце 1501 г. хан Шейх-Ахмед и беклербек Таваккул прислали своих представителей в Кремль для переговоров «о дружбе и любви», а конкретно – для объявления о своей переориентации с Вильны на Москву ради совместной борьбы с Крымом. Как говорилось выше, и на сей раз большеордынцев постигла неудача. Впрочем, в Орду был отправлен великокняжеский посол Д. Лихорев с задачей объявить хану «о любви же»³³⁷. Он вернулся на родину уже после падения Орды.

Над отношениями Московского государства с Большой Ордой всегда висела тень прежних даннических обязанностей Руси эпохи «ига». При общении с Иваном III татары не решались даже упоминать об этом. В начальном протоколе ханских грамот теперь употреблялось выражение «(такого-то хана) слово Ивану», т.е. просто с обозначением разного ранга правителей – хана («царя») и великого князя, без прежнего повелительного оборота *сёзюм* – «слово мое». Но в переписке с Вильной и Краковом ордынцы давали волю ностальгии, сопровождая упоминания Ивана Васильевича непременно добавлением «холоп наш»³³⁸. Польско-литовская сторона охотно поддерживала эти настроения, укрепляя в своих татарских собеседниках антимосковский настрой.

Единственный раз Иван III решил заплатить некое подобие дани, причем, насколько можно судить по источникам, без каких-либо особых настояний с татарской стороны. В 1502 г. Шейх-Ахмед написал Александру Казимировичу, вне себя от радости: московский князь «прыслалъ к намъ тые

³³⁶ Там же. С. 63, 68, 69.

³³⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 241; т. 12. С. 255.

³³⁸ См., например: Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 172, 173, 175, 179, 181. Своим холопом Шейх-Ахмед объявлял и последнего великого князя Тверского Михаила Борисовича, который в сентябре 1485 г. бежал в Литву из своей столицы, осажденной Иваном III. Утратив представление о реальном положении дел на Руси, хан намеревался Михаила «на его отъчыну опять кн(я)зем вчынити» – видимо, посредством ярлыка (Idem. P. 174).

датки, чого жь отцу нашему и братьи нашои не давал». Ему вторил Таваккул: «...чого предкомъ царевымъ и нашимъ не давал, то нам тое дороги прислалъ»³³⁹. Во-первых, обращает на себя внимание подчеркивание беспрецедентности выплат. Похоже, ордынцы уже успели забыть, сколько должны были платить русские в Орду, да и сам факт платежа воспринимался ими как возрождение порядков очень далекой старины – еще до «отца нашего» и «предков царевых». Во-вторых, для выплат употреблено понятие *датки*, которое, кажется, не употреблялось в практике русско-ордынских даннических отношений. Его использование, вместо ожидаемых *дани*, *выхода*, *ясака*, также свидетельствует об уникальности ситуации.

В сущности, «датки» суть синоним дани и являлись формой «выхода»³⁴⁰. Но все-таки это был единичный эпизод, вызванный тактическими соображениями в условиях напряженной борьбы с литовцами. А.А. Горский, отмечая формальное признание Иваном III своей зависимости от Орды, указывает на его дипломатическую игру: одновременно московские посланцы в Бахчисарае поднимали на ордынцев Менгли-Гирея³⁴¹. После разгрома и исчезновения Большой Орды проблема «датков» естественным образом утратила актуальность.

То была эпоха окончательного угасания Большой Орды. Пределы ее кочевий сужались, население уменьшалось, сыновья Ахмеда беспрестанно враждовали между собой. Летом 1502 г. победоносный поход Менгли-Гирея положил конец существованию Тахт эли.

Исчезновение этого государства – номинального продолжения Золотой Орды окончательно поставило точку в долгой истории русско-ордынских отношений, определявшихся системой господства-подчинения. На территории бывшего Улуса Джучи образовалось несколько независимых ханств. Время от времени некоторые из них начинали претендовать на главенство среди осколков распавшейся империи. Однако частые распри

³³⁹ Idem. P. 181.

³⁴⁰ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 226, 233.

³⁴¹ Горский А.А. Москва и Орда. С. 182.

между этими историческими преемниками Золотой Орды, борьба между ними за спорные территории, ресурсы и торговые пути неуклонно ослабляли их (некоторое исключение составлял Крым, защищенный османским протекторатом).

На этом фоне крепнущее Московское государство, которое со второй половины XV в. становилось все более заметным актором на постордынском пространстве, смогло стать равноправным и в итоге победоносным участником борьбы за «золотоордынское наследие» в Евразии. Территориальное расширение России в восточном и южном направлениях, начавшееся с середины XVI в., привело, в конце концов, к объединению обширного пространства бывшей Золотой Орды в пределах и под властью нового государства. После подчинения поволжских ханств в середине XVI в. московский царь объективно обрел ранг старшего государя по отношению к правителям тюркских владений – как завоеванных, так и пока сохранявших независимость к востоку от Волги. В определенном смысле он принял на себя функции верховного сюзерена, которые традиционно связывались там с ханами Золотой Орды, Казани и Сибири.

ДОГОВОР О ПЕРЕДАЧЕ АВТОРСКОГО ПРАВА	COPYRIGHT TRANSFER AGREEMENT
г. Москва «___» июня 2022 г.	Moscow «___» June 2022
1. Стороны договора	1. Parties of the Agreement
Автор Корзинин Александр Леонидович	Authors Korzinin Alexander Leonidovich
и Компания «Pleiades Publishing, Ltd.» (далее - «Издатель»)	and Pleiades Publishing, Ltd. (hereinafter referred to as the “Publisher”)
Название рукописи (статьи) Итинерарии Соломонии	Title of the manuscript (article) Itineraries of Solomonia

Сабуровой и Елены Глинской | **Saburova and Elena Glinskaya**

(именуемая в дальнейшем «Произведение») | (hereinafter referred to as the “Work”)

Журнал (русское/английское название) | Journal (English/Russian title)

Вестник Российской Академии наук | Herald of the Russian Academy of Sciences

Год _____ том _____ номер _____ | year _____ volume _____ issue _____

2. Предмет договора | **2. Subject of the Agreement**

A. Авторское право | *A. Copyright*

Итинерарии Соломонии Сабуровой и Елены Глинской³⁴²

*Корзинин Александр Леонидович, Северо-Западный институт
управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)*

Аннотация

В центре внимания в статье находятся богомольные поездки, путешествия в города и села Соломонии Сабуровой и Елены Глинской. Рассмотрено участие великих княгинь Московских в различных торжествах, официальных приемах, свадьбах, освещении церквей. Существенно уточнена хронология выездов княгинь из Москвы. Впервые обнаружены сведения из ранее не привлекавшихся для изучения итинерариев княгинь материальных источников (изделий лицевого шитья из золотошвейных мастерских княгинь, икон) о паломничествах Соломонии Сабуровой в монастыри Суздаля, в Троице-Сергиев монастырь, Елены Глинской в Пафнутиев Боровский монастырь. В результате исследования итинерариев автор приходит к выводу о том, что С. Сабурова не принимала активного участия в государственных делах. Первая жена Василия III в основном ездила на богомолья, обращаясь с молитвами о чадородии к Богу, Пресвятой Богородице и русским святым. Итинерарий Елены Глинской отличается большей насыщенностью и интенсивностью передвижений, частой переменой мест по сравнению с итинерарием ее предшественницы. Частые богомольные походы Елены Васильевны и Василия III были продиктованы обращением к Богу и русским чудотворцам, просьбами о наследнике, ожиданиями зачатия ребенка. После рождения Ивана IV график поездок по обителям и присутствия великой княгини на официальных торжествах не уменьшился, а, напротив, стал более плотным, что свидетельствует о повышении ее социального статуса и роли в придворной жизни. В связи со смертью мужа и малолетством сына Елена Глинская с конца августа 1534 г. фактически становится регентом при Иване IV. Теперь она почти не покидает Москву, редко посещает святые места, расположенные даже поблизости от столицы, чтобы не потерять контроль над внутренними делами. О ключевой роли Елены Васильевны в политике свидетельствует ее участие с сыном Иваном в переговорах с ногайскими и казанскими послами в 1534–1536 гг., а также руководство вместе с боярами подавлением мятежа Андрея Старицкого в 1537 г. Один из дополнительных сюжетов, рассмотренных в публикации, касается дискуссионной проблемы христианской двуименности, закономерностей выбора крестильного (одновременно династического) и светского (по дате появления на свет) имен у представителей династии Московских Рюриковичей: Ивана III, Василия III и его сыновей Ивана IV и Юрия.

Ключевые слова

История России первой трети XVI в., итинерарии, Соломония Сабурова, Елена Глинская, двор великих княгинь Московских, изделия лицевого шитья

Итинерарии, то есть поездки в города и села, путешествия по святым местам, объезды, богомольные походы, а также местопребывание в Москве и за ее пределами великих княгинь Московских Соломонии Сабуровой, первой

³⁴² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

жены Василия III, и Елены Васильевны Глинской, второй жены государя, до настоящего времени не стали объектом специального научного исследования. Из недавних публикаций следует отметить работы И. Тайрэт, И. Б. Михайловой, А. Г. Мельника, где перечисляются богомольные странствия Василия Ивановича и Соломонии Сабуровой, великого князя и Елены Глинской³⁴³, а также исследования Н. Ш. Коллманн, Н. С. Борисова, А. Г. Мельника, М. М. Крома о поездках в Троице-Сергиев монастырь (Троицких походах) Ивана IV вместе с матерью в начальный период его правления³⁴⁴. Однако, произведена реконструкция далеко не всех поездок великих княгинь из столицы, не рассмотрены случаи участия жен государя в различных торжественных мероприятиях и официальных приемах в Москве в контексте важных внутривластных событий и памятных дат в великокняжеской семье.

Сведения о путешествиях и присутствии великих княгинь на различных торжествах способны дать ответ на вопрос о степени участия жен Василия III в государственных делах. Маршруты поездок косвенно свидетельствуют о политическом влиянии и роли во внутренней политике, которую княгини играли в княжение Василия Ивановича и в период малолетства его сына Ивана IV. Попутно можно раскрыть детали и интересные подробности, касающиеся быта и повседневной жизни великих князей и княгинь Московских. В связи с вышесказанным итinerary Соломонии Сабуровой и Елены Глинской заслуживают особого внимания.

Основным источником для реконструкции поездок великих княгинь в первой трети XVI в. служат летописи, близкие по времени к описываемым событиям. Это в первую очередь Воскресенская и Львовская летописи, Летопись Новгородская IV по списку Дубровского, Постниковский летописец, Владимирский летописец, Летописец начала царства, Вологодско-Пермская, Никоновская летописи и пр.

Начнем с рассмотрения итinerary Соломонии Сабуровой и реконструируем ее путешествия и местонахождение в 1505–1525 гг.

³⁴³ Thyret I. «Blessed in the Tsaritsa's Womb»: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. No. 4 (October). P. 485–490; Михайлова И.Б. И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 330–337; Мельник А.Г. Московский великий князь Василий III и культ русских святых // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. № 4. Т. 1. С. 7–12.

³⁴⁴ Kollmann N.-Sh. Pilgrimage, Procession, and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // *Medieval Russian Culture*. Vol. II / Ed. M.-S. Flier and D. Rowland. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London, 1994. P. 163–181; Борисов Н.С. Троицкие походы Ивана Грозного // *Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России*. Сергиев Посад, 2010. С. 24–35; Мельник А.Г. Богомолья Ивана Грозного // *Сообщения Ростовского музея*. Вып. XXIII. Ростов, 2018. С. 61–79; Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. М., 2010. С. 224–225. Историографию паломничеств Ивана Грозного по святым местам см. Мельник А.Г. Богомолья Ивана Грозного. С. 61. Сноска 1.

Свадьба великого князя Московского Василия Ивановича и Соломонии Юрьевны состоялась 4 сентября 1505 г. в четверток (четверг). Молодожены были венчаны митрополитом Симоном в Успенском соборе в Московском Кремле³⁴⁵.

25 января 1506 г. в неделю (воскресение) была сыграна свадьба в Успенском соборе Московского Кремля царевича Петра и сестры великого князя Василия III Евдокии³⁴⁶. В летописях не сказано о присутствии на торжествах Василия Ивановича и его молодой жены, но это более, чем вероятно, принимая во внимание родственные отношения Василия Ивановича и Евдокии. Известно, что 11 февраля 1506 г. великий князь находился в Москве, когда по его приказу была выдана жалованная грамота («Писана на Москве») архимандриту Владимирского Рождественского монастыря Евфимию на земли в Суздальском уезде³⁴⁷.

7 мая 1508 г. в неделю вышли князь великий с великою княжною Соломонией жить в новый кирпичный двор, который заложил Иван III на старом месте у Благовещенского собора Московского Кремля³⁴⁸. С. Сабурова стала первой хозяйкой Золотой (позже Наугольной, Царицыной) палаты (покоев великих княгинь), расположенной в восточной части древнего кремлевского дворца возле церкви Рождества Богородицы, в женской половине государева двора. Золотая Царицына палата была возведена в 1499–1508 гг. итальянским архитектором Алоизио да Каркано (Алевизом Фрязиным)³⁴⁹.

8 сентября 1510 г. в неделю в праздник Рождества Богородицы Василий III с великой княгиней поехали в богомольное путешествие в Переяславль-Залесский, затем семейная пара посетила монастыри и храмы Юрьева, Суздаля, Владимира, Ростова. Супруги молились о чадородии, прося Бога дать им ребенка. Великокняжеская чета вернулась в Москву 5 декабря в четверг³⁵⁰. Данная поездка состоялась после присоединения Пскова к Москве в январе 1510 г. Василий III вернулся из Пскова в Москву на Благовещение 25 марта 1510 г.³⁵¹ Из Москвы правитель отправился один без жены в Троице-Сергиев монастырь, где 16 июня в неделю «поставил свѣщу

³⁴⁵ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 259; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 376.

³⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 2.

³⁴⁷ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI–XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 91–92.

³⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. 2001. Стб. 383; Т. 6. 1853. С. 53; Т. 8. 1859. С. 249; Т. 13. С. 8–9; Т. 20. Ч. 1. С. 380; Т. 23. СПб., 1910. С. 198; Т. 26. М., 2006. С. 299; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 342; Т. 34. М., 1978. С. 9.

³⁴⁹ Масленникова И.А. Золотая Царицына палата Кремлевского дворца: проблемы изучения памятника // Вестник ПСТГУ. Серия V. 2016. Вып. 4 (24). С. 122–125.

³⁵⁰ ПСРЛ. Т. 6. М., 2001. Стб. 392; Т. 6. СПб., 1853. С. 251; Т. 8. М., 2000. С. 251; Т. 13. С. 13; Т. 20. Ч. 1. С. 384; Т. 26. С. 301–302; Т. 28. С. 345–346; Т. 34. С. 10; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 234.

³⁵¹ ПСРЛ. Т. 30. М., 2009. С. 140.

негас(имую) у Сергиева гроба»³⁵², а 8 сентября уехал с Соломонией в монастыри Переяславля и другие святые места Северо-Восточной Руси.

В сентябре 1515 г. Василий Иванович с Соломонией Сабуровой отправился в Троице-Сергиев монастырь, «а оттолѣ ездил по городом»³⁵³. Очевидно, целью данного паломничества были молитвы о даровании Богом ребенка. Прошло почти десять лет со дня свадьбы, а детей все еще не было. Известие об этой поездке в Троицу уникально, поскольку встречается только во Владимирском летописце. Паломничество было приурочено к памяти преподобного Сергия Радонежского на день его кончины 25 сентября. Трудно выяснить продолжительность данной поездки, поскольку жалованных грамот (с пометами о месте их составления), выданных Василием III различным монастырям, частным лицам, за вторую половину 1515 г., до нас не дошло. В посольских книгах с Великим княжеством Литовским, Германской империей, Ливонским орденом тоже наблюдается существенный пробел в записях встреч иностранных послов и приемах за 1515 г.

29 ноября 1515 г. в четверг Василий III и Соломония отправились в великокняжескую резиденцию Воронцово в окрестностях Москвы на освящение церкви Благовещения³⁵⁴.

Возможно, в 1515/1516 гг. великий князь и великая княгиня ездили в Суздаль, где великокняжеская чета могла присутствовать на освящении церкви Происхождении честных древ Креста Господня³⁵⁵. Церковь Происхождения древ Честного Креста датируется исследователями второй половиной 1510-х гг. (около 1515 г.)³⁵⁶. Монастырский собор представлял собой точную копию домово́й церкви великих князей Московских Благовещенского собора Московского Кремля³⁵⁷. Как известно, Соломонида Сабурова получила в крещении имя в честь святой Саломии (Соломонии) Маккавей, матери семи братьев Маккавеев, ветхозаветных мучеников. Память святых братьев Маккавеев и матери их Соломонии приходится на 1 августа³⁵⁸. 1 августа Церковь отмечает также праздник Всемило́стивого Спаса и Происхождения Честнаго Креста Господня. Около 1515 г., вероятно, по распоряжению Соломонии Сабуровой была написана икона,

³⁵² Титов А.А. Рукописи славянские и русское, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Вып. 3. Сергиев Посад, 1892. С. 60.

³⁵³ ПСРЛ. Т. 30. С. 142.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Кавельмахер В.В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 158.

³⁵⁶ Петров Д.А. Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник ПСТГУ. Серия V. 2016. Вып. 4 (24). С. 75. Прим. 40.

³⁵⁷ Там же. С. 75.

³⁵⁸ Архиепископ Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Владимир, 1901. С. 412, 415, 421, 439, 443; Thyret I. «Blessed in the Tsaritsa's Womb». P. 485–486.

запечатлевшая святых братьев Маккавеев, их мать Саломею и их учителя Елеазара. По преданию икона была вложена Василием III в церковь Происхождения честных древ Креста Господня Покровского монастыря в Суздале³⁵⁹. Одновременно в церковь Происхождения честных древ государь передал икону «Происхождение честных древ животворящего Креста Господня»³⁶⁰. Не исключено, что оба этих образа были отвезены Василием Ивановичем в Суздаль вместе с женой Соломонией в 1515/1516 г., хотя это путешествие не отразилось на страницах летописных памятников.

27 июня 1518 г. в неделю великий князь Василий III и великая княгиня присутствовали в Архангельском соборе Московского Кремля на похоронах брата Василия III Семена Калужского, скончавшегося накануне 26 июня³⁶¹.

В конце июня 1521 г. начался поход крымского войска во главе с ханом Мухаммед-Гиреем I на Русь. Когда крымцы подошли к р. Оке, Василий III покинул столицу. Государь выехал из Москвы 28 июля в воскресенье³⁶² либо 29 июля в понедельник³⁶³ и направился на Волок Ламский в свое село Микулинское, где «начат збиратися с воеводами своими и с людьми». В летописях указано, что с великим князем находились его братья Юрий и Андрей³⁶⁴. О местонахождении во время осады Москвы великой княгини Соломонии нет информации, но вполне вероятно, она находилась вместе с мужем и его братьями на Волоке. После того, как крымское войско покинуло русские земли, Василий Иванович вернулся в Москву 20 августа³⁶⁵ либо 24 августа³⁶⁶ 1521 г. По крайней мере, 30 августа 1521 г. государь уже был в Москве, когда принял у себя литовского посланника Б. Войткова³⁶⁷.

Во второй половине сентября 1524 г. на память чудотворца Сергия, очевидно, имела место еще одна совместная поездка Василия III и Соломонии в Троице-Сергиев монастырь. К сожалению, упоминаний в летописях об этом путешествии нет. До нас дошли косвенные указания на это важное событие в произведениях лицевого шитья, а именно в надписях на пелене и покрове, вложенных в обитель святого Сергия в 1524 г. Пелена «Явление Богоматери преподобному Сергию, избранные святые и

³⁵⁹ Иконы Владимира и Суздаля. Древнерусская живопись в музеях России: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Авторы: Быкова М.А., Гладышева Е.В., Горматюк А.А. и др. М., 2006. Кат. №. 23.С. 150–155.

³⁶⁰ Там же. Кат. № 22. С. 146–149.

³⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 2001. Стб. 416; Т. 6. СПб., 1853. С. 262; Т. 8. С. 263; Т. 13. С. 29; Т. 20. Ч. 1. С. 395; Т. 28. С. 355.

³⁶² ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1858. С. 263.

³⁶³ ПСРЛ. Т. 30. С. 145.

³⁶⁴ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 221; Т. 26. С. 311; Т. 13. С. 39.

³⁶⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 145.

³⁶⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 221; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 242–244.

³⁶⁷ Сборник РИО. Т. 35. СПб, 1882. С. 605.

праздники», вероятно, была подвесной к иконе «Преподобный Сергий Радонежский в житии» в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря³⁶⁸. Пелена содержит следующую надпись на кайме: «Помилуй Г(оспод)и бл(а)говернаго великаго кн(я)зя Василиа Ивановича г(осу)д(а)ря всея Руси и его бл(а)говерную великую кн(я)г(и)ню Соломонию и грады их. Подай же имъ, Г(оспод)и, плод чрева. Сделана пелена сия в лето 7033 въ 19 лето г(осу)д(а)ръства его»³⁶⁹. На покрове, предназначавшемся на гроб преподобного Сергия в том же соборе, была вышита такая вкладная запись: «Повелением бл(а)говернаго и х(рист)олюбиваго Василиа Божию м(и)лостию (го)с(у)д(а)ря всея Руси и великаго кн(я)зя Володимерскаго и Московскаго и Новгородскаго и Псковскаго и Смоленскаго и Тверскаго и Югорскаго и Пермскаго и Вятскаго и Болгарскаго и иных сделан покров си на гроб препод(о)бнаго Сергия чудотворца в лет 7033 19 лет г(осу)д(а)рства его и при его бл(а)говерной и великой кн(я)гини Соломонии»³⁷⁰. В искусствоведческой литературе распространена датировка этих вкладов 1525 г.³⁷¹ Однако, по верному наблюдению Б. М. Клосса, эта датировка является ошибочной: «На пелене значится «лето 7033» (т. е. время с сентября 1524 г. по август 1525 г.), но добавлено указание: «в 19 лето государства» Василиа Ивановича, которое началось 26 октября 1505 г. (смерть Ивана III) или 6 декабря 1505 г. (через 40 дней после смерти Ивана III, во всяком случае 7 декабря Василий Иванович принимал уже государственные решения), 19-е лето «государства» Василиа III должно было завершиться в сентябре-октябре-ноябре 1524 г. – этими месяцами 1524 г., следовательно, датируется пелена Василиа и Соломонии»³⁷². В самом деле, 19-й год княжения Василиа III приходился на 1524 г., но никак не на 1525 г. Таким образом, следует добавить в итинерарий Соломонии Сабуровой еще одну богомольную поездку в Троицу в сентябре 1524 г. на память чудотворца Сергия

В 7033 (1524/1525 г.) великокняжеская чета ездила в объезд на Волок и в Можайск³⁷³. Это последнее из известных нам по источникам паломничеств Соломонии по святым местам. А. А. Зимин широко датировал

³⁶⁸ Петров А.С. Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в убранстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитьё в Древней Руси: Сб. статей / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. М., 2010. С. 238–242.

³⁶⁹ Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1968. Кат. № 68. С. 138–139; Манушина Т.Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. Кат. № 10. С. 64–65.

³⁷⁰ Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Кат. № 69. С. 140–141; Thyret I. «Blessed in the Tsaritsa's Womb». P. 484.

³⁷¹ Манушина Т.В. Художественное шитье в Древней Руси в собрании Загорского музея. С. 64, 65. Кат. № 10. С. 182; Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1968. С. 138–139. Кат. № 68; С. 140–141. Кат. № 69; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. Каталог. М., 2004. С. 31.

³⁷² Клосс Б.М. Избранные труды. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 85. Сноска № 127.

³⁷³ ПСРЛ. Т. 34. С. 15.

это странствие, относя его к сентябрю 1524 г. – августу 1525 г.³⁷⁴ Однако, 15 ноября 1524 г., будучи в Москве, великий князь принимал послов из Казани³⁷⁵, поэтому он не мог тогда же находиться в Волоке Ламском. 27 сентября 1525 г. великий князь пребывал в селе Воздвиженском возле Москвы, когда по его приказу была выдана жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю³⁷⁶. Очевидно, последнее странствие государя с Соломонией имело место весной, в апреле–мае 1525 г., поскольку упоминание о нем содержится после известия о поставлении епископа Вассиана Топоркова в Коломне 2 апреля, Алексия епископом в Вологде 9 апреля и перед сообщением о закладке Новодевичьего монастыря 8 мая 1525 г.³⁷⁷ Паломничество могло состояться после 9 апреля 1525 г. (когда Василий III из Москвы направил в Литву посольство Ф. Г. Афанасьева и подьячего Ф. Филиппова³⁷⁸) и до 8 мая 1525 г. (когда к Василию Ивановичу в столицу было доставлено письмо о прибытии в Смоленск литовского посланника Б. Дмитриева)³⁷⁹.

В объезд по монастырям 10 сентября (в субботу) – 10 ноября (в четверг) 1525 г. Василий III ездил уже один³⁸⁰.

В конце ноября 1525 г. Соломония была пострижена в монахини под именем София в девичьем монастыре у Рождества Пречистые «на Рве» в Москве³⁸¹. По официальной версии, сразу после пострижения Сабурова была отправлена в Суздальский Покровский монастырь³⁸². По данным Постниковского летописца и князя Андрея Курбского, Сабурова первоначально была сослана в Каргополь в келью в лесу, и только через 5 лет переведена в Покровский девичий монастырь в Суздаль³⁸³. Факт ссылки Соломонии в Каргополь вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что 19 сентября 1526 г. Василий III пожаловал старицу Софью (Соломонию Сабурову) в Суздале своим село Вышеславским с деревнями и починком до ее живота³⁸⁴, следовательно, его жена в то время не могла быть в заточении в

³⁷⁴ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 295.

³⁷⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 15.

³⁷⁶ Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Подг. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 253. С. 256–257; № 254. С. 257.

³⁷⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 15; Назаров В.Д., Рыков Ю.Д. Новодевичий монастырь: Введение // Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV–начало XVII вв. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 1998. С. 267.

³⁷⁸ Сборник РИО. Т. 35. С. 692.

³⁷⁹ Там же. С. 699.

³⁸⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 15; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 45; Т. 34. С. 15; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 295. Сноска 105.

³⁸² ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1879. С. 124; Т. 4. Вып. 3. Лг., 1929. С. 542; Т. 6. СПб., 1853, с. 264; Т. 8. С. 271; Т. 13. С. 45; Т. 20. Ч. 1. С. 403; Т. 26. С. 313; Т. 43. М., 2004. С. 217; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 295. Прим. 105.

³⁸³ ПСРЛ. Т. 34. С. 15. Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Подг. изд. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 483–484.

³⁸⁴ Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI–XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Машгафаров. М., 2019. № 7. С. 25–26.

Каргополе. В Суздале великая княгиня-инока находилась вплоть до своей смерти 16 декабря 1542 г.

Перейдем к рассмотрению поездок Елены Васильевны Глинской.

Венчание Елены Глинской и Василия III торжественно прошло в Кремлевском Успенском соборе в Москве 21 января 1526 г. в субботу. Венчал новобрачных митрополит Даниил³⁸⁵.

В 1526 г. Василий III, согласно данным летописей, находился в Можайске на потехе (охоте). К великому князю в Можайск приезжали литовские послы, папский легат и имперские дипломаты Леонард и Сигизмунд Герберштейн³⁸⁶. В Постниковском летописце эта поездка отнесена к сентябрю 1526 г. и, кроме этого, указано, что Василия III сопровождала его жена Е. Глинская: «Лета 7035-го сентября выехал князь велики с Москвы во град Можаяск на свою царскую потеху и с великою княгинею Еленою»³⁸⁷. В Русском Хронографе также говорится о том, что Василий III «осеневал» в Можайске с великой княгиней Еленой³⁸⁸. Вероятно, чета отправилась из Москвы на потеху вскоре после 21 сентября 1526 г. 21 сентября Василий III еще находился в Москве, когда по его приказу была выдана жалованная кормленная грамота С. А. Волжину на правду в волости Корега Костромского уезда³⁸⁹. В посольской книге по отношениям России с Литвой содержится информация о нахождении в Можайске Василия III 30 сентября. 14 октября в неделю к великому князю приехали послы из Литвы, Рима и Германской империи.³⁹⁰ Последний прием послов состоялся 4 ноября 1526 г. в неделю³⁹¹. Было подписано перемирие с Великим княжеством Литовским на 6 лет, после чего дипломаты покинули Можайск, а за ними направился в Москву и сам государь с женой. К 23 ноября великий князь уже вернулся в столицу, так как этим временем датирована выданная им жалованная несудимая и льготная грамота игумену Троице-Сергиева монастыря Арсению на земли в Нерльском стане Переяславского уезда³⁹². Поездка Василия III с Еленой Глинской в Можайск на потеху (после 21 сентября – до 23 ноября 1526 г.) интересна тем, что это первое путешествие государя с молодой женой после свадьбы. Во время посольского приема в

³⁸⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 271; 13. С. 45; Т. 20. Ч. 1. С. 403; Т. 22. Ч. 1. С. 520; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 234; Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Кн. V. М.; Л., 1950. С. 29; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. Прим. 112. С. 297. В некоторых летописях (Софийской Второй, Постниковском летописце) дата свадьбы указана неверно, как 24 января (ПСРЛ. Т. 34. С. 15; Т. 6. СПб., 1853. С. 264).

³⁸⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 271; Т. 13. С. 45; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 305–306.

³⁸⁷ ПСРЛ, Т. 34. С. 15.

³⁸⁸ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. СПб., 1911. С. 521.

³⁸⁹ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов. Т. 2. М., 1998. № 82. С. 88.

³⁹⁰ Сборник РИО. Т. 35. С. 712, 713,

³⁹¹ Там же. С. 729.

³⁹² Акты Русского государства 1505–1526 гг. № 280. С. 282–283.

Можайске Елена Глинская ни разу не упоминается в официальных документах, значит, на аудиенцию к послам она не была приглашена. Исходя из состава участников на переговорах, можно догадаться, что именно эти лица сопровождали великого князя и княгиню в Можайск и составляли в то время их свиту: бояре князь И. В. Шуйский и М. Ю. Захарьин, окольничий И. В. Ляцков, оружничий Н. И. Карпов, дьяки, а также князья Вассиан и Иван Хомяк Даниловичи Пенковы³⁹³.

Летом 1527 г. Василий III и Елена жили в подмосковном селе Воробьево до праздника Успения Богородицы 15 августа (которое приходилось на четверг)³⁹⁴. Данная поездка могла состояться после 18 июля 1526 г., когда Василий III выдал указную грамоту П. Л. Клементьеву и И. П. Кудрявому о размежевании земли Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде с землей И. Я. Глядячего. Данная грамота была «Писана на Москвѣ»³⁹⁵.

В декабре 1528 г. Василий Иванович и Елена ездили в богомолье по монастырям, были на Вологде, на Белоозере в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях, на обратном пути заехали в Ярославль³⁹⁶. В Воскресенской, Никоновской, Львовской летописях перед Вологдой и Кирилло-Белозерским монастырем указаны Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль³⁹⁷. В дополнительных записях к летописному своду 1497 г. отмечено, что государь с женой был «на Вологдѣ да и в монастырех оу чудотворцов был в Кириловѣ, на Каменном, на Глушицѣ, на Прилуцѣ, оу Спаса, и в Корнильевѣ, и в Павловѣ пустыни и милостыню велию давал и потѣшение по монастырем и во градѣх попом, а велѣл молиться о чадородии, чтоб дал Бог отрод оу него был. А приѣха на Вологду за недѣлю до рождества Христова [25 декабря–АК], а в монастырь ѣздил 4 дни до Кириллова, а рождество Христово взял на Вологдѣ, назад ѣдучи ис Кирилова»³⁹⁸.

Уникальная, ранее неизвестная и нигде не публиковавшаяся, запись о посещении Василием III Кирилло-Белозерского монастыря отразилась в составе Хронографа Григория Амартола, дополненного русскими известиями с 898 по 1488 г. и приписками за 1528–1532 гг. Рукопись, судя по почерку (полууставу с элементами скорописи) относится к концу XV в. Поздние

³⁹³ Сборник РИО. Т. 35. С. 717. Через год осенью 1527 г. Василий III выдал за князя И. Д. Хомяка Пенкова родную сестру Елены Глинской Марию (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. М., 1988. С. 92).

³⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 46; Т. 34. С. 15; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 235.

³⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 256; Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 гг. / Сост. С.М. Каштанов, С.Ю. Королева, Л.В. Столярова. М., 2007. № 310. С. 380.

³⁹⁶ ПСРЛ. Т. 6. СПб, 1853. С. 265; Т. 26. С. 314; Т. 28. С. 161; Т. 34. С. 16; Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческие идеи на Руси в XVI в. М., 1916. С. 84; Thyret I. «Blessed in the Tsaritsa's Womb». P. 489–490.

³⁹⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 272; Т. 13. С. 46; Т. 20. Ч. 1. С. 405–406.

³⁹⁸ ПСРЛ. Т. 28. С. 161.

приписки по времени очень близки к описываемым событиям первой трети XVI в. Прибытие государя в Кириллов монастырь с супругой датировано 17 декабря 1528 г., в четверг (за неделю до праздника Рождества Христова). О приезде великого князя сказано так: «Лѣт[о] 7037 был кн(я)зь велики Василей Иванович всеа Руси в Кириловѣ и с великою княгинею с Оленою декабря 17. А боаре с ним были княз Дмитрей Федорович Бѣльской, да кн(я)зь Иванъ Василевич Шуйской, да кн(я)зь Иванъ Василевич Оболенской, а дворецкой Ондрей Олександрович Квашнин³⁹⁹. А дворянъ с ним был кн(я)зь Семен Федорович Бѣльской, да кн(я)зь Ондрѣй Иванович Холмьской, да кн(я)зь Иванъ Данилович Пѣнковъ и многие кн(я)зи и дети боарские. А перед великим кн(я)з[е]м ѣздил во околничих кн(я)зь Юрье Михайлович Булгакова Голицин, а с ним ѣздил Микита Карповъ. А приѣхал в Кирилов⁴⁰⁰ кн(я)зь велики в монастыр[ь] въ вторы час дни в чет[верг], молебна слушал да обѣдни, того дни кормиль братью, а назавтрие молебна слушавъ, поѣхал из монастыра на четвертом часу дни»⁴⁰¹. В Кратком Кирилло-Белозерском летописчике 30-х гг. XVI в. также есть указание на точную дату посещения великокняжеской семьей обители: «В лето 7037 месяца дек[абря] 17 день на память трех отрок государь князь велики Василей был в Кирилове монастыре с великою княинею»⁴⁰².

Вероятно, именно во время этого двухдневного паломничества в Кирилло-Белозерский монастырь великокняжеская чета вложила знаменитую пелену «Избранные святые», которая позже в конце XIX в поступила из этой обители в собрание Государственного исторического музея в Москве⁴⁰³. На среднике пелены изображены митрополит Петр, Николай Чудотворец, митрополит Алексей, на каймах справа налево вышиты образы: в верхней части митрополита Варлаама, Василия Парийского, Григория Богослова, Василия Великого. Иоанна Златоуста, митрополитов Ионы и Филиппа, в нижней части преподобных Сергия и Никона Радонежских, Евфимия Суздальского, Кирилла Белозерского, Варлаам Хутынского, Саввы Вишерского, Пафнутия Боровского. По бокам помещены фигуры: слева Леонтия Ростовского и Кирилла Александрийского, справа Дмитрия Прилуцкого и Никиты Переславского. По наблюдению Н. А. Маясовой, «подбор русских святых на этой пелене почти в точности совпадает с маршрутом богомольного «объезда» княжеской четы в 1529 г.»⁴⁰⁴. Отчасти это наблюдение верно. Из летописей нам известно, что супруги посетили Кирилло-Белозерский и Ферапонтовы монастыри (где особенно почитался

³⁹⁹ Фраза «а дворецкой Ондрей Олександрович Квашнин» в тексте зачеркнута.

⁴⁰⁰ Слово «в Кирилов» в тексте зачеркнуто.

⁴⁰¹ Архив СПб ИИРАН. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 853.

⁴⁰² Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. С. 30.

⁴⁰³ Манушина Т.В. Художественное шитье в Древней Руси в собрании Загорского музея. С. 64, 65. Кат. № 10. С. 182, 183; Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Кат. № 68. С. 138, 139; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. С. 32, 33. Илл. 12.

⁴⁰⁴ Маясова Н.А. Древнерусское шитье. С. 32.

преподобный Кирилл Белозерский), обители Переяславля-Залесского (объектом поклонения был святой Никиты Переславский), Ростова (местночтимым святым являлся Леонтий Ростовский), Ярославля, были на Вологде в Спасо-Прилуцком монастыре (где был похоронен преподобный Дмитрий Прилуцкий), Спасо-Каменном, Дионисиево-Глушицком, Корнилиево-Комельском и Павло-Обнорском монастырях. Однако не сохранилось свидетельств о посещении в декабре 1528 г. Василием III и Еленой Глинской других обителей, где особо почитались Сергей и Никон Радонежские, Пафнутий Боровский, Евфимий Суздальский, Варлаам Хутынский и Савва Вишерский, а именно Троице-Сергиева, Пафнутиева Боровского, суздальского Спасо-Евфимьева, новгородских Хутынского и Вишерского. Вероятно, данные монастыри все же не попали в маршрут богомольного странствия зимы 1528/1529 г.

Интересно, что состав святых на пелене Елены Глинской «Все русские святые» совпадает с кругом чудотворцев, которым возносила молитвы о чадородии предшественница Глинской Соломония Сабурова. Известны изделия лицевого шитья из мастерской Сабуровой, на которых изображены митрополит Петр (покров положен на раку святителя в Успенский собор Московского Кремля в 1512 г.⁴⁰⁵), митрополит Алексей (пелена находилась в Кремлевском Чудовом монастыре, но не сохранилась до наших дней⁴⁰⁶), Кирилл Белозерский (покров вложен в Кирилло-Белозерский монастырь в 1514 г., после 1 августа)⁴⁰⁷, Леонтий Ростовский (покров передан в Успенский собор г. Ростова в 1514 г.⁴⁰⁸), Пафнутий Боровский (пелена вложена в Пафнутиев Боровский монастырь)⁴⁰⁹, Дмитрий Прилуцкий (покров пожалован в Спасо-Прилуцкий монастырь)⁴¹⁰, Сергей

⁴⁰⁵ Там же. Кат. № 14. С. 108–109.

⁴⁰⁶ Там же. С. 30.

⁴⁰⁷ Плешанова И.И., Лихачева Л.Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Кат. № 91. С. 206.

⁴⁰⁸ Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических древностях. М., 1911. С. 41; Пуцко В.Г. Памятники русского прикладного искусства XV–XVII веков в Ростове // Сборник Музея примењене уметности. Бр. 24–25. Београд, 1980–1981. С. 56–58. Рис. 4; Силкин А.В. Древнейший покров на раку святителя Леонтия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 2008: Материалы научной конференции, 10–12 ноября 2008. Ростов, 2009. С. 6.

⁴⁰⁹ Антонова А.И. Новый памятник художественного шитья XVI века // Культура Древней Руси: к 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 28; Плешанова И.И., Лихачева Л.Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Кат. № 92. С. 206–207.

⁴¹⁰ Художественные памятники Вологды XIII–начала XX века. Кат. № 20. С. 305; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. С. 31.

Радонежский (покров дан вкладом в Троице-Сергиев монастырь в 1524 г.)⁴¹¹, Никон Радонежский⁴¹² и др.

Можно высказать предположение о еще одной поездке великокняжеской пары на следующий год, осенью 1529 г., в Пафнутиев Боровский монастырь, чтобы помолиться перед гробом преподобного Пафнутия. В обители хранилась драгоценная реликвия (она не дошла до наших дней) – шелковая пелена с образом Пафнутия Боровского, изготовленном в золотошвейной мастерской Елены Глинской, и вышитой по краю вкладной записью: «В лѣто 7038 повѣленіем Василя Божією милостию господаря всея Руси и великого князя Володимерскаго и Московскаго и Новгородскаго и Болгарскаго и иных сдѣлан бысть покров сїи в 24 лѣто государства его и при его великой княгинѣ Еленѣ»⁴¹³. 24-й год княжения Василия III – это как раз 1529 г. (сентябрь – декабрь 7038). Путешествие в обитель преподобного Пафнутия Боровского могло состояться после 26 октября 1529 г., когда Василий Иванович находился в Можайске⁴¹⁴ до 18 ноября, когда великий князь был уже в Москве и принимал у себя литовского посланника И. Боговитинова⁴¹⁵. Поездка великого князя в Можайск на потеху имела место позже 6 сентября 1539 г., так как Василий III в тот день отправил из Москвы письмо об отпуске литовских послов, задержанных в Можайске⁴¹⁶. Во второй половине октября государь уже сам находился в Можайске. Именно из этого города он 26 октября отправил в Литву «к Жигимонту» посланника Б. Я. Голохвастова с текстами речей к польскому королю⁴¹⁷. Среди прочего там содержались следующие указания о том, как следует отвечать на вопросы литовской стороны: «А нѣчто впросят Бориса про князя Федора про Мстиславского, гдѣ нынѣ и жалует ли его князь великій? И Борису говорити: князь Федор нынѣ при государѣ, а государь его жалует, а был на жалованѣ на Кошырѣ; и как государь прїехал на Можаяск, и он ему велѣл к собѣ ѣхати, и он нынѣ в Можайску у государя. И възмолвят: а князь великій чего дѣли в Можаяск прїехал? И Борису говорити: государь наш ѣздит по своим городом еже осеней на потѣху, и нынѣ тут прїехал тѣшитись; а яз поѣхал, а он хотѣл ѣхати на Москву к заговѣнью»⁴¹⁸. Под заговеньем (заговейно) подразумевался Филиппов пост, который начинался 14 ноября, в день, когда Василий III планировал вернуться в Москву.

⁴¹¹ Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1968. Кат. № 69. С. 140; Преподобный Сергей Радонежский в произведениях русского искусства XV–XIX веков. Каталог. М., 1992. Кат. № 28. С. 99; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. С. 32.

⁴¹² Преподобный Сергей Радонежский в произведениях русского искусства XV–XIX веков. Кат. № 29. С. 99; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. С. 32.

⁴¹³ Феттер Н. Древности Пафнутьева монастыря // Исторический вестник. Т. XLIII. Февраль. СПб., 1891. С. 598.

⁴¹⁴ Сборник РИО. Т. 35. С. 802.

⁴¹⁵ Там же. С. 799, 801.

⁴¹⁶ Там же. С. 802.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же. С. 807.

Видимо, из Можайска после 26 октября великий князь с женой направились в Пафнутиев монастырь под Боровском, а оттуда к 14 ноября возвратился в столицу. По маршруту Можайск – Боровск – Москва в свое богомольное путешествие ездил немного позже Иван IV в начале осени 1562 г., причем дорога из Можайска (царь добрался туда 5 сентября) до обители преподобного Пафнутия (прибытие царя отмечено летописью 8 сентября) заняла всего 3 дня⁴¹⁹. Елена Глинская в октябре 1529 г. не упоминалась в русско-литовских дипломатических документах, но судя по надписи на покрове Пафнутия Боровского она вполне могла сопровождать своего мужа во время потехи и объезда монастырей Можайска и Боровска в октябре – середине ноября 1529 г.

25 августа 1530 г. в четверг на память святых апостола Варфоломея (день перенесения честных мощей апостола Варфоломея) и апостола Тита Елена Глинская родила в Москве сына⁴²⁰. Младенец был крещен во имя Иоанна Крестителя, чья память праздновалась 29 августа (день Усекновения главы Иоанна Предтечи⁴²¹). Таким образом наследник престола, старший сын Василия III, получил в крещении то же династическое имя, что и его дед государь всея Руси Иван III⁴²². Что касается Ивана III, то он родился в день апостола Тимофея 22 января 1440 г.⁴²³, а был крещен, по-видимому, во имя Иоанна Златоуста, чья память отмечалась 27 января (день перенесения мощей Иоанна Златоуста). 11 июля 1479 г. Иван Васильевич повелел заложить в Москве каменный храм Иоанна Златоуста, своего небесного тезки, «понеже бо имя его наречено быть егда бывает праздник принесение Иоана Златаустаго генуариа 27, а в застѣнкѣ тоа церкви повелѣть церковь другую учинити, Тимофѣа Апостола, в той бо день родился»⁴²⁴.

1 сентября 1530 г. в четверг Василий III один без жены отправился в Троице-Сергиев монастырь крестить сына Ивана. Обряд крещения в обители преподобного Сергия Радонежского состоялся 4 сентября в неделю⁴²⁵.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 343–344; Полосин И.И. Монастырские «объезды» Ивана IV (Из истории военной политики России) // Социально-политическая история России XVI–начала XVII в. Сборник статей. М., 1963. С. 83; Мельник А.Г. Богомолья Ивана Грозного. С. 69.

⁴²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 48; Т. 20. Ч. 1. С. 407; Т. 34. С. 16.

⁴²¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. S. 117, 119–120. Сердечно благодарю Ф. Б. Успенского за консультацию по вопросам христианской двуименности.

⁴²² Там же. С. 117.

⁴²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 108.

⁴²⁴ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 192; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // *Средневековая Русь* / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. 13. М., 2018. С. 277. Сноска 99; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции. С. 121.

⁴²⁵ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 298; Т. 5. М., 2003. С. 105; Т. 8. С. 274; Т. 13. С. 48; Т. 20. Ч. 1. С. 407.

27 ноября 1530 г. в неделю Василий III, Елена с младенцем Иваном и с боярами были на освящении церкви Параскевы Пятницы в Москве. По этому торжественному случаю великий князь учредил церковный праздник: «И оттолѣ устави великий государь по вся лѣта ходити съ кресты къ храму ихъ ноября 27 и праздновати честно»⁴²⁶.

В августе 1531 г. Василий III, Елена с сыном Иваном, бояре присутствовали на освящении деревянной (обетной) церкви Усекновения главы Иоанна Крестителя на Старом Ваганькове в Москве⁴²⁷.

17 сентября 1531 г. в неделю Василий III, Елена и Иван отправились в богомольную поездку в Троице-Сергиев монастырь, оттуда на потеху на Волок Ламский и Можайск. В Москву Василий Иванович с женой и сыном вернулся 19 ноября в неделю⁴²⁸.

3 сентября 1532 г. во вторник Василий III, Елена и Иван, братья великого князя Юрий и Андрей Ивановичи, бояре, митрополит Даниил, архиепископ Ростовский Кирилл присутствовали на освящении церкви Вознесения в селе Коломенском, затем пировали там три дня, на четвертый вернулись в Москву⁴²⁹.

30 октября 1532 г. в среду на память святых мучеников Зиновия и Зиновии в Москве Елена Глинская родила Василию III второго сына Юрия⁴³⁰. Младенец был крещен во имя Освещения храма великомученика Георгия в Лиде, праздновавшегося 3 ноября. Любопытно, что день крещения новорожденного в Троице-Богоявленском монастыре, расположенном возле Троицких ворот Московского Кремля, 3 ноября в неделю совпал с датой поминания небесного покровителя Юрия, в честь которого он получил крестильное имя.

2 февраля 1533 г. в неделю в Москве сыграли свадьбу двоюродного брата Василия III князя Андрея Ивановича Старицкого и княгини Евфросинии Хованской, на которой присутствовали сам государь и его жена Елена, а также князь Юрий Дмитровский. Венчание прошло в Успенском соборе Московского Кремля⁴³¹.

Последняя поездка Василия III с семьей в Троице-Сергиев монастырь и на Волок Ламский описана в ряде летописей⁴³², особенно подробно в «Повести о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича»⁴³³. Однако до настоящего времени не реконструирован по дням маршрут следования

⁴²⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 278; Т. 13. С. 58; Т. 20. Ч. 1. С. 411; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 382.

⁴²⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 278; Т. 13. С. 59; Т. 20. Ч. 1. С. 412.

⁴²⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 276; Т. 13. С. 56; Т. 20. Ч. 1. С. 409.

⁴²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 279–280; Т. 13. С. 65; Т. 20. Ч. 1. С. 413.

⁴³⁰ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 266; Т. 8. С. 280–281; Т. 13. С. 66; Т. 20. Ч. 1. С. 414.

⁴³¹ Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. М., 1790. С. 19–29; Сахаров И.П. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 6. СПб., 1849. С. 43–47; ПСРЛ. Т. 8. С. 282; Т. 13. С. 68; Т. 20. Ч. 1. С. 415–416.

⁴³² ПСРЛ. Т. 4. Лг., 1929. С. 553–560; Т. 8. С. 285; Т. 13. С. 75; Т. 20. Ч. 2. СПб., 1914. С. 419; Т. 29. М., 2009. С. 117–120.

⁴³³ ПСРЛ, Т. 34. С. 118–120; Т. 6. СПб., 1853. С. 267–269; Т. 43. М., 2004. С. 225–227.

великокняжеского поезда, хотя данные источников позволяют это сделать. Государь с женой и сыновьями Иваном и Юрием выехали в Троице-Сергиев монастырь на память чудотворца Сергия помолиться. Согласно Никоновской летописи, государь покинул Москву в неделю 21 сентября 1533 г.⁴³⁴ Действительно, 21 сентября в 1533 г. приходилось на воскресенье⁴³⁵. Из монастыря великокняжеская семья отправилась на Волок на потеху. В селе Озерецком у Волока Ламского Василий III неожиданно захворал: «И явися у него мала болячка на левой стране на стегне на згибе з булавочную голову, врѣху же у нея несть, ни гною в ней несть же, а сама багрова». Из Озерецкого великий князь с домочадцами направился в троицкое село Нохабну, оттуда в село Покровское Фуниково. Там 1 октября в среду великокняжеская семья праздновала Покров Пресвятой Богородицы. Из Покровского Фуниково Василий Иванович двинулся в село Покровское, где пробыл 2 дня, а на 3-й день с семьей приехал на Волок. В воскресенье после Покрова, то есть 5 октября, на Волоке Ламском состоялся пир у дворецкого И. Ю. Шигоны Поджогины.

После этого Василий III с домочадцами направился в село Колпь «тешитися», жил там две недели, оттуда вернулся на Волок Ламский в тяжелом состоянии: «Но не можаше ехати на кони, и понесоша его на носилах пеши боярские дети и княжата на себе». В субботу 25 октября накануне Дмитриева дня Василию Ивановичу была доставлена из Москвы его первая духовная грамота, которую он повелел сжечь. 6 ноября государь праздновал на Волоке память чудотворца Варлаама Хутынского. Из Волока великий князь приказал везти его в Иосифо-Волоколамский монастырь. Филиппов день (Филиппово заговейно) 14 ноября Василий провел в своем селе на Буе городе, а утром следующего дня уже был в обители Иосифа Волоцкого. В храме Успения Пресвятой Богородицы Василий Иванович присутствовал на литургии, «великая же княгини и з детьми туто же стояше, плакахуся горци у пречистые богородици о государеве здравии».

Из Волока Ламского Василия Ивановича повезли в столицу в «каптане» (экипаже на санных полозьях). 21 ноября на праздник Введения Пречистой Богородицы великого князя доставили в подмосковное село Воробьево, он пробыл там два дня. На третий день 23 ноября в неделю великий князь выехал в Москву. В столице Василий III провел совещания с боярами, дал последние наставления о том, как «строитися царству после него», принял монашеский постриг под именем Варлаама, и в ночь со среды на четверг с 3 на 4 декабря 1533 г. скончался⁴³⁶.

По данным летописных источников, на погребении великого князя в Архангельском соборе Московского Кремля, которое имело место 4 либо 5

⁴³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 75.

⁴³⁵ Каменцева Е.И. Хронология: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003. С. 80–83.

⁴³⁶ ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1879. С. 125; Т. 4. СПб., 1848. С. 298; Т. 4. Вып. 3. Лг., 1929. С. 560–563; Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 104–105; Т. 6. СПб., 1853. С. 274; Т. 8. С. 285; Т. 13. С. 76; Т. 20. Ч. 2. С. 420; Т. 24. С. 224; Т. 26. С. 315; Т. 28. С. 356; Т. 29. С. 10; Т. 34. С. 17; Т. 43. С. 231.

декабря 1533 г.⁴³⁷ присутствовали Елена Глинская, братья Василия III Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий, бояре и боярыни⁴³⁸.

Рассмотрим теперь местопребывание и поездки Елены Ивановны в период ее вдовства.

Известно, что 27 августа 1534 г. в Москву прибыли для переговоров ногайские послы⁴³⁹. Елена Глинская находилась в столице и, судя по Летописцу начала царства, лично присутствовала на аудиенции: «И князь велики и его мати ногайских послов пожаловали, гостем их велели торговати». 10 сентября 1534 г. Елена Глинская выдала в Москве грамоту игумену Троице-Сергиеву монастыря Иоасафу о праве взимать пошрины с торговли ногайскими лошадьми, о чем нам известно из книг дьяка Т. Казакова: «И сентября 10 дни [7043 года – АК] игумен Сергиева монастыря Иасаф з братьею великому князю и великой княгине били челом, чтобы государь и государыни пожаловала, велели пошлину имати по старине, по осми денег с лошади»⁴⁴⁰. Таким образом, спустя меньше года после смерти мужа Елена Глинская стала играть заметную роль в государственных делах.

11 февраля 1535 г. в четверг митрополит Даниил, Елена Ивановна с сыновьями Иваном и Юрием, боярами участвовали в переложении мощей митрополита Алексия из старой раки в новый серебряный саркофаг в Чудовом монастыре Московского Кремля⁴⁴¹.

В октябре 1535 г. Елена Глинская находилась в столице и участвовала в посольских приемах. 4 октября из Казани в Москву прибыл гонец новгородец Ф. Т. Девочкин, который доложил «великому князю и его матери великой княгине о перевороте в Казани, убийстве казанского хана Еналея и захвате власти в Казани крымским царевичем Сафа-Гиреем⁴⁴². Когда 25 октября в Москву приехали городецкие казаки татары Е. Итаков с товарищами с вестями о перевороте в Казани, то по сведениям Летописца начала царства, великий князь Иван и его мать Елена, посовещавшись с боярами, приняли решение освободить опального Шигалея из темницы на Белоозере⁴⁴³.

⁴³⁷ Ранее 26 июня 1518 г. в 2 часа дня умер Семен Калужский, который был похоронен в Архангельском соборе на следующий день 27 июня (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 395). Василий III скончался 3 декабря в 12 часов ночи, а 4 декабря только в час дня митрополит Даниил «повеле звонити в большой колокол», а бояре, поговоря с митрополитом, «послаша шатирничего Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен». Присутствовали на похоронах только те, кто был в то время в Москве: братья Василия III Юрий и Андрей, владыка Вассиан Коломенский и Досифей Крутицкий, архимандриты крупнейших московских монастырей, «а инии же владыки быша тогда в своих областях, понеже не поспеша» (ПСРЛ. Т. 34. С. 24).

⁴³⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 77, 419; Т. 8. С. 286; Т. 29. С. 127; Т. 34. С. 24; Т. 43. С. 231–232.

⁴³⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 13 Кром М.М. «Вдовствующее царство». С. 121.

⁴⁴⁰ Кашганов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 437; Кром М.М. «Вдовствующее царство». С. 123.

⁴⁴¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 289; Т. 13. С. 84, 92; Т. 20. Ч. 2. С. 428; Т. 29. С. 16–17.

⁴⁴² ПСРЛ. Т. 29. С. 20.

⁴⁴³ Там же.

12 декабря 1535 г. бывший казанский хан Шигалей был привезен в Москву и допущен к великому князю на аудиенцию. Судя по описанию событий, предшествовавших приезду Шигалея, Елена Глинская все время находилась в столице и, очевидно, 12 декабря тоже была в Москве⁴⁴⁴.

9 января 1536 г. хан Шигалей был на приеме у великой княгини и великого князя Ивана в Московском Кремле. Прием состоялся в палате у церкви Воскрешения Лазаря⁴⁴⁵ (приделе храма Воскрешения Богородицы на Сенях⁴⁴⁶). В один из следующих дней после 9 января на аудиенцию к великому князю и его матери была допущена жена Шигалея казанская царица Фатьма-салтан и «ѣла того дни Фатма-салтан царица у великие государыни в полате у Лазаря святого, а князь велики ѣл з бояры в материнѣ избѣ»⁴⁴⁷.

20 июня 1536 г. во вторник на второй неделе Великого поста Иван IV и его брат Юрий Васильевич отправились в Троице-Сергиев монастырь «помолитися» в сопровождении бояр, боярынь, детей боярских. Среди боярынь упомянута мамка великого князя Агриппина, жена В. А. Челяднина⁴⁴⁸. Из Троицы Иван и Юрий вернулись в Москву 22 июня в четверг⁴⁴⁹. Это был первый выезд Ивана из Москвы после смерти Василия III. Станным может показаться отсутствие Елены при детях, поскольку младшему Юрию тогда еще не исполнилось 4-х лет. Логично было бы предположить, что Елена тоже сопровождала детей, просто ее имя выпало из текста летописей. Однако присутствие мамки Агриппины и быстрое возвращение сыновей Василия III из поездки все же косвенно указывают на то, что Елена Глинская с ними не поехала, а осталась в Москве. Возможно, она разболелась либо хотела на некоторое время отдохнуть от детей.

Сохранились данные о ключевой роли Елене Васильевны в подавлении мятежа князя Андрея Ивановича Старицкого 2–31 мая 1537 г., который завершился арестом удельного князя 2 июня в Москве и последующей его гибелью 10 декабря 1537 г. До нашего времени дошел «Ответ» великого князя Ивана Васильевича и его матери государыни великой княгини Елены Васильевны, данный Андрею Старицкому с его боярином

⁴⁴⁴ Там же. С. 20, 22.

⁴⁴⁵ Там же. С. 22; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 434–435.

⁴⁴⁶ Каменная церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на месте деревянной церкви Воскрешения Лазаря была построена по повелению великой княгини Евдокии Дмитриевны, жены Дмитрия Донского, в 1393 г. и освещена в 1394 г. Она находилась при женской половине княжеского дворца, возле терема великих княгинь, и служила для них домовым храмом (Троицкая летопись / Реконструкция текста М.Д. Приселкова. М.; Л., 1950. С. 443–444; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М., 1962. С. 253–263; Масленникова И.А. Золотая Царицына палата Кремлевского дворца: проблемы изучения памятника. С. 123).

⁴⁴⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 23.

⁴⁴⁸ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 12. С. 439; Т. 29. С. 27.

⁴⁴⁹ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 439.

князем Ф. Д. Пронским и дьяком В. Григорьевым⁴⁵⁰. Этот документ предваряет драматические события, связанные с мятежом Старицкого князя. Судя по содержанию «Ответа», малолетний великий князь Иван IV и его мать приняли князя Федора Пронского в Москве. В документе Елена Глинская названа «государыней великой княгиней». Относительно датировки источника М. М. Кром справедливо допускает, что «Ответ мог быть написан в 1536 г. вскоре после миссии в Старицу боярина князя И. В. Шуйского и дьяка М. Путятин (оба ездили в Старицу в конце 1535 г., либо в первой половине 1536 г.), но при этом не исключает, что «Ответ» мог появиться и в апреле 1537 г., когда, согласно летописным данным, старицкий боярин князь Ф. Д. Палецкий, безусловно, ездил в Москву⁴⁵¹. Помимо «Ответа» сохранилось «Челобитье» от князя Андрея Старицкого, переданное великому князю Ивану и его матери великой княгине Елене с князем Ф. Д. Пронским (боярин Федор Пронский отправился из Старицы в столицу 12 апреля⁴⁵²), где удельный князь обращается к малолетнему князю Ивану и его матери, называя последнюю «государыней», а их обоих «государями»: «И вы б, г(осу)д(а)ри, пожаловали, показали м(и)л(ос)ть, огрѣли с(е)рдце и живот холопу своему своимъ жалова(н)ьем, как бы, г(осу)дар(ы)на, мочно и надежно холопу вашему вашим г(осу)д(а)рским жалован(ь)емъ вперед быт(ь) безкорбно и безкручинно, как вам, г(осу)даремъ, Бог положит на с(е)рдце»⁴⁵³. Именно Елена Васильевна выступает в роли главной фигуры на переговорах с князем Андреем Старицким в Москве в апреле, именно она, согласно документальной «Повести о поимании князя Андрея Ивановича», действует вместе с сыном великим князем Иваном, предпринимая решительные меры для ликвидации Старицкого мятежа в мае 1537 г.⁴⁵⁴, что свидетельствует о ее верховных властных полномочиях и функциях правительницы в это время.

В богомольных путешествиях в последние годы жизни Елена Глинская неизменно сопровождала своих сыновей. 21 июня 1537 г. в четверг выехали Елена с Иваном и Юрием из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, а вернулись 26 июня во вторник⁴⁵⁵.

29 сентября 1537 г. в субботу Елена Ивановна с детьми отправилась из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. Возвратились в столицу 7 октября в неделю⁴⁵⁶.

⁴⁵⁰ РГАДА. Ф. 375. Д. 1. Л. 1–5; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. II. № 31. С. 38–39.

⁴⁵¹ Кром М.М. «Вдовствующее царство». С. 181, 191.

⁴⁵² ПСРЛ. Т. 28. С. 238.

⁴⁵³ РГАДА. Ф. 375. Д. 1. Л. 9; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. II. № 30. С. 37–38.

⁴⁵⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 317–318; Т. 8. С. 294–295; Т. 29. С. 29–30; Кром М.М. Вдовствующее царство. С. 185, 198–219; Шапошник В.В. Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020. С. 153–191.

⁴⁵⁵ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 443; Т. 29. С. 30.

⁴⁵⁶ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 444; Т. 29. С. 30.

24 января 1538 г. в четверг Елена Ивановна и ее сыновья Иван и Юрий выехали из Москвы в Можайск к образу Николы Чудотворца (в Никольский собор Можайска) помолиться. В Москву вернулись 31 января в четверг⁴⁵⁷.

Однако уже 3 апреля 1538 г. в среду на пятой неделе Великого поста в Москве Елена Глинская внезапно умерла⁴⁵⁸. Великая княгиня была похоронена в Вознесенском соборе Московского Кремля⁴⁵⁹.

Подведем итоги изучения итинерариев С. Сабуровой и Е. Глинской. Любопытно, что все наиболее важные поездки за пределы столицы и даты прибытия в Москву великого князя Василия Ивановича и его домочадцев были приурочены к воскресным дням. На втором месте по значимости в источниках фигурируют четверги. Как в этой связи не вспомнить отмеченный В. Д. Назаровым любимый день Софьи Палеолог четверг, самый удачный, знаковый день в ее «недельном цикле»⁴⁶⁰! С чем могла быть связана особая значимость воскресений и отчасти четвергов в судьбе старшего сына Софьи Фоминичны Василия III? Как известно, будущий великий князь Московский Василий Иванович родился в четверг 25 марта 1479 г. (в день Благовещения Пресвятой Богородицы и в канун Собора архангела Гавриила, который приходится на 26 марта). Быть может, в то время продолжительность церковных служб в память тех или иных святых и небесных патронов не совпадала со временем суток, распространенным в повседневной жизни мирян, поэтому празднование Собора архангела Гавриила и церковная служба в его честь начиналась не 26 числа, а уже вечером 25 марта, то есть в преддверии, накануне 26 марта. По этой причине новорожденный, появившийся на свет 25 марта, имел все основания быть нареченным Гавриилом⁴⁶¹. Обряд крещения младенца состоялся 4 апреля в

⁴⁵⁷ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 445; Т. 29. С. 31.

⁴⁵⁸ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 302; Т. 5. М., 2003. С. 108; Т. 8. С. 295; Т. 13. С. 98; Т. 20. Ч. 2. С. 446; Т. 29. С. 32.

⁴⁵⁹ Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: в 4 т. / Отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. Т. 3: Погребения XVI–начала XVII века. Ч. 1. М., 2015. С. 69–74.

⁴⁶⁰ Назаров В.Д. Софья Палеолог, князь Василий и князя Патрикеевы (заметки о политической борьбе в России в конце XV–XVI в.) // Проблемы истории России. Исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 73–76.

⁴⁶¹ По мнению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, и 25, и 26 марта являлись «Гаврииловскими датами» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. 13. М., 2018. С. 275–276. Сноска 96). Можно предложить еще одно объяснение подвижности календарных дат празднования святым. В православном именовании нередко даты чествования одному и тому же небесному покровителю выпадали на два дня, следовавших друг за другом. Например, Даниила столпника поминали 11 и 12 декабря, царицу Феофанию 15 и 16 декабря, преподобную Синклитикию 4 и 5 января, святых мучеников Иулиана и Василису 7 и 8 января, и т.д. (Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. II. Святой Восток. М., 1876. С. 5, 7, 326, 327, 329). Это происходило по причине того, что существовали расхождения в днях кончины святых и прочих памятных датах в сочинениях отцов церкви, в древнегреческих

Вербное воскресенье в Троице-Сергиевом монастыре⁴⁶². Таким образом, Василий III получил имя Гавриил по дате появления на свет, а другое крестильное имя, которое стало для него именем династическим, в честь святого Василия Парийского, память которого приходится на 12 апреля⁴⁶³. Очевидно, что для великого князя Василия наиболее значимым являлось его крестильное имя. Не менее важным для него был день его крещения в Троицком монастыре, выпавший на воскресенье. Неслучайно, что после рождения двух сыновей он крестил обоих именно в воскресенье. Это решение не являлось спонтанным, а было продиктовано осознанным выбором государя, стремлением сохранить устойчивую традицию судьбоносных дат в великокняжеской семье. Четверг, день, в который Василий III появился на свет, особый день в жизни его матери Софьи Фоминичны, продолжал оставаться для великого князя символическим. Характерно, что и после смерти государя овдовевшая Елена Глинская свои выезды с детьми в обитель преподобного Сергия Радонежского, дни возвращений в столицу, прочие торжественные мероприятия (например, перенесение мощей митрополита Алексея) планировала по четвергам.

Исходя из изучения итинерариев Соломонии Сабуровой, трудно говорить о ее значимой роли в государственных делах. Первая жена Василия III ездила в основном на богомолья, вознося молитвы о чадородии к Богу, Пресвятой Богородице и русским святым. Во все известные нам по источникам паломничества (около пяти поездок) Соломония отправлялась неизменно вместе с мужем. Два путешествия состоялись в Троице-Сергиев монастырь, несколько поездок в Суздаль, по крайней мере, один раз С. Сабурова ездила с Василием Ивановичем в обители Волока Ламского, Можайска, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Владимира, Ростова. Кроме этого Соломония, возможно, присутствовала вместе с мужем на венчании и бракосочетании царевича Петра и сестры Василия III Евдокии в 1506 г., определенно была на освящении церкви в Воронцове в 1515 г. и на похоронах Семена Калужского в 1518 г.

Итинерарий Елены Глинской отличается большей насыщенностью и интенсивностью передвижений, частой переменой мест по сравнению с обзором путешествий и торжеств, где фигурировала Соломония Сабурова. При жизни Василия III Елена Васильевна приняла участие не менее, чем в десяти важных мероприятиях, когда она покидала женскую половину великокняжеского дворца. Пять раз она отправлялась вместе с мужем в богомольные походы по монастырям. Приблизительно три путешествия

месяцесловах, использовавшихся в различных церквях и монастырях на Балканском полуострове и в Малой Азии, о чем писал еще архимандрит Сергей (Там же. С. III–VIII). В связи с этим в Древней Руси, возможно, допускалось, что память какого-либо святого праздновалась в пределах двух дней: накануне, в преддверии и в следующий за ним день.

⁴⁶² ПСРЛ. Т. 12. С. 190–191; Т. 21. Ч. 2. С. 582.

⁴⁶³ Thyret I. «Blessed in the Tsaritsa's Womb». P. 483; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. С. 277–278.

состоялись в Можайск, по две поездки в Троице-Сергиев монастырь и на Волок Ламский, по одному разу великая княгиня побывала в монастырях Вологды, Белоозера, Переяславля-Залесского, Ростова, Ярославля, Боровска. Помимо объездов обителей Елена Глинская с Василием III посетила подмосковное великокняжеское село Воробьево, трижды присутствовала на освещении церквей (Параскевы Пятницы, Иоанна Предтечи в Москве и церкви Вознесения в селе Коломенском), наконец, была на венчании в Успенском соборе и на свадьбе Андрея Ивановича Старицкого и Евфросинии Хованской в 1533 г. Учащение поездок Глинской на богомолья, несомненно, было тесно связано с молитвами о чадородии и ожиданием зачатия ребенка. После появления на свет первенца Ивана объезды обителей и участие великой княгини в официальных мероприятиях стали более частыми и регулярными, что свидетельствует о повышении ее социального статуса и роли в придворной жизни.

После смерти Василия III Елена Васильевна в продолжение пяти лет только дважды ездила с детьми в Троице-Сергиев монастырь и один раз в Можайск. Великая княгиня почти не покидала столицу и, как это видно из официальных источников, с конца августа 1534 г.⁴⁶⁴ стала играть активную роль в государственных делах, участвовала вместе с сыном Иваном в переговорах в Москве с ногайскими и казанскими послами, руководила с боярами подавлением мятежа Андрея Старицкого в 1537 г.

А.С. Усачев

Принципы комплектования церковной элиты в России XVI века: епископат*

Характерной чертой системы управления Русским государством в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени являлся ее двусоставный характер. Две административные сетки – светская и церковная – взаимно «перекрывая» друг друга, придавали устойчивость системе

⁴⁶⁴ Это не противоречит выводам современных исследователей о правительственной роли Елены Глинской. А. Л. Юрганов и М. М. Кром полагают, что великая княгиня фактически стала регентом, соправительницей своего сына Ивана, начиная с сентября 1534 г. (Юрганов А.Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.). М., 2019. С. 81–83; Кром М.М. «Вдовствующее царство». С. 123–124.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

управления страной, лишь сравнительно недавно объединенной в рамках единого политического целого. Высокую степень прочности этой системы продемонстрировал главный политический итог Смуты – по историческим меркам еще очень «молодое» государство сохранило свою целостность, не распавшись на Рязанскую, Суздальскую, Тверскую и прочие земли. Создание и функционирование этой двусоставной системы обеспечивали представители светской и церковной элиты. Изучение их персонального состава позволяет полнее охарактеризовать как систему управления, так и некоторые другие явления в политической, социальной и культурной жизни России раннего Нового времени.

Степень изученности этих элит различна. Политическая, представители которой формировали верхушку Государева двора, неоднократно рассматривалась в литературе⁴⁶⁵. Происхождение и карьерный путь практически всех нескольких сотен членов Боярской думы за этот период исследованы. Сообщество руководителей Русской церкви, формирующих главный орган ее управления Освященный собор, несмотря на появление ряда работ об отдельных иерархах⁴⁶⁶, изучена несравнимо меньше⁴⁶⁷. Ниже

⁴⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995; *Назаров В.Д.* Нетитулованная знать по походному списку Двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 567–582; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; *Он же.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2018; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI – XVII вв. М., 2004; *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории).* СПб., 2006; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

⁴⁶⁶ Например, см.: *Макарий (Веретенников).* Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002; *Он же.* Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006; *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; *Смирнова Д.Д.* Новгородский архиепископ Феодосий – видный постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). С. 66–74; *Усачев А.С.* Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136–146; *Он же.* Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи //

свое внимание мы обратим на высший этаж церковной элиты – епископат – и рассмотрим основные тенденции в процессе его формирования в XVI в. Если для светской элиты ключевыми принципами при ее комплектовании являлись принадлежность к определенному роду и служебные заслуги его представителей, то ситуация с элитой церковной была иной. К ней мы и обратимся, и рассмотрим основные принципы ее формирования. Характеризуя их, мы сосредоточимся на тех критериях, которым соответствовали все или, во всяком случае, большинство кандидатов на замещение кафедр в России рассматриваемого периода. Уже отмечаемая в литературе незначительность числа архиереев, происходящих из среды политической элиты, не оставляет сомнений в том, что в России, в отличие от большинства стран католического Запада⁴⁶⁸, критерии отбора немногих лиц для руководства Церковью из тысяч иноков были иными. Охарактеризуем их.

Покровительство представителей политической элиты

Принимая во внимание значимую роль великокняжеской власти в ряде эпизодов церковной истории, неустанную заботу Василия III и Ивана IV, а также их родичей о благополучии обитателей и, как красноречиво свидетельствует знаменитое послание первого русского царя в Кириллов (1573 г.), даже о необходимости соблюдения ими монастырского устава, можно предполагать, что путь к кафедре мог пролегать через близость соответствующего лица к придворной среде или непосредственно к тому или

Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 11–23; *Он же*. Рязанский епископ Иона (1522–1547) и церковная элита в России XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2(88). С. 60–75.

⁴⁶⁷ Раздел В.Г. Вовиной о руководителях Русской церкви рассматриваемого периода носит обзорный характер, очерк А.В. Савосичева посвящен сравнительно узкому хронологическому периоду. См.: *Вовина В.Г.* Церковные иерархи в XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 272–308; *Савосичев А.Ю.* Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XV – начале XVI вв. // *Novogardia*. 2020. № 4(8). С. 161–179.

⁴⁶⁸ Об этом, например, см.: *Вовина В.Г.* Церковные иерархи... С. 272–273.

иному государю. Такие случаи известны. Например, волоколамский игумен Даниил – далеко не самый очевидный кандидат на замещение кафедры – в 1522 г. стал митрополитом при самой активной поддержке неизменно благоволившего к нему Василия III⁴⁶⁹. Трудно сомневаться в том, что поставление на митрополию многолетнего исповедника Ивана IV Афанасия (в миру – Андрей, протопоп столичного Благовещенского собора) в 1564 г. во многом определялось поддержкой со стороны его духовного сына. Церковной карьере своих сторонников также могли способствовать и представители влиятельных политических кланов. Так, вполне вероятно поддержка кн. Шуйских Макарию, в 1542 г. возведенному на Всероссийскую кафедру в период их наивысшего могущества⁴⁷⁰. Очевидна и роль набирающих в последней четверти XVI в. политический вес Годуновых в поставлении на Вологодскую кафедру игумена Герасимова Болдина монастыря Антония (1586 г.), а также коломенского владыки Иова на Ростовскую (1586 г.), а затем и на Всероссийскую (1587 г.) кафедры⁴⁷¹.

Определяя степень широты практики поставления на кафедру по протекции влиятельных светских лиц, зафиксируем два обстоятельства. Во-первых, архиереев, карьерный рост которых можно связывать исключительно с благоволением влиятельных светских лиц, сравнительно немного. Во-вторых, следует учитывать и субъективный фактор: судя по всему, русские государи, благоволившие к тому или иному лицу, порой сознательно препятствовали его церковно-административной карьере, которая была связана с отъездом из столицы. Например, окормлявший Ивана III (ум. 1505 г.) архимандрит Спасо-Андроникова монастыря Митрофан стал архиереем лишь после смерти своего духовного сына – он

⁴⁶⁹ О несоответствии Даниила ряду требований, которые предъявлялись руководителю Церкви, см.: *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Российская история.* 2017. № 5. С. 108.

⁴⁷⁰ О весьма напряженной политической ситуации, в которой Макарий стал митрополитом, см.: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 275–279.

⁴⁷¹ *Усачев А.С.* Вологодский епископ Антоний... С. 136–146.

занял Коломенскую кафедру в 1507 г. Исключительно близкий к Ивану IV (ум. 1584 г.) и влиятельный настоятель Спасо-Андроникова, а затем и Троице-Сергиева монастырей, царский исповедник Феодосий Вятка на кафедру (Рязанскую) был поставлен только после кончины своего подопечного – в 1585 г.⁴⁷² Как видим, несомненное благоволение значимых светских лиц к некоторым руководителям Церкви не являлось залогом успешной карьеры большинства архиереев. Чем помимо этого она могла определяться?

Принадлежность к внутрицерковным группам

Рассматривая биографии целого ряда иерархов, нельзя не заметить их связь с влиятельными внутрицерковными группами. Немало архиереев было «выковано» в трех главных «кузницах». Из стен обители Иосифа вышли митрополит Даниил (1522–1539 гг.), коломенский епископ Вассиан (Топорков) (1525–1542 гг.), новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551 гг.), смоленские епископы Савва (Слепушкин) (1536–1538 гг.) и Гурий (Заболоцкий) (1539–1555 гг.), рязанский епископ Леонид (Протасов) (1573–1585 гг.), суздальский епископ (1549–1551 гг.), позднее полоцкий архиепископ (1563–1566 гг.) Трифон (Ступишин), тверской епископ Акакий (1522–1567 гг.), крутицкие епископы Савва Черный (1544–1554 гг.), Нифонт (Кормилицын) (1554–1558 гг.), Галактион (1565–1568 гг.) и Симеон (1581–1582 гг.), казанские архиепископы Гурий (Руготин) (1555–1563 гг.), Герман (Садырев-Полев) (1564–1567 гг.), Тихон (Хворостинин) (1575–1576 гг.), Лаврентий (1568–1574 гг.) и Иеремия (1576–1581 гг.). Из Троицы происходили митрополиты Симон (1495–1511 гг.), Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Кирилл (1568–1572 гг.), новгородские архиепископы Серапион I (1506–1509 гг.) и Серапион II (Курцев) (1551–1552 гг.), ростовские архиепископы Алексей (1543–1548 гг.) и Никандр (1549–

⁴⁷² Усачев А.С. Феодосий Вятка... С. 17–18.

1566 гг.), рязанские епископы Протасий (1496–1515 гг.) и Митрофан (1588–1598 гг.), суздальский епископ Елевферий (1564–1567 гг.), крутицкий епископ Досифей Забела (1508–1544 гг.). С Кирилловым было, скорее всего, связано духовное происхождение новгородского архиепископа Пимена (1552–1570 гг.), казанского архиепископа Козьмы (1581–1583 гг.), ростовских владык Иоанна (1520–1525 гг.), Досифея (1539–1542 гг.) и Варлаама (Рогова) (1587–1603 гг.), смоленского епископа Семиона (1555–1568 гг.), рязанского епископа Кассиана (1551–1554 гг.), суздальского (1551–1564 гг.), затем полоцкого (1566–1568 гг.) владыки Афанасия, коломенского епископа Тихона (1520–ок. 1522(?) гг.), крутицкого епископа Матвея (1559–1564 гг.) и вологодского епископа Алексея (1525–1544/45 гг.). Нетрудно заметить, что речь шла об обителях, которые были близки к великокняжескому двору и располагали весьма разветвленной сетью контактов в столице. Среди вкладчиков и иноков этих монастырей помимо членов великокняжеской семьи мы находим весь цвет русской аристократии – кн. Мстиславских, кн. Воротынских, кн. Шуйских, кн. Оболенских, Морозовых, Шереметевых, Плещеевых и иных⁴⁷³.

Было бы соблазнительно предполагать, что именно принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе (волоколамской, троицкой или кирилловской) открывала путь к хиротонии. Однако принять это, на первый взгляд, логичное предположение мешает одно обстоятельство. К данным группам принадлежала лишь примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа архиереев XVI в. (38 из примерно 120). Очевидно, что принадлежность к значимой группе была важным, но не главным фактором. Большинство – около $\frac{2}{3}$ – архиереев

⁴⁷³ Например, см.: *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, вып. 2. СПб., 1910. С. 140–215; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 105–111, 122–152; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009. С. 67–81; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006. P. 119–148; *Miller D.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, IL, 2010. P. 105–137; *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.

к ним не принадлежало. Неизбежен вопрос: чем же был обусловлен карьерный рост большинства архиереев?

«Москвичи»?

Очевидный факт – недавнее по историческим меркам образование еще очень рыхлого в политико-административном отношении государства – на первый взгляд, дает основания вслед за некоторыми исследователями⁴⁷⁴ предполагать, что на кафедры могли ставить выходцев из обителей Москвы и Подмосковья, в лояльности которых у столичных властей сомнений не было. Хотя определенные основания для столь соблазнительного своей кажущейся простотой и логичностью объяснения существуют⁴⁷⁵, полностью принять его мешает несомненный факт: большинство архиереев, происхождение которых так или иначе устанавливается, являлись «регионалами», либо рожденными, либо длительное время проживавшими за пределами столицы. Первосвященниками чаще всего становились «провинциалы», происходившие из Солигалича⁴⁷⁶, Углича⁴⁷⁷, Рязани⁴⁷⁸, Переславля⁴⁷⁹, Старицы⁴⁸⁰ и Казани⁴⁸¹,

⁴⁷⁴ Например, см.: *Савосичев А.Ю.* Архиерейский корпус... С. 172.

⁴⁷⁵ Трудно сомневаться в том, что церковная иерархия относительно недавно присоединенного Новгорода в последней четверти XV – XVI в. целенаправленно насыщалась выходцами из Центра страны. Это касалось как архиереев, так и настоятелей крупнейших монастырей. Геннадий (Гонзов) (в 1484 г.) на кафедру был поставлен из архимандритов московского Чудова монастыря, Серапион I и Серапион II (Курцев) (в 1506 и 1551 гг.) – из настоятелей подмосковной Троицы. Феодосий (новгородский архиепископ с 1542 г.) являлся выходцем из близкой к двору обители Иосифа. Руководили выходцы из Центра и монастырями. В 1508–1516 гг. хутынскую обитель возглавлял выходец из столичного Спасо-Андронникова монастыря Сергей. В 1516/17 г. сразу в три ключевые новгородские обители – Юрьев, Антоньев и Спасо-Хутынский монастыри – из Москвы прибыли соответственно Иона, Геронтий и Никифор, которые новгородцами явно не являлись (подробнее см.: *Усачев А.С.* Рязанский епископ Иона... С. 61–62). В 1531 г. хутынскую обитель возглавил Феодосий, в 1542 г. ставший новгородским архиереем. Ок. 1547–1551 гг. хутыным настоятелем являлся выходец из Троице-Сергиева монастыря Гурий (Коровин), происходивший из рода Кутузовых, который был тесно связан с обителями Сергия и Иосифа (о нем подробнее см.: *Казаков А.А.* Происхождение волоколамского инок Епифания и некоторые проблемы генеалогии Кутузовых (конец XV – середина XVI вв.) // *Novogardia*. 2020. № 1(5). С. 355). В 1538 г. в Новгород «приехал» на юрьевскую архимандритию Гурий (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929. С. 616). Судя по всему, новгородцем он не являлся.

⁴⁷⁶ Митрополит Иона (1448–1461 гг.).

а также с территории Новгородской земли⁴⁸². Выходцы из регионов – с территории Новгородской земли⁴⁸³, округа Муром⁴⁸⁴, Переславля⁴⁸⁵, Корелы⁴⁸⁶, Владимира на Клязьме⁴⁸⁷, Дмитрова⁴⁸⁸ и Серпухова⁴⁸⁹ – занимали и прочие кафедры. Как видим, говорить о «засилье» «москвичей» в русской церковной иерархии XVI в. едва ли возможно⁴⁹⁰.

Закономерен вопрос: если связь со значимыми светскими лицами, принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе и «московское» происхождение в большинстве случаев не играли определяющей роли, то какие иные обстоятельства облегчали иноку путь на вершину церковной иерархии?

Происхождение

Обратим внимание на ту социальную среду, из которой чаще всего выходили архиереи. Хотя, сетуя на скудость источников, Л. Штайндорф пессимистично заключил, что исследование социального состава руководителей Русской церкви «применительно к Великому княжеству

⁴⁷⁷ Митрополит Феодосий (Бывальцев) (1461–1464 гг.).

⁴⁷⁸ Митрополит Даниил (1522–1539 гг.).

⁴⁷⁹ Митрополиты Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Афанасий (1564–1566 гг.).

⁴⁸⁰ Патриарх Иов (1586–1605 гг.).

⁴⁸¹ Патриарх Гермоген (1606–1612 гг.).

⁴⁸² Митрополиты Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.) и, по-видимому, Дионисий (1581–1586 гг.).

⁴⁸³ Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) (1484–1504 гг.) и, вероятно, крутицкий епископ Варлаам (Пушкин) (1583–1586 гг.).

⁴⁸⁴ Рязанский епископ Протасий (1496–1515 гг.).

⁴⁸⁵ Коломенский епископ Тихон (1520–ок. 1522(?) гг.).

⁴⁸⁶ Ростовский митрополит Варлаам (Рогов) (1587–1603 гг.).

⁴⁸⁷ Рязанский епископ Иона (1522–1547 гг.).

⁴⁸⁸ Крутицкий епископ Нифонт (Кормилицын) (1554–1558 гг.) и рязанский епископ Митрофан (1588–1598 гг.).

⁴⁸⁹ Тверской епископ Варсонофий (1567–1570 гг.).

⁴⁹⁰ Согласно нашему предположению, речь шла о консолидации не потерявших связь со своей «малой Родиной» архиереев вокруг Всероссийской кафедры, находящейся в тесном союзе с великокняжеской властью (см.: Усачев А.С. Рязанский епископ Иона... С. 71).

Московскому XVI в. вряд ли возможно»⁴⁹¹, итоги проведенного нами исследования дают определенные основания для оптимизма. В настоящее время нами собраны сведения о примерно 120 архиереях, занимавших различные кафедры в XVI в. (некоторые были поставлены в XV в., некоторые скончались в первой четверти XVII в.). Итоги привлечения значительного числа источников, как правило, сохранившихся в составе монастырских архивов (степень сохранности архивов владычных кафедр XVI в. несопоставимо ниже) – актов, вкладных и приходо-расходных книг, синодиков, записей на книгах и предметах искусства – дали нам возможность с той или иной степенью гипотетичности происхождения 35 архиереев (т.е. ок. 29% от общего числа) связать с определенной социальной средой⁴⁹².

Из 35 архиереев 19 (ок. 54%) происходили или, вероятнее всего, происходили из среды белого духовенства (они сами в миру являлись священниками или среди их родичей было немало клириков): митрополиты Симон (1495–1511 гг.), Афанасий (1564–1566 гг.), Кирилл (1568–1572 гг.), Антоний (1572–1581 гг.), Дионисий (1581–1586 гг.), казанский архиепископ Вассиан (1575 г.), казанский митрополит (1589–1606 гг.), патриарх (1606–1612 гг.) Гермоген, новгородские владыки Серапион I (1506–1509 гг.), Леонид (1571–1575 гг.) и, вероятно, Варлаам (1592–1601 гг.), суздальские владыки Елевферий (1564–1567 гг.) и Галактион (ок. 1594–1609 гг.), тверские епископы Акакий (1522–1567 гг.) и Варсонофий (1567–1570 гг.), рязанский епископ Михаил (1548–1551 гг.), крутицкий епископ Досифей Забела (1508–1544 гг.), коломенский епископ Тихон (1520–ок. 1522(?) гг.), настоятель

⁴⁹¹ Штайндорф Л. Общие корни и различные пути. Попытка сравнения (комментарий к докладам секции «Иноки, инокини и их семьи в миру [монастыри в структуре семейных приоритетов и стратегий]») // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 293.

⁴⁹² Исходя из имеющихся данных, можно предполагать, что большинство архиереев, происхождение которых нам установить не удалось (митрополит Макарий, новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов), крутицкий епископ Нифонт (Кормилицын), смоленский епископ Савва (Слепушкин), рязанский епископ Леонид (Протасов), ростовский митрополит Варлаам (Рогов) и др.), в миру были далеки от вершины социальной иерархии.

кафедры Архангельского собора (1597–1613 гг.), тверской (1613–ок. 1616 гг.), суздальский (ок. 1616–1625 гг.) архиепископ Арсений Элассонский, а также, вероятно, вологодский архиепископ (1588–1603 гг.), ростовский митрополит (1603–ок. 1604–1605 гг.) Иона (Думин).

13 (ок. 37%) архиереев вышли из среды служилых землевладельцев: митрополиты Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.), новгородский архиепископ Серапион II (Курцев) (1551–1552 гг.), казанские архиепископы Герман (Садырев-Полев) (1564–1567 гг.) и Тихон (Хворостинин) (1575–1576 гг.), ростовский архиепископ Вассиан (Санин) (1506–1515 гг.), тверские епископы Вассиан (Стригин-Оболенский) (1477–1508 гг.) и Нил Грек (вероятно, Траханиотов) (1509–1521 гг.), смоленский епископ Гурий (Заболоцкий) (1539–1555 гг.), суздальский епископ Семион (Стремоухов) (1509–1515 гг.), суздальский (1549–1551 гг.), затем полоцкий (1563–1566 гг.) владыка Трифон (Ступишин), крутицкий епископ Варлаам (Пушкин) (1583–1586 гг.), коломенский епископ Вассиан (Топорков) (1525–1542 гг.).

Трое (ок. 9%) происходили из иных слоев. Коломенский (1581–1586 гг.), затем ростовский (1586 г.) владыка и патриарх (1586–1605 гг.) Иов являлся выходцем с посада Старицы. Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551 гг.) и казанский архиепископ Гурий (Руготин) (1555–1563 гг.) в миру были слугами (вероятно, боевыми холопами) представителей знати: первый служил боярину С.И. Воронцову, второй – кн. Ивану Пенкову.

Нетрудно заметить, что наибольшее число иноков, возглавивших кафедры, происходило из двух социальных страт. Учитывая то, что основную часть братии не только основной массы обителей, но даже таких близких к столичной элите монастырей как Иосифо-Волоколамский, Кириллов или Троице-Сергиев, составляли лица невысокого статуса в миру (по

преимуществу крестьяне и посадские люди)⁴⁹³, очевидно, что выходцы из среды белого духовенства и военно-служилой среды при занятии кафедр имели заметные преимущества. Чем они обуславливались?

В случае с отпрысками служилых родов, на первый взгляд, ответ очевиден – высокий статус в Церкви мог являться проекцией их высокого статуса в миру. Однако имеющиеся факты побуждают отвергнуть это, казалось бы, самое логичное объяснение: среди архиереев мы почти не встречаем выходцев из родов, формирующих Боярскую думу. Исключениями в этом ряду являются тверской епископ Вассиан (в миру – кн. Василий Иванович Стригин-Оболенский, сын едва ли не лучшего полководца Василия II и Ивана III боярина кн. Ивана Васильевича Стриги)⁴⁹⁴ и митрополит Филипп (в миру – Федор Степанович Колычев) – выходец из «крепкого» старомосковского рода, служебный и генеалогический статус которого, правда, был заметно ниже нежели у кн. Оболенских⁴⁹⁵. Вероятно, тверской епископ Нил являлся родичем перебравшихся на русскую службу Траханиотовых, некоторые из которых в XVI в. входили в Боярскую думу⁴⁹⁶. Подавляющее большинство архиереев, происходящих из военно-служилой страты, представляли ее нижние и средние слои. Саниных, Скрипицыных, Топорковых и прочих нельзя отнести к элите русского общества. Очевидно,

⁴⁹³ О статусе в миру иноков русских обителей позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 112–122; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture... Р. 119–148; *Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 238–298; *Шамина И.Н.* Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141–154; *Spock J.B.* Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Bd. 55, H. 4. S. 534–565; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь...; *Miller D.* Saint Sergius of Radonezh... Р. 138–168; *Черкасова М.С.* Спасо-Прилуцкий монастырь... С. 199–202.

⁴⁹⁴ О ближайших родичах Вассиана см.: *Пономарева И.Г.* Князь Иван Васильевич Стрига Оболенский // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2 (14). С. 129–144.

⁴⁹⁵ О генеалогии и служебном статусе Колычевых см.: *Зимин А.А.* Колычевы и русское боярство в XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 55–71.

⁴⁹⁶ О них см.: *Зимин А.А.* Формирование... С. 271, 273–275; *Матасова Т.А.* Кем был до пострига тверской епископ Нил? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 82–83.

что духовной карьере большинства из них не могли способствовать родственные связи. С чем же было связано значительное число архиереев из их числа?

Обратим внимание на тот сегмент монастырской среды, из которого выходили руководители Русской церкви – сообщество соборных старцев. Подавляющее их большинство, по сути, составляло монастырскую администрацию, помогавшую настоятелю управлять порой весьма обширной монастырской вотчиной. Основной доход «кузницам» архиереев – обителям Сергия, Кирилла и Иосифа – приносили их немалые земельные владения⁴⁹⁷. Именно поэтому эти монастыри остро нуждались в квалифицированных управленцах, которые еще в миру получили соответствующий социальный опыт. В России раннего Нового времени основным местом концентрации лиц, располагавших этими навыками, были низшие и средние слои служилого сословия. Управляя собственными вотчинами и поместьями, а в ряде случаев и владениями своих состоятельных патронов, выходцы из небогатых служилых родов еще в миру приобретали тот социальный опыт, который оказывался как нельзя кстати в монастырях. Приняв постриг, через какое-то время значительная часть иноков из этой среды входила в монастырскую администрацию, становясь соборными старцами, казначеями, келарями, а порой и настоятелями. «Классическим» соборным старцем из этой среды являлся Мисаил (в миру – Михаил Андреевич Безнин) – выходец из старого «крепкого» служилого рода «второй строки» Олферьевых. Михаил принял постриг в обители Иосифа и, отдавшись хорошо знакомой

⁴⁹⁷ Подробнее о них см.: *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 3. С. 130–160; *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 1, вып. 2. С. 1–110; *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951; *Горфункель А.Х.* Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в. // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 219–248; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 170–223; *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003; *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996; *Она же.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.

ему административно-финансовой стихии, значительно увеличил ее доходы⁴⁹⁸. Очевидно, что преобладание служилых людей в монастырской администрации способствовало церковной карьере. При этом, однако, нельзя не отметить, что архиереями эти старцы становились заметно реже нежели выходцы из среды белого духовенства, которые столь полезными для монастыря навыками не располагали. В чем причина?

Подготовка руководителей Русской церкви

На наш взгляд, ответ кроется в специфике тех навыков, которыми должен был располагать русский архиерей. Конечно, знанием древних языков – прежде всего, греческого и латыни – как отмечали иностранцы, подавляющее большинство из них в отличие от своих европейских визави похвастать не могло⁴⁹⁹. Впрочем, с «функциональной» точки зрения этого и не требовалось. Хотя для восточного славянства и была характерна диглоссия⁵⁰⁰, отличия церковнославянского языка, на котором велось богослужение, от общеупотребительного древнерусского были не столь существенны как в странах католического Запада, в которых знание латыни служило не только языковым, но и, по сути, социальным барьером между образованным меньшинством и основной массой населения. Благодаря этому даже в условиях отсутствия университетов, готовивших иерархов в странах Западной и Центральной Европы (в Русской церкви их отчасти заменяли монастыри, располагавшие крупными библиотеками), на Востоке Европы времени и усилий, потребных на подготовку священника и архиерея, необходимо было затратить несколько меньше, нежели в ряде иных стран.

⁴⁹⁸ О нем см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 157–160; *Кобрин В.Б.* Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008. С. 152–155; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture... P. 207–220.

⁴⁹⁹ Например, см.: *Штаден Г.* Записки о Московии: в 2 т. Т. 1: Публикация. М., 2008. С. 319, 321.

⁵⁰⁰ О ней подробнее см.: *Успенский Б.А.* Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. М., 1994. С. 26–48.

Однако в любом случае очевидно, что от священника и тем более архиерея требовался определенный минимум познаний в области Св. Писания, богослужебной литературы, памятников канонического права и иных сочинений⁵⁰¹. Хотя уровень образования конкретных архиереев мог различаться, в целом он был заметно выше нежели у основной массы насельников обителей. Также очевидно и то, что по объективным причинам соответствующие навыки начинали приобретать в относительно молодом возрасте, а процесс обучения растягивался на достаточно длительный период. Согласно нашим наблюдениям, как правило, он составлял не менее двух десятилетий⁵⁰². Неудивительно, что архиереями чаще всего становились лица, перешагнувшие 50, 60 и даже 70-летний рубеж. Феодосий (род. ок. 1490 г.) занял Новгородскую кафедру примерно в 52 года (1542 г.), Афанасий (вероятно, р. не ранее 1500 г.) Всероссийскую – вероятно, не ранее 64 лет (1564 г.), Филипп (р. 1507 г.) Всероссийскую – в 59 лет (1566 г.), Гурий (Руготин) (р. ок. 1495 г.) Казанскую – в 60 лет (1555 г.), Гермоген (р. ок. 1530 г.) Казанскую – примерно в 59 лет (1589 г.), Варсонофий (р. ок. 1495 г.) Тверскую – примерно в 72 года (1567 г.). «Молодых» епископов, занявших кафедры примерно в 40-летнем или чуть более зрелом возрасте, судя по всему, было сравнительно немного. К их числу относятся лишь Акакий (р. 1482 г.), занявший Тверскую кафедру в 40 лет (1522 г.) и Макарий (р. 1481/82 г.), ставший новгородским архиепископом примерно в 44 года (1526 г.).

Трудно сомневаться в том, что получение необходимых архиерею познаний принявшим постриг в зрелом или даже пожилом по меркам

⁵⁰¹ Часть соответствующих сочинений бытовала отдельно, некоторые – в составе сборника устойчивого состава «Старчество» и следованной Псалтири. Подробнее о круге этих памятников см.: *Семячко С.А.* История текста «Предания старческого новонаначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество» // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 25–71; *Она же.* Патерик, Старчество и «Старчество» // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 489–511; *Она же.* Практика наставления новонаначальных иноков в средневековых русских монастырях // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 126–138.

⁵⁰² *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 106–109.

Средневековья возрасте⁵⁰³ служилым человеком, лучшие годы жизни отдавшим военной и административной службе государю, было связано с целым рядом сложностей (постриг чаще всего принимался уже в зрелом возрасте). Они, в частности, обуславливались тем, что уровень образования лиц, сформировавшихся в военно-служилой среде, был существенно ниже нежели среди клириков. Так, если грамотными было подавляющее большинство представителей белого духовенства, то, согласно подсчетам А.И. Соболевского, среди служилых землевладельцев в России XVI–XVII вв. грамотными было лишь несколько более половины⁵⁰⁴. На колоссальную разницу в степени вовлеченности в книжную культуру (по сути, обязательное условие для успешной церковной карьеры) представителей этих слоев указывают и результаты проведенного анализа социального состава 477 известных нам переписчиков книг XVI в. С военно-служилой средой нам удалось связать 2, с белым духовенством – 124⁵⁰⁵. Как видим, на момент пострига основа для церковной карьеры высокого уровня у служилого человека, по сути, отсутствовала.

В свете вышесказанного вряд ли стоит удивляться тому, что происходившие из военно-служилой среды иноки крайне редко поднимались выше соборных старцев, казначеев или келарей. Возможностями для успешной церковной карьеры располагали лишь служилые люди, принявшие постриг в относительно раннем (во всяком случае не пожилом) возрасте, который делал их многолетнюю подготовку возможной⁵⁰⁶. Например,

⁵⁰³ Подробнее о продолжительности жизни у светских и духовных лиц в средневековой Руси см.: *Усачев А.С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 1(55). С. 58–68.

⁵⁰⁴ *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894. С. 9–10.

⁵⁰⁵ *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 249–269, 278–280, 305.

⁵⁰⁶ Беспрецедентный по своей скорости карьерный рост Филарета (в миру – боярин Федор Никитич Романов) (р. ок. 1554 г.), вынужденно принявшего постриг в 1601 г., ставшего ростовским митрополитом в 1605 г. и патриархом в 1619 г., являлся исключением из общего правила. Нетрудно заметить, что этот вопиющий случай нарушения сложившегося порядка стал возможен лишь в годы главного социально-политического катаклизма

согласно нашим наблюдениям, Федор Колычев пришел на Соловки примерно в 27-летнем возрасте, с одной стороны, накопив определенный социальный опыт, с другой, будучи еще относительно молодым для успешного освоения значительного объема информации, связанной с изучением памятников богослужебной, святоотеческой и иной литературы⁵⁰⁷.

Этим и обуславливалась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: среди соборных старцев наиболее значимых обителей выходцы из военно-служилой среды преобладали, а вот среди архиереев, как правило, выходивших из числа соборных старцев, нет. Судя по имеющимся данным, гораздо больше шансов стать архиереем было у менее многочисленных в монастырях выходцев из духовной среды (особенно заметна эта тенденция в синодальный период, который гораздо лучше обеспечен источниками⁵⁰⁸). Очевидно, что это было связано со спецификой того социального опыта, который они накапливали к моменту пострига.

В связь с этим поставим исключительно важный факт: от архиерея, судя по всему, не требовались качества «администратора». Иерарх подобного уровня располагал целым штатом помощников, решавших насущные финансовые и административные вопросы. Каждому архиерейскому дому служили многие десятки (в случае с Всероссийской и Новгородской кафедрами, вероятно, сотни) лиц⁵⁰⁹, многие из которых были связаны с ним

России раннего Нового времени. Подробнее об особенностях комплектования и функционирования церковной элиты России в эпоху Смуты см.: *Устинова И.А.* Архиерейский корпус русской церкви в 1598–1619 гг.: состав и динамика // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Сб. трудов конф. М., 2018. С. 92–98; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство» в начале Смуты. Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство. М.; СПб., 2021.

⁵⁰⁷ *Усачев А.С.* Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 319–334.

⁵⁰⁸ Например, см.: *Запальский Г.М.* Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // *Монастырская культура как трансконфессиональный феномен*. М., 2020. С. 285–286.

⁵⁰⁹ Самое общее представление об их численности дает Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. Согласно этому источнику, суздальский и тверской епископы должны были выставить по 30 чел. (их социальный статус неясен), ростовский архиепископ – 50,

на протяжении нескольких поколений⁵¹⁰. Кафедре в первую очередь требовался «пастырь», располагавший соответствующей «квалификацией» и авторитетом среди значимых духовных и светских лиц. Так, известны случаи, когда архиереями становились иноки, либо не имевшие опыта управления значимыми обителями, либо после занятия кафедры не проявившие себя в роли «хозяйственников». Например, мы не располагаем данными об «административном» опыте до поставления на кафедру новгородского архиепископа Пимена (1552–1570 гг.), который вполне успешно управлял огромной епархией почти 18 лет. На нее он был поставлен из иноков либо Кириллова, либо Андроусовой пустыни⁵¹¹. Вряд ли стоит сомневаться в отсутствии значимого «административного» опыта и у Афанасия (1564–1566 гг.), до поставления на Всероссийскую кафедру являвшегося протопопом Благовещенского собора, который при всей своей значимости и близости ко двору располагал сравнительно малочисленным клиром. Митрополит Макарий (1542–1563 гг.) – без сомнений, наиболее значимая фигура в Русской церкви XVI в. – известен как устроитель церковной жизни, писатель, организатор книгописных работ и отчасти как политик, но не как «хозяйственник». Как видим, последнее не рассматривалось как качество, которое должно было быть обязательно

митрополит – 100 (см.: *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // *Русский дипломатий.* М., 2004. Вып. 10. С. 124).

⁵¹⁰ О служилых людях архиерейских домов в России периода позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 413–438; *Греков Б.Д.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // *Греков Б.Д.* Избранные труды. Т. 3. М., 1960. С. 40–191; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 2. М., 2015. С. 9–105; *Савосичев А.Ю.* Новгородские владьчные помещики в середине XVI века // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: мат. науч. конф. 18–20 нояб. 2003 г.* В. Новгород, 2003. С. 261–265; *Он же.* Светские вассалы рязанского архиепископа в конце XVI в. // *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции 25–27 марта 2003 г.* Калуга, 2003. С. 163–167; *Матисон А.В.* Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021.

⁵¹¹ *Маханько М.А.* Где был пострижен на кафедру архиепископ Пимин? К вопросу об отношениях Кирилло-Белозерского монастыря и новгородского владыки в XVI веке // *Кириллов.* Историко-краеведческий альманах. Вологда, 2005. Вып. 6. С. 12–20.

присуще иерарху. Иногда архиерей (например, митрополит Филипп – до хиротонии самый успешный устроитель Соловецкой вотчины) мог располагать навыками «крепкого хозяйственника», но это, по-видимому, было скорее исключением из общего правила.

На уровень подготовки выходцев из белого духовенства, который был несопоставим с теми навыками, которые к моменту пострига накапливали выходцы из других слоев, среди прочего указывают два любопытных обстоятельства. Во-первых, как правило, большинство архиереев-книжников, статус в миру которых известен, являлось выходцами из духовной среды. К их числу можно отнести митрополита Афанасия, патриарха Гермогена, тверского епископа Акакия, вологодского, а позднее ростовского владыку Иону (Думина). Среди выходцев из военно-служилой среды их заметно меньше⁵¹².

Вторым обстоятельством являются некоторые особенности духовной карьеры выходцев из духовной среды. В ряде случаев после пострига она развивалась очень стремительно благодаря приобретенному в миру социальному опыту. Если для подготовки архиерея обычно требовался весьма длительный период – как отмечалось выше, чаще всего не менее двух десятилетий – то путь к хиротонии выходцев из этих слоев мог быть на порядок короче, составляя промежуток от одного года до нескольких лет. Так, минимальным – около 2-х лет – иноческим «стажем» располагал митрополит Афанасий: он принял постриг ок. 1562 г. в столичном Чудовом монастыре, а уже в начале 1564 г. занял Всероссийскую кафедру. Гермоген в 1587 г. принял постриг и вскоре возглавил главный монастырь Казанской епархии – Спасо-Преображенский. Примерно через два года после пострижения – в 1589 г. – он был поставлен в казанские архиереи. Стремительность церковно-административной карьеры во много

⁵¹² Усачев А.С. Архиереи-книжники и особенности формирования русской церковной элиты XVI века // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: мат. XIV Белорусско-Российского науч. сем.-конф., Москва, 24–25 ноября 2021 года. М., 2021. С. 478–486.

обуславливалась тем, что на момент пострига Афанасий и Гермоген уже имели за своими плечами опыт служения в белом чину на протяжении трех – четырех десятилетий⁵¹³. Очевидно, что к моменту поставления на кафедры они располагали необходимым опытом и «квалификацией». На уровень образования этих иерархов, в частности, указывает то, что они являлись известными книжниками: в активе Афанасия были Житие Даниила Переславского и Степенная книга, Гермогена – Сказание о чудесах Казанской иконы Богоматери.

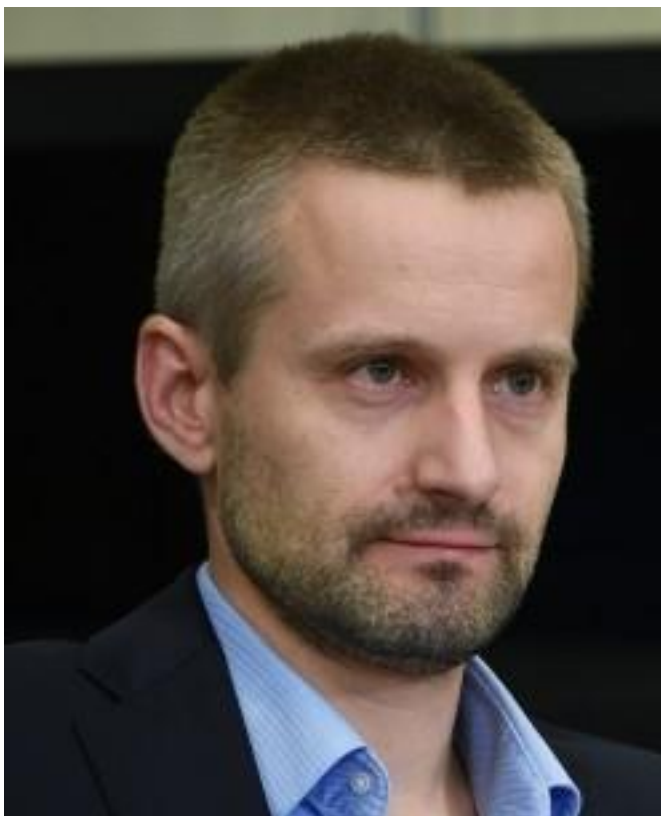
* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что церковной карьере способствовал целый ряд факторов. К их числу можно отнести покровительство значимых представителей политической элиты, принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе и происхождение из московской или подмосковной обители (порой данные факторы взаимно переплетались). Эти обстоятельства играли важную, порой определяющую роль при продолжении церковной карьеры, влияя на выбор кандидата на ту или иную кафедру. Однако для того, чтобы начать ее и попасть в тот узкий круг лиц, из которого избирались кандидаты, требовалось иное.

Необходимым условием занятия кафедры являлся определенный уровень подготовки кандидата на ее замещение, предполагавший знание текстов Св. Писания, житийной, святоотеческой и канонической литературы, а также, конечно, богослужебной практики. Освоение этого, прямо скажем, немалого объема сведений и навыков занимало длительное время, растягиваясь порой на десятилетия. Очевидно, что лучше всего его осваивали те, кто начал подготовку в относительно раннем возрасте. Учитывая то, что постриг, как правило, принимался уже в зрелом и пожилом возрасте,

⁵¹³ Усачев А.С. Статус в миру и церковная карьера в России XVI века // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 24–35.

возможности подготовки к церковной карьере подавляющего большинства иноков были ограничены. Исключением из этого правила являлись иноки, происходящие из духовной среды. Уже на момент пострига располагая большинством этих навыков, они имели значительные преимущества по сравнению с выходцами из прочих слоев. В монастыре, судя по всему, какая-то более или менее значительная часть выходцев из духовенства продолжала совершенствовать соответствующие навыки, отдав управление монастырской вотчиной в ведение иноков, происходящих из военно-служилой среды. Учитывая то, что от архиерея требовались прежде всего качества «пастыря», а не «администратора», именно на иноков из духовной среды в первую очередь обращали внимание при отборе кандидатов на замещение кафедр. Выходцы из военно-служилой страты, по сути, формировавшие администрацию обители, а также иных слоев также становились архиереями. Правда, для этого им требовалась гораздо более длительная подготовка, которая была по силам лишь лицам, принявшим постриг в сравнительно раннем возрасте. Таких, судя по всему, было не так много.

Принципы комплектования церковной элиты в России XVI века: епископат*

Характерной чертой системы управления Русским государством в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени являлся ее двусоставный характер. Две административные сетки – светская и церковная – взаимно «перекрывая» друг друга, придавали устойчивость системе управления страной, лишь сравнительно недавно объединенной в рамках единого политического целого. Высокую степень прочности этой системы продемонстрировал главный политический итог Смуты – по историческим меркам еще очень «молодое» государство сохранило свою целостность, не распавшись на Рязанскую, Суздальскую, Тверскую и прочие земли. Создание и функционирование этой двусоставной системы обеспечивали представители светской и церковной элиты. Изучение их персонального состава позволяет полнее охарактеризовать как систему управления, так и некоторые другие явления в политической, социальной и культурной жизни России раннего Нового времени.

Степень изученности этих элит различна. Политическая, представители которой формировали верхушку Государева двора, неоднократно рассматривалась в литературе⁵¹⁴. Происхождение и карьерный путь

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

⁵¹⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995; *Назаров В.Д.* Нетитулованная знать по походному списку Двора Ивана III в 1495 г. // *Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеяева.* СПб., 2002. С. 567–582; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; *Он же.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова:

практически всех нескольких сотен членов Боярской думы за этот период исследованы. Сообщество руководителей Русской церкви, формирующий главный орган ее управления Освященный собор, несмотря на появление ряда работ об отдельных иерархах⁵¹⁵, изучена несравнимо меньше⁵¹⁶. Ниже свое внимание мы обратим на высший этаж церковной элиты – епископат – и рассмотрим основные тенденции в процессе его формирования в XVI в. Если для светской элиты ключевыми принципами при ее комплектовании являлись принадлежность к определенному роду и служебные заслуги его представителей, то ситуация с элитой церковной была иной. К ней мы и обратимся, и рассмотрим основные принципы ее формирования. Характеризуя их, мы сосредоточимся на тех критериях, которым соответствовали все или, во всяком случае, большинство кандидатов на замещение кафедр в России рассматриваемого периода. Уже отмечаемая в литературе незначительность числа архиереев, происходящих из среды политической элиты, не оставляет сомнений в том, что в России, в отличие от большинства стран католического Запада⁵¹⁷, критерии отбора немногих

просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2018; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI – XVII вв. М., 2004; *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории)*. СПб., 2006; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

⁵¹⁵ Например, см.: *Макарий (Веретенников)*. Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002; *Он же*. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006; *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; *Смирнова Д.Д.* Новгородский архиепископ Феодосий – видный постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). С. 66–74; *Усачев А.С.* Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136–146; *Он же*. Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 11–23; *Он же*. Рязанский епископ Иона (1522–1547) и церковная элита в России XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2(88). С. 60–75.

⁵¹⁶ Раздел В.Г. Вовиной о руководителях Русской церкви рассматриваемого периода носит обзорный характер, очерк А.В. Савосичева посвящен сравнительно узкому хронологическому периоду. См.: *Вовина В.Г.* Церковные иерархи в XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 272–308; *Савосичев А.Ю.* Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XV – начале XVI вв. // *Novogardia*. 2020. № 4(8). С. 161–179.

⁵¹⁷ Об этом, например, см.: *Вовина В.Г.* Церковные иерархи... С. 272–273.

лиц для руководства Церковью из тысяч иноков были иными. Охарактеризуем их.

Покровительство представителей политической элиты

Принимая во внимание значимую роль великокняжеской власти в ряде эпизодов церковной истории, неустанную заботу Василия III и Ивана IV, а также их родичей о благополучии обитателей и, как красноречиво свидетельствует знаменитое послание первого русского царя в Кириллов (1573 г.), даже о необходимости соблюдения ими монастырского устава, можно предполагать, что путь к кафедре мог пролегать через близость соответствующего лица к придворной среде или непосредственно к тому или иному государю. Такие случаи известны. Например, волоколамский игумен Даниил – далеко не самый очевидный кандидат на замещение кафедры – в 1522 г. стал митрополитом при самой активной поддержке неизменно благоволившего к нему Василия III⁵¹⁸. Трудно сомневаться в том, что поставление на митрополию многолетнего исповедника Ивана IV Афанасия (в миру – Андрей, протопоп столичного Благовещенского собора) в 1564 г. во многом определялось поддержкой со стороны его духовного сына. Церковной карьере своих сторонников также могли способствовать и представители влиятельных политических кланов. Так, вполне вероятно поддержка кн. Шуйских Макарию, в 1542 г. возведенному на Всероссийскую кафедру в период их наивысшего могущества⁵¹⁹. Очевидна и роль набирающих в последней четверти XVI в. политический вес Годуновых в поставлении на Вологодскую кафедру игумена Герасимова Болдина

⁵¹⁸ О несоответствии Даниила ряду требований, которые предъявлялись руководителю Церкви, см.: *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Российская история.* 2017. № 5. С. 108.

⁵¹⁹ О весьма напряженной политической ситуации, в которой Макарий стал митрополитом, см.: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 275–279.

монастыря Антония (1586 г.), а также коломенского владыки Иова на Ростовскую (1586 г.), а затем и на Всероссийскую (1587 г.) кафедры⁵²⁰.

Определяя степень широты практики поставления на кафедру по протекции влиятельных светских лиц, зафиксируем два обстоятельства. Во-первых, архиереев, карьерный рост которых можно связывать исключительно с благоволением влиятельных светских лиц, сравнительно немного. Во-вторых, следует учитывать и субъективный фактор: судя по всему, русские государи, благоволившие к тому или иному лицу, порой сознательно препятствовали его церковно-административной карьере, которая была связана с отъездом из столицы. Например, окормлявший Ивана III (ум. 1505 г.) архимандрит Спасо-Андроникова монастыря Митрофан стал архиереем лишь после смерти своего духовного сына – он занял Коломенскую кафедру в 1507 г. Исключительно близкий к Ивану IV (ум. 1584 г.) и влиятельный настоятель Спасо-Андроникова, а затем и Троице-Сергиева монастырей, царский исповедник Феодосий Вятка на кафедру (Рязанскую) был поставлен только после кончины своего подопечного – в 1585 г.⁵²¹ Как видим, несомненное благоволение значимых светских лиц к некоторым руководителям Церкви не являлось залогом успешной карьеры большинства архиереев. Чем помимо этого она могла определяться?

Принадлежность к внутрицерковным группам

Рассматривая биографии целого ряда иерархов, нельзя не заметить их связь с влиятельными внутрицерковными группами. Немало архиереев было «выковано» в трех главных «кузницах». Из стен обители Иосифа вышли митрополит Даниил (1522–1539 гг.), коломенский епископ Вассиан (Топорков) (1525–1542 гг.), новгородский архиепископ Феодосий (1542–

⁵²⁰ Усачев А.С. Вологодский епископ Антоний... С. 136–146.

⁵²¹ Усачев А.С. Феодосий Вятка... С. 17–18.

1551 гг.), смоленские епископы Савва (Слепушкин) (1536–1538 гг.) и Гурий (Заболоцкий) (1539–1555 гг.), рязанский епископ Леонид (Протасов) (1573–1585 гг.), суздальский епископ (1549–1551 гг.), позднее полоцкий архиепископ (1563–1566 гг.) Трифон (Ступишин), тверской епископ Акакий (1522–1567 гг.), крутицкие епископы Савва Черный (1544–1554 гг.), Нифонт (Кормилицын) (1554–1558 гг.), Галактион (1565–1568 гг.) и Симеон (1581–1582 гг.), казанские архиепископы Гурий (Руготин) (1555–1563 гг.), Герман (Садырев-Полев) (1564–1567 гг.), Тихон (Хворостинин) (1575–1576 гг.), Лаврентий (1568–1574 гг.) и Иеремия (1576–1581 гг.). Из Троицы происходили митрополиты Симон (1495–1511 гг.), Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Кирилл (1568–1572 гг.), новгородские архиепископы Серапион I (1506–1509 гг.) и Серапион II (Курцев) (1551–1552 гг.), ростовские архиепископы Алексей (1543–1548 гг.) и Никандр (1549–1566 гг.), рязанские епископы Протасий (1496–1515 гг.) и Митрофан (1588–1598 гг.), суздальский епископ Елевферий (1564–1567 гг.), крутицкий епископ Досифей Забела (1508–1544 гг.). С Кирилловым было, скорее всего, связано духовное происхождение новгородского архиепископа Пимена (1552–1570 гг.), казанского архиепископа Козьмы (1581–1583 гг.), ростовских владык Иоанна (1520–1525 гг.), Досифея (1539–1542 гг.) и Варлаама (Рогова) (1587–1603 гг.), смоленского епископа Семиона (1555–1568 гг.), рязанского епископа Кассиана (1551–1554 гг.), суздальского (1551–1564 гг.), затем полоцкого (1566–1568 гг.) владыки Афанасия, коломенского епископа Тихона (1520–ок. 1522(?) гг.), крутицкого епископа Матвея (1559–1564 гг.) и вологодского епископа Алексея (1525–1544/45 гг.). Нетрудно заметить, что речь шла об обителях, которые были близки к великокняжескому двору и располагали весьма разветвленной сетью контактов в столице. Среди вкладчиков и иноков этих монастырей помимо членов великокняжеской семьи мы находим весь цвет русской аристократии – кн. Мстиславских,

кн. Воротынских, кн. Шуйских, кн. Оболенских, Морозовых, Шереметевых, Плещеевых и иных⁵²².

Было бы соблазнительно предполагать, что именно принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе (волоколамской, троицкой или кирилловской) открывала путь к хиротонии. Однако принять это, на первый взгляд, логичное предположение мешает одно обстоятельство. К данным группам принадлежала лишь примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа архиереев XVI в. (38 из примерно 120). Очевидно, что принадлежность к значимой группе была важным, но не главным фактором. Большинство – около $\frac{2}{3}$ – архиереев к ним не принадлежало. Неизбежен вопрос: чем же был обусловлен карьерный рост большинства архиереев?

«Москвичи»?

Очевидный факт – недавнее по историческим меркам образование еще очень рыхлого в политико-административном отношении государства – на первый взгляд, дает основания вслед за некоторыми исследователями⁵²³ предполагать, что на кафедры могли ставить выходцев из обителей Москвы и Подмосковья, в лояльности которых у столичных властей сомнений не было. Хотя определенные основания для столь соблазнительного своей кажущейся простотой и логичностью объяснения существуют⁵²⁴, полностью принять его

⁵²² Например, см.: *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, вып. 2. СПб., 1910. С. 140–215; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 105–111, 122–152; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009. С. 67–81; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006. P. 119–148; *Miller D.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, IL, 2010. P. 105–137; *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.

⁵²³ Например, см.: *Савосичев А.Ю.* Архиерейский корпус... С. 172.

⁵²⁴ Трудно сомневаться в том, что церковная иерархия относительно недавно присоединенного Новгорода в последней четверти XV – XVI в. целенаправленно насыщалась выходцами из Центра страны. Это касалось как архиереев, так и настоятелей крупнейших монастырей. Геннадий (Гонзов) (в 1484 г.) на кафедру был поставлен из архимандритов московского Чудова монастыря, Серапион I и Серапион II (Курцев) (в

мешает несомненный факт: большинство архиереев, происхождение которых так или иначе устанавливается, являлись «регионалами», либо рожденными, либо длительное время проживавшими за пределами столицы. Первосвященниками чаще всего становились «провинциалы», происходившие из Солигалича⁵²⁵, Углича⁵²⁶, Рязани⁵²⁷, Переславля⁵²⁸, Старицы⁵²⁹ и Казани⁵³⁰, а также с территории Новгородской земли⁵³¹. Выходцы из регионов – с территории Новгородской земли⁵³², округа Муром⁵³³, Переславля⁵³⁴, Корелы⁵³⁵, Владимира на Клязьме⁵³⁶, Дмитрова⁵³⁷ и Серпухова⁵³⁸ – занимали

1506 и 1551 гг.) – из настоятелей подмосковной Троицы. Феодосий (новгородский архиепископ с 1542 г.) являлся выходцем из близкой к двору обители Иосифа. Руководили выходцы из Центра и монастырями. В 1508–1516 гг. хутынскую обитель возглавлял выходец из столичного Спасо-Андронникова монастыря Сергей. В 1516/17 г. сразу в три ключевые новгородские обители – Юрьев, Антоньев и Спасо-Хутынский монастыри – из Москвы прибыли соответственно Иона, Геронтий и Никифор, которые новгородцами явно не являлись (подробнее см.: *Усачев А.С.* Рязанский епископ Иона... С. 61–62). В 1531 г. хутынскую обитель возглавил Феодосий, в 1542 г. ставший новгородским архиереем. Ок. 1547–1551 гг. хутыным настоятелем являлся выходец из Троице-Сергиева монастыря Гурий (Коровин), происходивший из рода Кутузовых, который был тесно связан с обителями Сергия и Иосифа (о нем подробнее см.: *Казаков А.А.* Происхождение волоколамского инока Епифания и некоторые проблемы генеалогии Кутузовых (конец XV – середина XVI вв.) // *Novogardia*. 2020. № 1(5). С. 355). В 1538 г. в Новгород «приехал» на юрьевскую архимандритию Гурий (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929. С. 616). Судя по всему, новгородцем он не являлся.

⁵²⁵ Митрополит Иона (1448–1461 гг.).

⁵²⁶ Митрополит Феодосий (Бывальцев) (1461–1464 гг.).

⁵²⁷ Митрополит Даниил (1522–1539 гг.).

⁵²⁸ Митрополиты Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Афанасий (1564–1566 гг.).

⁵²⁹ Патриарх Иов (1586–1605 гг.).

⁵³⁰ Патриарх Гермоген (1606–1612 гг.).

⁵³¹ Митрополиты Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.) и, по-видимому, Дионисий (1581–1586 гг.).

⁵³² Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) (1484–1504 гг.) и, вероятно, крутицкий епископ Варлаам (Пушкин) (1583–1586 гг.).

⁵³³ Рязанский епископ Протасий (1496–1515 гг.).

⁵³⁴ Коломенский епископ Тихон (1520–ок. 1522(?) гг.).

⁵³⁵ Ростовский митрополит Варлаам (Рогов) (1587–1603 гг.).

⁵³⁶ Рязанский епископ Иона (1522–1547 гг.).

⁵³⁷ Крутицкий епископ Нифонт (Кормилицын) (1554–1558 гг.) и рязанский епископ Митрофан (1588–1598 гг.).

⁵³⁸ Тверской епископ Варсонофий (1567–1570 гг.).

и прочие кафедры. Как видим, говорить о «засилье» «москвичей» в русской церковной иерархии XVI в. едва ли возможно⁵³⁹.

Закономерен вопрос: если связь со значимыми светскими лицами, принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе и «московское» происхождение в большинстве случаев не играли определяющей роли, то какие иные обстоятельства облегчали иноку путь на вершину церковной иерархии?

Происхождение

Обратим внимание на ту социальную среду, из которой чаще всего выходили архиереи. Хотя, сетуя на скудость источников, Л. Штайндорф пессимистично заключил, что исследование социального состава руководителей Русской церкви «применительно к Великому княжеству Московскому XVI в. вряд ли возможно»⁵⁴⁰, итоги проведенного нами исследования дают определенные основания для оптимизма. В настоящее время нами собраны сведения о примерно 120 архиереях, занимавших различные кафедры в XVI в. (некоторые были поставлены в XV в., некоторые скончались в первой четверти XVII в.). Итоги привлечения значительного числа источников, как правило, сохранившихся в составе монастырских архивов (степень сохранности архивов владычных кафедр XVI в. несопоставимо ниже) – актов, вкладных и приходо-расходных книг, синодиков, записей на книгах и предметах искусства – дали нам возможность

⁵³⁹ Согласно нашему предположению, речь шла о консолидации не терявших связь со своей «малой Родиной» архиереев вокруг Всероссийской кафедры, находящейся в тесном союзе с великокняжеской властью (см.: *Усачев А.С.* Рязанский епископ Иона... С. 71).

⁵⁴⁰ *Штайндорф Л.* Общие корни и различные пути. Попытка сравнения (комментарий к докладам секции «Иноки, инокини и их семьи в миру [монастыри в структуре семейных приоритетов и стратегий]») // *Монастырская культура как трансконфессиональный феномен.* М., 2020. С. 293.

с той или иной степенью гипотетичности происхождение 35 архиереев (т.е. ок. 29% от общего числа) связать с определенной социальной средой⁵⁴¹.

Из 35 архиереев 19 (ок. 54%) происходили или, вероятнее всего, происходили из среды белого духовенства (они сами в миру являлись священниками или среди их родичей было немало клириков): митрополиты Симон (1495–1511 гг.), Афанасий (1564–1566 гг.), Кирилл (1568–1572 гг.), Антоний (1572–1581 гг.), Дионисий (1581–1586 гг.), казанский архиепископ Вассиан (1575 г.), казанский митрополит (1589–1606 гг.), патриарх (1606–1612 гг.) Гермоген, новгородские владыки Серапион I (1506–1509 гг.), Леонид (1571–1575 гг.) и, вероятно, Варлаам (1592–1601 гг.), суздальские владыки Елевферий (1564–1567 гг.) и Галактион (ок. 1594–1609 гг.), тверские епископы Акакий (1522–1567 гг.) и Варсонофий (1567–1570 гг.), рязанский епископ Михаил (1548–1551 гг.), крутицкий епископ Досифей Забела (1508–1544 гг.), коломенский епископ Тихон (1520–ок. 1522(?) гг.), настоятель кафедры Архангельского собора (1597–1613 гг.), тверской (1613–ок. 1616 гг.), суздальский (ок. 1616–1625 гг.) архиепископ Арсений Элассонский, а также, вероятно, вологодский архиепископ (1588–1603 гг.), ростовский митрополит (1603–ок. 1604–1605 гг.) Иона (Думин).

13 (ок. 37%) архиереев вышли из среды служилых землевладельцев: митрополиты Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.), новгородский архиепископ Серапион II (Курцев) (1551–1552 гг.), казанские архиепископы Герман (Садырев-Полев) (1564–1567 гг.) и Тихон (Хворостинин) (1575–1576 гг.), ростовский архиепископ Вассиан (Санин) (1506–1515 гг.), тверские епископы Вассиан (Стригин-Оболенский) (1477–1508 гг.) и Нил Грек (вероятно, Траханиотов) (1509–1521 гг.), смоленский епископ Гурий (Заболоцкий) (1539–1555 гг.), суздальский

⁵⁴¹ Исходя из имеющихся данных, можно предполагать, что большинство архиереев, происхождение которых нам установить не удалось (митрополит Макарий, новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов), крутицкий епископ Нифонт (Кормилицын), смоленский епископ Савва (Слепушкин), рязанский епископ Леонид (Протасов), ростовский митрополит Варлаам (Рогов) и др.), в миру были далеки от вершины социальной иерархии.

епископ Семион (Стремоухов) (1509–1515 гг.), суздальский (1549–1551 гг.), затем полоцкий (1563–1566 гг.) владыка Трифон (Ступишин), крутицкий епископ Варлаам (Пушкин) (1583–1586 гг.), коломенский епископ Вассиан (Топорков) (1525–1542 гг.).

Трое (ок. 9%) происходили из иных слоев. Коломенский (1581–1586 гг.), затем ростовский (1586 г.) владыка и патриарх (1586–1605 гг.) Иов являлся выходцем с посада Старицы. Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551 гг.) и казанский архиепископ Гурий (Руготин) (1555–1563 гг.) в миру были слугами (вероятно, боевыми холопами) представителей знати: первый служил боярину С.И. Воронцову, второй – кн. Ивану Пенкову.

Нетрудно заметить, что наибольшее число иноков, возглавивших кафедры, происходило из двух социальных страт. Учитывая то, что основную часть братии не только основной массы обителей, но даже таких близких к столичной элите монастырей как Иосифо-Волоколамский, Кириллов или Троице-Сергиев, составляли лица невысокого статуса в миру (по преимуществу крестьяне и посадские люди)⁵⁴², очевидно, что выходцы из среды белого духовенства и военно-служилой среды при занятии кафедр имели заметные преимущества. Чем они обуславливались?

В случае с отпрысками служилых родов, на первый взгляд, ответ очевиден – высокий статус в Церкви мог являться проекцией их высокого статуса в миру. Однако имеющиеся факты побуждают отвергнуть это, казалось бы, самое логичное объяснение: среди архиереев мы почти не

⁵⁴² О статусе в миру иноков русских обителей позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 112–122; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture... Р. 119–148; *Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 238–298; *Шамина И.Н.* Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141–154; *Spock J.B.* Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Bd. 55, H. 4. S. 534–565; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь...; *Miller D.* Saint Sergius of Radonezh... Р. 138–168; *Черкасова М.С.* Спасо-Прилуцкий монастырь... С. 199–202.

встречаем выходцев из родов, формирующих Боярскую думу. Исключениями в этом ряду являются тверской епископ Вассиан (в миру – кн. Василий Иванович Стригин-Оболенский, сын едва ли не лучшего полководца Василия II и Ивана III боярина кн. Ивана Васильевича Стриги)⁵⁴³ и митрополит Филипп (в миру – Федор Степанович Колычев) – выходец из «крепкого» старомосковского рода, служебный и генеалогический статус которого, правда, был заметно ниже нежели у кн. Оболенских⁵⁴⁴. Вероятно, тверской епископ Нил являлся родичем перебравшихся на русскую службу Траханиотовых, некоторые из которых в XVI в. входили в Боярскую думу⁵⁴⁵. Подавляющее большинство архиереев, происходящих из военно-служилой страты, представляли ее нижние и средние слои. Саниных, Скрипицыных, Топорковых и прочих нельзя отнести к элите русского общества. Очевидно, что духовной карьере большинства из них не могли способствовать родственные связи. С чем же было связано значительное число архиереев из их числа?

Обратим внимание на тот сегмент монастырской среды, из которого выходили руководители Русской церкви – сообщество соборных старцев. Подавляющее их большинство, по сути, составляло монастырскую администрацию, помогавшую настоятелю управлять порой весьма обширной монастырской вотчиной. Основной доход «кузницам» архиереев – обителям Сергия, Кирилла и Иосифа – приносили их немалые земельные владения⁵⁴⁶.

⁵⁴³ О ближайших родичах Вассиана см.: *Пономарева И.Г.* Князь Иван Васильевич Стрига Оболенский // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2 (14). С. 129–144.

⁵⁴⁴ О генеалогии и служебном статусе Колычевых см.: *Зимин А.А.* Колычевы и русское боярство в XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 55–71.

⁵⁴⁵ О них см.: *Зимин А.А.* Формирование... С. 271, 273–275; *Матасова Т.А.* Кем был до пострига тверской епископ Нил? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 82–83.

⁵⁴⁶ Подробнее о них см.: *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 3. С. 130–160; *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 1, вып. 2. С. 1–110; *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951; *Горфункель А.Х.* Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в. // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 219–248; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 170–223; *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003; *Черкасова М.С.*

Именно поэтому эти монастыри остро нуждались в квалифицированных управленцах, которые еще в миру получили соответствующий социальный опыт. В России раннего Нового времени основным местом концентрации лиц, располагавших этими навыками, были низшие и средние слои служилого сословия. Управляя собственными вотчинами и поместьями, а в ряде случаев и владениями своих состоятельных патронов, выходцы из небогатых служилых родов еще в миру приобретали тот социальный опыт, который оказывался как нельзя кстати в монастырях. Приняв постриг, через какое-то время значительная часть иноков из этой среды входила в монастырскую администрацию, становясь соборными старцами, казначеями, келарями, а порой и настоятелями. «Классическим» соборным старцем из этой среды являлся Мисаил (в миру – Михаил Андреевич Безнин) – выходец из старого «крепкого» служилого рода «второй строки» Олферьевых. Михаил принял постриг в обители Иосифа и, отдавшись хорошо знакомой ему административно-финансовой стихии, значительно увеличил ее доходы⁵⁴⁷. Очевидно, что преобладание служилых людей в монастырской администрации способствовало церковной карьере. При этом, однако, нельзя не отметить, что архиереями эти старцы становились заметно реже нежели выходцы из среды белого духовенства, которые столь полезными для монастыря навыками не располагали. В чем причина?

Подготовка руководителей Русской церкви

На наш взгляд, ответ кроется в специфике тех навыков, которыми должен был располагать русский архиерей. Конечно, знанием древних языков – прежде всего, греческого и латыни – как отмечали иностранцы,

Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996; *Она же*. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.

⁵⁴⁷ О нем см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 157–160; *Кобрин В.Б.* Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008. С. 152–155; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture... P. 207–220.

подавляющее большинство из них в отличие от своих европейских визави похвастать не могло⁵⁴⁸. Впрочем, с «функциональной» точки зрения этого и не требовалось. Хотя для восточного славянства и была характерна диглоссия⁵⁴⁹, отличия церковнославянского языка, на котором велось богослужение, от общеупотребительного древнерусского были не столь существенны как в странах католического Запада, в которых знание латыни служило не только языковым, но и, по сути, социальным барьером между образованным меньшинством и основной массой населения. Благодаря этому даже в условиях отсутствия университетов, готовивших иерархов в странах Западной и Центральной Европы (в Русской церкви их отчасти заменяли монастыри, располагавшие крупными библиотеками), на Востоке Европы времени и усилий, потребных на подготовку священника и архиерея, необходимо было затратить несколько меньше, нежели в ряде иных стран.

Однако в любом случае очевидно, что от священника и тем более архиерея требовался определенный минимум познаний в области Св. Писания, богослужебной литературы, памятников канонического права и иных сочинений⁵⁵⁰. Хотя уровень образования конкретных архиереев мог различаться, в целом он был заметно выше нежели у основной массы насельников обителей. Также очевидно и то, что по объективным причинам соответствующие навыки начинали приобретать в относительно молодом возрасте, а процесс обучения растягивался на достаточно длительный период. Согласно нашим наблюдениям, как правило, он составлял не менее

⁵⁴⁸ Например, см.: *Штаден Г.* Записки о Московии: в 2 т. Т. 1: Публикация. М., 2008. С. 319, 321.

⁵⁴⁹ О ней подробнее см.: *Успенский Б.А.* Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. М., 1994. С. 26–48.

⁵⁵⁰ Часть соответствующих сочинений бытовала отдельно, некоторые – в составе сборника устойчивого состава «Старчество» и следованной Псалтири. Подробнее о круге этих памятников см.: *Семячко С.А.* История текста «Предания старческого новонаначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество» // *Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь.* СПб., 2008. С. 25–71; *Она же.* Патерик, Старчество и «Старчество» // *ТОДРЛ.* СПб., 2010. Т. 61. С. 489–511; *Она же.* Практика наставления новонаначальных иноков в средневековых русских монастырях // *Монастырская культура как трансконфессиональный феномен.* М., 2020. С. 126–138.

двух десятилетий⁵⁵¹. Неудивительно, что архиереями чаще всего становились лица, перешагнувшие 50, 60 и даже 70-летний рубеж. Феодосий (род. ок. 1490 г.) занял Новгородскую кафедру примерно в 52 года (1542 г.), Афанасий (вероятно, р. не ранее 1500 г.) Всероссийскую – вероятно, не ранее 64 лет (1564 г.), Филипп (р. 1507 г.) Всероссийскую – в 59 лет (1566 г.), Гурий (Руготин) (р. ок. 1495 г.) Казанскую – в 60 лет (1555 г.), Гермоген (р. ок. 1530 г.) Казанскую – примерно в 59 лет (1589 г.), Варсонофий (р. ок. 1495 г.) Тверскую – примерно в 72 года (1567 г.). «Молодых» епископов, занявших кафедры примерно в 40-летнем или чуть более зрелом возрасте, судя по всему, было сравнительно немного. К их числу относятся лишь Акакий (р. 1482 г.), занявший Тверскую кафедру в 40 лет (1522 г.) и Макарий (р. 1481/82 г.), ставший новгородским архиепископом примерно в 44 года (1526 г.).

Трудно сомневаться в том, что получение необходимых архиерею познаний принявшим постриг в зрелом или даже пожилом по меркам Средневековья возрасте⁵⁵² служилым человеком, лучшие годы жизни отдавшим военной и административной службе государю, было связано с целым рядом сложностей (постриг чаще всего принимался уже в зрелом возрасте). Они, в частности, обуславливались тем, что уровень образования лиц, сформировавшихся в военно-служилой среде, был существенно ниже нежели среди клириков. Так, если грамотными было подавляющее большинство представителей белого духовенства, то, согласно подсчетам А.И. Соболевского, среди служилых землевладельцев в России XVI–XVII вв. грамотными было лишь несколько более половины⁵⁵³. На колоссальную разницу в степени вовлеченности в книжную культуру (по сути, обязательное условие для успешной церковной карьеры) представителей этих слоев

⁵⁵¹ Усачев А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 106–109.

⁵⁵² Подробнее о продолжительности жизни у светских и духовных лиц в средневековой Руси см.: Усачев А.С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1(55). С. 58–68.

⁵⁵³ Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894. С. 9–10.

указывают и результаты проведенного анализа социального состава 477 известных нам переписчиков книг XVI в. С военно-служилой средой нам удалось связать 2, с белым духовенством – 124⁵⁵⁴. Как видим, на момент пострига основа для церковной карьеры высокого уровня у служилого человека, по сути, отсутствовала.

В свете вышесказанного вряд ли стоит удивляться тому, что происходившие из военно-служилой среды иноки крайне редко поднимались выше соборных старцев, казначеев или келарей. Возможностями для успешной церковной карьеры располагали лишь служилые люди, принявшие постриг в относительно раннем (во всяком случае не пожилом) возрасте, который делал их многолетнюю подготовку возможной⁵⁵⁵. Например, согласно нашим наблюдениям, Федор Колычев пришел на Соловки примерно в 27-летнем возрасте, с одной стороны, накопив определенный социальный опыт, с другой, будучи еще относительно молодым для успешного освоения значительного объема информации, связанной с изучением памятников богослужебной, святоотеческой и иной литературы⁵⁵⁶.

Этим и обуславливалась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: среди соборных старцев наиболее значимых обителей выходцы из военно-служилой среды преобладали, а вот среди архиереев, как правило, выходивших из числа соборных старцев, нет. Судя по имеющимся данным,

⁵⁵⁴ Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 249–269, 278–280, 305.

⁵⁵⁵ Беспрецедентный по своей скорости карьерный рост Филарета (в миру – боярин Федор Никитич Романов) (р. ок. 1554 г.), вынужденно принявшего постриг в 1601 г., ставшего ростовским митрополитом в 1605 г. и патриархом в 1619 г., являлся исключением из общего правила. Нетрудно заметить, что этот вопиющий случай нарушения сложившегося порядка стал возможен лишь в годы главного социально-политического катаклизма России раннего Нового времени. Подробнее об особенностях комплектования и функционирования церковной элиты России в эпоху Смуты см.: Устинова И.А. Архиерейский корпус русской церкви в 1598–1619 гг.: состав и динамика // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Сб. трудов конф. М., 2018. С. 92–98; Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты. Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство. М.; СПб., 2021.

⁵⁵⁶ Усачев А.С. Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 1. С. 319–334.

гораздо больше шансов стать архиереем было у менее многочисленных в монастырях выходцев из духовной среды (особенно заметна эта тенденция в синодальный период, который гораздо лучше обеспечен источниками⁵⁵⁷). Очевидно, что это было связано со спецификой того социального опыта, который они накапливали к моменту пострига.

В связь с этим поставим исключительно важный факт: от архиерея, судя по всему, не требовались качества «администратора». Иерарх подобного уровня располагал целым штатом помощников, решавших насущные финансовые и административные вопросы. Каждому архиерейскому дому служили многие десятки (в случае с Всероссийской и Новгородской кафедрами, вероятно, сотни) лиц⁵⁵⁸, многие из которых были связаны с ним на протяжении нескольких поколений⁵⁵⁹. Кафедре в первую очередь требовался «пастырь», располагавший соответствующей «квалификацией» и авторитетом среди значимых духовных и светских лиц. Так, известны случаи, когда архиереями становились иноки, либо не имевшие опыта управления значимыми обителями, либо после занятия кафедры не проявившие себя в роли «хозяйственников». Например, мы не располагаем

⁵⁵⁷ Например, см.: *Запальский Г.М.* Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // *Монастырская культура как трансконфессиональный феномен.* М., 2020. С. 285–286.

⁵⁵⁸ Самое общее представление об их численности дает Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. Согласно этому источнику, суздальский и тверской епископы должны были выставить по 30 чел. (их социальный статус неясен), ростовский архиепископ – 50, митрополит – 100 (см.: *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // *Русский дипломатический архив.* М., 2004. Вып. 10. С. 124).

⁵⁵⁹ О служилых людях архиерейских домов в России периода позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 413–438; *Греков Б.Д.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // *Греков Б.Д.* Избранные труды. Т. 3. М., 1960. С. 40–191; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 2. М., 2015. С. 9–105; *Савосичев А.Ю.* Новгородские владичные помещики в середине XVI века // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: мат. науч. конф. 18–20 нояб. 2003 г.* В. Новгород, 2003. С. 261–265; *Он же.* Светские вассалы рязанского архиепископа в конце XVI в. // *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции 25–27 марта 2003 г.* Калуга, 2003. С. 163–167; *Матисон А.В.* Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021.

данными об «административном» опыте до поставления на кафедру новгородского архиепископа Пимена (1552–1570 гг.), который вполне успешно управлял огромной епархией почти 18 лет. На нее он был поставлен из иноков либо Кириллова, либо Андроусовой пустыни⁵⁶⁰. Вряд ли стоит сомневаться в отсутствии значимого «административного» опыта и у Афанасия (1564–1566 гг.), до поставления на Всероссийскую кафедру являвшегося протопопом Благовещенского собора, который при всей своей значимости и близости ко двору располагал сравнительно малочисленным клиром. Митрополит Макарий (1542–1563 гг.) – без сомнений, наиболее значимая фигура в Русской церкви XVI в. – известен как устроитель церковной жизни, писатель, организатор книгописных работ и отчасти как политик, но не как «хозяйственник». Как видим, последнее не рассматривалось как качество, которое должно было быть обязательно присуще иерарху. Иногда архиерей (например, митрополит Филипп – до хиротонии самый успешный устроитель Соловецкой вотчины) мог располагать навыками «крепкого хозяйственника», но это, по-видимому, было скорее исключением из общего правила.

На уровень подготовки выходцев из белого духовенства, который был несопоставим с теми навыками, которые к моменту пострига накапливали выходцы из других слоев, среди прочего указывают два любопытных обстоятельства. Во-первых, как правило, большинство архиереев-книжников, статус в миру которых известен, являлось выходцами из духовной среды. К их числу можно отнести митрополита Афанасия, патриарха Гермогена, тверского епископа Акакия, вологодского, а позднее ростовского владыку Иону (Думина). Среди выходцев из военно-служилой среды их заметно меньше⁵⁶¹.

⁵⁶⁰ *Маханько М.А.* Где был пострижен на кафедру архиепископ Пимин? К вопросу об отношениях Кирилло-Белозерского монастыря и новгородского владыки в XVI веке // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 2005. Вып. 6. С. 12–20.

⁵⁶¹ *Усачев А.С.* Архиереи-книжники и особенности формирования русской церковной элиты XVI века // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и

Вторым обстоятельством являются некоторые особенности духовной карьеры выходцев из духовной среды. В ряде случаев после пострига она развивалась очень стремительно благодаря приобретенному в миру социальному опыту. Если для подготовки архиерея обычно требовался весьма длительный период – как отмечалось выше, чаще всего не менее двух десятилетий – то путь к хиротонии выходцев из этих слоев мог быть на порядок короче, составляя промежуток от одного года до нескольких лет. Так, минимальным – около 2-х лет – иноческим «стажем» располагал митрополит Афанасий: он принял постриг ок. 1562 г. в столичном Чудовом монастыре, а уже в начале 1564 г. занял Всероссийскую кафедру. Гермоген в 1587 г. принял постриг и вскоре возглавил главный монастырь Казанской епархии – Спасо-Преображенский. Примерно через два года после пострижения – в 1589 г. – он был поставлен в казанские архиереи. Стремительность церковно-административной карьеры во много обуславливалась тем, что на момент пострига Афанасий и Гермоген уже имели за своими плечами опыт служения в белом чину на протяжении трех – четырех десятилетий⁵⁶². Очевидно, что к моменту поставления на кафедры они располагали необходимым опытом и «квалификацией». На уровень образования этих иерархов, в частности, указывает то, что они являлись известными книжниками: в активе Афанасия были Житие Даниила Переславского и Степенная книга, Гермогена – Сказание о чудесах Казанской иконы Богородицы.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что церковной карьере способствовал целый ряд факторов. К их числу можно отнести покровительство значимых

перспективы развития: мат. XIV Белорусско-Российского науч. сем.-конф., Москва, 24–25 ноября 2021 года. М., 2021. С. 478–486.

⁵⁶² Усачев А.С. Статус в миру и церковная карьера в России XVI века // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 24–35.

представителей политической элиты, принадлежность к влиятельной внутрицерковной группе и происхождение из московской или подмосковной обители (порой данные факторы взаимно переплетались). Эти обстоятельства играли важную, порой определяющую роль при продолжении церковной карьеры, влияя на выбор кандидата на ту или иную кафедру. Однако для того, чтобы начать ее и попасть в тот узкий круг лиц, из которого избирались кандидаты, требовалось иное.

Необходимым условием занятия кафедры являлся определенный уровень подготовки кандидата на ее замещение, предполагавший знание текстов Св. Писания, житийной, святоотеческой и канонической литературы, а также, конечно, богослужебной практики. Освоение этого, прямо скажем, немалого объема сведений и навыков занимало длительное время, растягиваясь порой на десятилетия. Очевидно, что лучше всего его осваивали те, кто начал подготовку в относительно раннем возрасте. Учитывая то, что постриг, как правило, принимался уже в зрелом и пожилом возрасте, возможности подготовки к церковной карьере подавляющего большинства иноков были ограничены. Исключением из этого правила являлись иноки, происходящие из духовной среды. Уже на момент пострига располагая большинством этих навыков, они имели значительные преимущества по сравнению с выходцами из прочих слоев. В монастыре, судя по всему, какая-то более или менее значительная часть выходцев из духовенства продолжала совершенствовать соответствующие навыки, отдав управление монастырской вотчиной в ведение иноков, происходящих из военно-служилой среды. Учитывая то, что от архиерея требовались прежде всего качества «пастыря», а не «администратора», именно на иноков из духовной среды в первую очередь обращали внимание при отборе кандидатов на замещение кафедр. Выходцы из военно-служилой страты, по сути, формировавшие администрацию обители, а также иных слоев также становились архиереями. Правда, для этого им требовалась гораздо более длительная подготовка,

которая была по силам лишь лицам, принявшим постриг в сравнительно раннем возрасте. Таких, судя по всему, было не так много.

Д.А. Петров

ООО Архитектурные мастерские - Классика

Вино на пирах московских государей в XVI – XVII вв.

Аннотация: В статье рассматривается бытование вина в Московском государстве, в первую очередь, в дворцовом хозяйстве. На основании сопоставления материалов русского делопроизводства и записок иностранцев рассказывается об его употреблении в посольском церемониале (в первую очередь, на приеме послов английского короля в 1664 г.), а также на праздновании важных событий в жизни элиты русского общества. Затрагивается проблема централизованного импортирования, внутренней торговли и хранения вина. Отдельно изучаются сорта распространенных на Руси алкогольных напитков. Автор приходит к выводу о достаточно широком разнообразии сортов вина на

Руси, при том, что вкусы принципиально не менялись и винное меню на протяжении многих десятилетий было относительно стабильным.

Ключевые слова: государев двор, посольский церемониал, записки иностранцев, делопроизводство, гастрономия, вино.

История материальной культуры включает в себя и историю гастрономии. К сожалению, полноценных исследований по истории русской гастрономии не существует, исследователи до сих пор опираются в своих суждениях на работы ученых второй половины XIX в. - А Терещенко, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, М.И. Пыляева⁵⁶³.

В то же время, материал по этому вопросу огромен: документы царского и патриаршего дворов, посольские отчеты и мемуары иностранцев, монастырские и частные расходные книги, таможенные книги. Первый обзор этих источников был сделан еще в 1832 г. П. Кеппенем⁵⁶⁴. К сожалению, исследователи не обращали внимания на эту, очень содержательную и полную для своего времени, публикацию. Существует не меньший объем археологических и этнографических исследований по этой теме. Попытки описать эти сведения уже в наше время, были произведены сорок лет тому назад⁵⁶⁵, но ее результаты могут рассматриваться сейчас только как предварительный набросок. Поэтому мы пытаемся в настоящее время начать работу над подготовкой материалов⁵⁶⁶, которыми другие исследователи

⁵⁶³ Терещенко А. Быт русского народа. М., 1993. С. 117 – 170; Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI XVII столетиях. СПб., 1860. С. 81-92, 129-138;(Переиздано: М., 1992); Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. (4 издания, первое – в 1862 г.); Пыляев М.И. Старое житъе. СПб., 1892. С.3 – 20.

⁵⁶⁴ Кеппен П. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832. С. 4-40.

⁵⁶⁵ о вине см.: Арциховский А.В. Пища и утварь // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 304; Вдовина Л.Н. Пища и утварь // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 228 -229.

⁵⁶⁶ Петров Д. Упоминания о вине, меде, пиве, солоде и хмеле в древнерусских берестяных грамотах // Fontes Slavia Orthodoxa III. Православная культура: История и современность. Под ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Olsztyn. 2016. С. 37 – 70; Петров Д.А. «Питье» на приеме царя Алексея Михайловича в честь английского посла Чарльза Ховарда, графа Карлайла 19 февраля 1664 г. Ч. 1. Вино. Церемониал подачи. Ассортимент вин. Снабжение винами Дворца. Хранение вин // Valla. 2017. № 3 (3). С. 23 – 36. Эл. издание; Петров Д.А. Вино в составе даров новгородцев великому

смогут воспользоваться для восполнения столь существенного пробела в истории русской гастрономии – т. е. в истории искусства и материальной культуры. Одним из таких «кирпичиков» будущей «постройки» является настоящая заметка. Очевидно, что наша работа представляет собой лишь «первое прикосновение» к теме потребления виноградных вин в России XII - XVII вв. и ни в коем случае не претендует на завершенность.

19 февраля 1664 г. царь Алексей Михайлович принимал посла английского короля Карла II Чарльза Ховарда, графа Карлайла⁵⁶⁷ и дал ему пир в Грановитой палате. Об этом посольстве писали исследователи, но, как правило, оно упоминается в связи дарами, поднесенными царю и сохранившимися до сего дня, а не из-за достаточно детального отчета о процедуре приема и описания «меню» пира в Грановитой палате, о котором упомянули всего несколько исследователей⁵⁶⁸, причем о составе кушаний и питья упомянули только А. Терещенко, написавший свою книгу 170 лет назад⁵⁶⁹ и И.Е. Забелин⁵⁷⁰, написавший об этом 150 лет назад.

Описание приема графа Карлайла представляется нам достаточно интересным, источником, отмечающим не только дипломатический церемониал, но и «царский стол» - высшее достижение русской кухни XVII

князю Ивану III, поднесенных во время походов 1475-1476 и 1478-1479 гг. // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.-Великий Новгород, 2018. С. 180-186.

⁵⁶⁷ См.: Дворцовые разряды, высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – ДР). Т. 3. (С 1645 по 1676 г.). СПб. 1852. Стб. 572; *Зуев М.Н.* Материалы о посольстве Карлейля 1663 – 1664 г. // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 35-36; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 1. М., 1894. С. 118; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 12. М., 1961. С. 535 -537; *Kononov S.* England and Russia: Three embassies 1662 – 5. Oxford Slavonic Papers. Volume X. 1962.

⁵⁶⁸ См.: *Загородняя И.А.* Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII в. // Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., М. 2003. С. 28 – 30; *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 146 – 147; *Черная Л.* Повседневная жизнь московских государей в XVII в. М., 2013. С. 288.

⁵⁶⁹ *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. (переиздано: *Терещенко А.* Быт русского народа. М., 1993). Описание приема английского посла: С. 147 – 148.

⁵⁷⁰ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2013. С. 911-916. См. особенно: С. 911. Прим. 2.

в. Кроме того, один из участников посольства оставил воспоминания об этой поездке⁵⁷¹, что дает возможность увидеть это событие «бинарным» способом.

По интересующей нас теме в «Разрядах» мы находим два фрагмента - об официальном пире 19 февраля 1664 г. и о встрече царя и посла 22 апреля 1664 г., в которых упоминаются вина, поданные царю и послу. Представляется, что будет интересным описать как сами вина, так и некоторые обстоятельства их бытования в реальной жизни (церемониал, хранение и торговля вином).

1. Церемониал подачи.

Пир 19 февраля 1664 г. Вино на пиру подавалось по особому порядку. Л.А. Юзефович, *изучая* церемониальное питание вина послами⁵⁷² дал несколько сбивчивое описание, из которого трудно понять какова же была сама процедура питания первых «тостов». Постараемся описать эту ситуацию чуть подробнее.

«Разряды» сообщают: «как Великий Государь сел за стол, и околичей Федор Михайлович Ртищев явил чашников и столников, пришел с правая стороны. И постояв перед Великим Государем, пошел около столпа за поставец, а за ним шли чашники, столники, в золотых же, по 2 человека в ряд. А в чинех были при Великом Государе... У государева стола стояли: крайчей князь Петр Семенович Урусов, столник Дмитрий Никитин сын Наумов. Вина нарежал столник князь Юрья княж Михайлов сын Одоевской. Пить наливал столник князь Иван княж Борисов сын Троекуров... Перед Великаго Государя пить носили чашники» (их было 27 человек: кн. М.А. Голицын, кн. Ю.И. Ромодановской, И.В. Бутурлин, Г.Н. Собакин, кн. Н.С. Урусов, П.И. Матюшкин, В.Я. Голохвастов, кн. А.И. Буйносов-Ростовской,

⁵⁷¹ Guy Miegе. A Relation of Three Embassies from Charles II. to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark, Performed in the Years 1663 and 1664 by the Earle of Carlisle in the Years 1663 & 1664. «Printed for John Starkey». London. 1669; Описание Московии при реляциях гр. Карлейля (пер. с французского И.Ф. Павловского) // Историческая библиотека. Учено-литературный журнал. 1879. № 5.

⁵⁷² Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV- первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 217-219.

кн. С.И. Татев, Л.И. Салтыков, кн. А.А. Лыков, И.Л. Салтыков, кн. С.А. Хованской, кн. Ю.П. Трубецкой, И.В. Шереметев, кн. М.Ю. Долгоруково, кн. В.В. Голицын, кн. И.И. Хованской, кн. П.И. Прозоровской, кн. Ю.С. Урусов, кн. П.И.Хованской, кн. Ф.С. Урусов, кн. А.И. Хованской, кн. В.Д. Долгоруково, кн. В.П. Прозоровской, В.М. Еропкин.- Д.П.)⁵⁷³. «Перед бояр пить носили столники... (6 человек: Я.Т. Собакин, И.И. Боборыкин, С.Ф. Толочанов, кн. В.А. Сонцов-Засекин, кн. С.П. Волконской, Ф.И. Выповской - Д.П.) стряпчие» (21 человек: П.И. Протопопов, С.О. Аничков, Б.Я. Соловцов, А.П. Елизаров, Н.Ф. Юшков, Я.А. Хрущов, Ф.В. Беклемишев, И.А. Игнатъев, И.Б. Плещеев, кн. О.П. Мышетцкой, И.В. Зыбин, Е.М. Прончищев, Г.И. Камынин, кн. Б.В. Горчаков, С.Е. Олмазов, кн. А.Д. Горчаков, И.С. Хитрово, Б.М. Квашнин, С.С. Овцын, И.В. Волынской, И.П. Образцов- Д.П.)⁵⁷⁴. «Перед послов пить носили столники... (2 человека: кн. И.П. Козловской, И.И. Засецкой - Д.П.) стряпчие... (27 человек: И.К. Кузмин, С.П. Аксаков, Б.Ф. Полибин, И.Е. Челюстки, А.Я. Бегичев, кн. Е.И. Гагарин, кн. Ю.Г. Волконской, Б.А. Новосилцов, И.П. Обрасцов, А.М. Блохин, И.Ф. Юшков, И.И. Изволской, Т.А. Хомяков, Е.С. Языков, Г.В. Новосилцов, С.Д. Борисов, Г.Н. Мясоедов, Ф.Г. Засецкой, М.И. Тургенев, Б.И. Протопопов, В.М. Хвостов, Н.И. Обрасцов, И.Д. Жеребцов, Л.А. Тихменев, Т.М. Беклемишев, кн. С.Г. Ухтомской, З.З. Толмачев- Д.П.)... У поставца (сытного – с напитками – Д.П.) стояли в золотах, дьяки... (Федор Михайлов, Иван Харламов- Д.П.); у поставца ж стояли довровые люди, в золотах: путные ключники... (Ф.А. Бохин, С.А. Малово, А.Т. Лихачев- Д.П.) чарочник... (М.Т. Лихачев- Д.П.) стряпчие... (И.Ф. Барков, М.П. Лыков, Л.П. Лыков, И.И. Патрекеев, И.В. Герасимов; - Д.П.) векошники (И.О. Лихачев, О.Н. Десятово- Д.П.) Да в стол же Великий Государь пил чашу про братскую

⁵⁷³ ДР. Т. 3. Стб. 565 – 566. Ср. практику начала XVII в.: «А чашник как поднесет пить Государю, сам отольет в ковш и выпьет, потом поднесет к Государю» (Записка о Царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах, приказах, войске, городах и пр. 1610 – 1613 гг. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб, 1841. С. 423. № 355).

⁵⁷⁴ ДР. Т. 3. Стб. 568.

любовь Карлуса, короля Аглинского, двожди»⁵⁷⁵. «Чашу подавал столник князь Иван княж Борисов сын Троекуров, яшмовую братину, а другую хрустальную чашу. И объявлял послу князь Иван Троекуров, что Великий Государь изволил чашу пить о королевском здоровье; и посол Великому Государю бил челом, вышел из за стола. А после того жаловал Великий Государь купками боряр, и околничих, и думнаго дьяка, и дворян, которые ели за столом, и посла, и сына его, и королевских дворян и посольских людей. Третьюю чашу пил посол про здоровье Великаго Государя, вышед из за стола; а бояре в то время выходили ж. А Великий Государь про свое государево здоровье пил из хрустальныя ж чаши...»⁵⁷⁶. «А в чаши наливали питья, Фряския вина: романею, ренское, бастр, в три купка; (после вина еще две подачи – красного и белого меда подавали в ковшах – Д.П.)... А как посол после стола пошел из полаты, и, по указу Великаго Государя, провожали его посла... И того ж числа послано после стола на посольской двор потчиват посла и посольских людей: ведро романей, ведро ренскаго»⁵⁷⁷.

Записки иностранцев содержат немало сведений об употреблении вина на посольском церемониале за XVII в.

Вот какое имеется свидетельство за 1600 – 1601 гг. «Затем Император (Борис Годунов – Д.П.) посылает каждому отдельно кубок или чашу какого-нибудь испанского вина, с теми же словами и церемониями, что и прежде; тот берет, кланяется и затем садится, и так каждому в отдельности»⁵⁷⁸.

В других случаях процедура испития задравной чаши описывается так: «Царь пил за здоровье его королевского величества: послы, по желанию его,

⁵⁷⁵ ДР. Т. 3. Стб. 570 – 572. При приеме польских послов в 1667 г. царь пил за здоровье короля один раз. См.: Чиновный список, составленный, по указу 21 ноября ⁷¹⁸⁰/₁₆₇₁ года, в Приказе Большого Дворца, посольским столам и разным произведенным выдачам Польским послам в ⁷¹⁷⁶/₁₆₆₇ году, от приезда их до отпуску. 7180-1671 // Дополнения к тому 3 Дворцовых разрядов, издаваемых по Высочайшему повелению II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1852. С. 430

⁵⁷⁶ ДР. Т. 3. Стб. 572.

⁵⁷⁷ ДР. Т. 3. Стб. 572, 574.

⁵⁷⁸ *Маржерет Жак*. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 120. («Император посылает со своего стола каждому в отдельности.. называя громко по имени того, кому его предназначает, тот встает, и ему дают, говоря: Царь господарь и великий князь N. всея Россия жалует тебе, то есть Император, господин и великий герцог всех Русских оказывает тебе милость...» - Д.П.)

должны были встать с своих мест, подойти к трону и тут, приняв из царских рук по полной чаре, осушить ее»⁵⁷⁹.

В путевом дневнике 1655 г. сказано: «К половине обеда царь подозвал к себе всех посланников, бояр и царевичей и, привстав со своего места, с открытою головою и с большим бокалом в руке, провозгласил здравицу за императора, говоря: "Пью за здоровье моего дражайшего брата Фердинанда III, желаю ему здоровья, долголетия и продолжения между нами, как и между нашими предками, братской любви и дружбы, чтобы мы общими силами уничтожили общих врагов святой веры католической". Сказав это, царь осушил бокал...»⁵⁸⁰.

Вот как описывает прием 1662 г. А. Мейерберг: «Потом встал и, стоя на ступеньке престола, приделанной к нему в виде подножия, положил шапочку и скипетр, взял от подававшего большую хрустальную чашу, налитую медом, и, обернувшись ко мне, провозгласил здоровье своего любезнейшего брата, его священного цесарского величества, изъявляя желание свое в следующих словах: "Дай, Господи, чтобы мы, великие государи, могли одолеть всех наших недругов" и в три приема выпил чашу. Потом, взяв пять шапочку, сел и подал мне из своих рук большую серебряную чашу с вином, также моему товарищу и троим нашим чиновникам, которых, получив на то позволение, мы привели с собою. Когда эти чаши были осушены, он поднес нам в том же порядке и таким же образом одну за другой еще пять чаш; сам, однако, не пил больше. Мы пили их в последовательном порядке, по чинам: за здоровье его, потом первородного сына, младшего и всего его семейства и за добрый успех счастливого мира. Услыхав это последнее желание, царь сказал: "Это было великое дело!"»⁵⁸¹.

⁵⁷⁹ Дневник польских послов // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб., 1859. С. 230.

⁵⁸⁰ Путевой дневнике рагузского дворянина Франциска Гундулича, сопровождавшего посольство германского императора Фердинанда III к царю Алексею Михайловичу. Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. // Русский вестник. 1869. № 9. С. 155.

⁵⁸¹ Путешествие в Московию Барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю

В рассказе о путешествии польских послов в 1667 г. говорится: «Главным же распорядителем стола был Богдан Хитров, исполнявший должность дворцового маршала. Он подошел к послам с заявлением, что царь желает выпить за здоровье польского короля и для того просил их подойти ближе к трону, что они исполнили. Великий князь, встав, многими словами поздравил послов с началом дружеских отношений между ним и его королевским величеством вместе с республикой, пожелав при том польскому королю и его державе всякого благополучия, и выпил до дна хрустальную чашу, а вслед за тем собственноручно подал другую полную чашу послам и их сановным людям»⁵⁸².

А вот слова Я. Рейтенфельса о приеме в начале 1670-х гг.: «Царь... предлагал каждому из них кубки с пенящимся вином и пил даже сам вино в честь и во здравие их государя, своего друга...»⁵⁸³.

Отметим упоминающуюся в «Разрядах» и донесениях послов «хрустальную чашу»⁵⁸⁴. По-видимому, это был особый бокал (?), имевший строго церемониальное назначение. То, что этот сосуд был «большим» и имел форму «рюмки», мы знаем из сообщений А. Мейерберга и С. Немоевского. Нам известен только один такой сосуд, сохранившийся до сего дня. Это – так называемый «хрустальный кубок Лжедмитрия I»⁵⁸⁵. Существует предание, что боярин Хворостинин преподнес этот кубок Лжедмитрию I в день свадьбы его с Мариной Мнишек в 1606 г.⁵⁸⁶

Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение Династии. (История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв.) М., 1997. С. 167.

⁵⁸² Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году // Проезжая по Московии. Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 333.

⁵⁸³ Рейтенфельс Яков. Сказания Светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. // Утверждение Династии... С. 318.

⁵⁸⁴ См. также: «Среди этой посуды были большие золотые чарки... и которые были наполнены вареным медом, ибо этим напитком потом великий князь пил за наше здоровье из хрустальной рюмки» (Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков / сост. М.М. Сухман. М., 1991. С. 211).

⁵⁸⁵ Германия, Нюрнберг. Сер. XVI в. Хрусталь, золото, серебро, чеканка, литьё, золочение. Альбрехт Ямнитцер. ГММК, Оружейная палата.

⁵⁸⁶ http://www.armoryhall.ru/40_v37_europa_natural_collection.html.

2. Встреча царя и посла 22 апреля 1664 г. «Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович... указал у себя Государя быть в передней Аглинского короля послу Чарлусу Говорт... И как Великому Государю, Его Царскому Величеству, по приказу Королевского Величества, посол о тайных делах речь всю выговорил, и Великий Государь, выслушав, указал думному дьяку Алмазу Иванову сказать, что он Великий Государь, указал ему послу ответ учинить бояром и думным людям, которые с ним в ответе были. Да после того указал Великий Государь несть чашу с своим государевым питьем спалнику. А перед чашею шел околничей и оруженничей Богдан Матвеевич Хитрово. А за чашею несли кубки с романею спалники ж. И Великий Государь, взяв чашу и встав, изволил речь говорить кх любви и приятству и пить про королевское здоровье. И после того Великий Государь пожаловал кубок романеи послу, а после посла пожаловал бояром в кубках ренское и указал пить про королевское ж здоровье. А после того пожаловал посла ренским в кубке ж. А медами Царское Величество не изволил посла жаловать, для того что учнилось поздно и посла изволил отпустить. А как посол шел из полаты, и Великий Государь указал посла проводить бояром немногим людям»⁵⁸⁷.

Как видно, церемониал второй встречи имел «редуцированную» форму, как по месту проведения встречи («передняя» (полата?)), так и по форме (не пир, а только питье напитков, причем, только вина в кубках, без традиционной следующей подачи медов), что источник объясняет поздним временем проведения церемонии этой последней встречи посла и царя.

2. Ассортимент вин Сытенного двора царской кухни.

Разряды, по-видимому, фиксируют две категории напитков – то, что подавалось царю и послу и общий расход по «по росписям с дворцов вышло за столом про Великого Государя, и про бояр, и про Аглинского посла и его чиновных и посолских людей». Рассмотрим сведения, приведенные в

⁵⁸⁷ ДР. Т. 3. Стб. 579, 582 -583.

документах и попытаемся прокомментировать их. Известную трудность для выяснения конкретного ассортимента вин представляет некоторая неопределенность винной терминологии конца XVI – XVII вв. Эта проблема характерна не только для русских источников, но, и в целом для Европы.

В первой категории мы видим, что при тостах (три тоста – первые два поднимал сам царь, причем он пил из двух разных чаш, яшмовой братины и хрустальной чаши), «Великий Государь пил чашу про братскую любовь Карлуса, короля Аглинского, двожди», третий тост подавали: «А в чаши наливали питья, Фряския вина: романею, ренское, бастр, в три купка»⁵⁸⁸.

«А по росписям с дворцов вышло за столом про Великаго Государя, и про бояр, и про Аглинского посла и его чиновных и посолских людей:

Вин Фрянских государевы статьи: романея, бастру, ренскаго, алкану, малмазеи, кинареи, вина церковнаго Французскаго по третьнику; про бояр и в столы: 5 ведр романеи лучшие, 10 ведр романеи под тою, алкану, Фрянцузскаго по ведру; вина церковнаго пол 2 ведра...

И того ж числа послано после стола на посолской двор потчивать посла и посолских людей: ведро романеи, ведро ренскаго...»⁵⁸⁹.

Таким образом, мы видим, что к столу подавались следующие вина: «романея» («романея лучшая» и «романея под тою») «бастр», «алкан», «ренское» «малмазея», «кинарея», «вино церковное», вино «Французское».

Мы имеем счастливую возможность сравнить «винную карту» приема графа Карлайла в 1664 г. с аналогичным документом для пиров царя Алексея Михайловича и посла Речи Посполитой С.К. Беневского в 1667 г.: «А в стол в наряд было питей про Великого Государя: 1 подача: романеи, бастру, ренскаго, по купку; 2 подача: малмазеи, мушкатели, алкану, по купку ж; 3 подача: кинареи, вина Фрянцузскаго, вина церковнаго, по купку ж... Всего про Великаго Государя: романеи, бастру, ренскаго, малмазеи, мушкатели, алкану, кинареи, вина Фрянцузскаго, вина церковнаго, по 6 кружек... Про

⁵⁸⁸ ДР. Т. 3. Стб. 572.

⁵⁸⁹ ДР. Т. 3. Стб. 572 – 574.

бояр, и про околничих, и про думных людей, и про послов и про королевских дворян:.. 5 ведр романей лутчей, боярской тож, 5 ведр бастру, 2 ведра ренскаго, 5 ведр алкану, 4 ведра вина Фрянцужскаго, 3 ведра вина церковнаго... А питей в столы было: про Великаго Государя: первая подача: романей, бастру, ренскаго, по кубку; вторая подача: малмазеи, мушкатели, алкану, по кубку ж; третья подача: кинареи, вина Фрянцужскаго вина церковнаго, по кубку ж... Всего вышлао питея про Великаго Государя: романей, бастру, ренскаго, малмазеи, мушкатели, алкану, кинареи, вина Фрянцужскаго, вина церковнаго по 6 кружек. Про бояр, и про околничих, и про думных людей, и послов и про королевских дворян... 5 ведр романей лутчей, 5 ведр романей под тою, 2 ведра бастру, 5 ведр ренскаго, 5 ведр алкану, 4 ведра вина Фрянцужскаго, 3 ведра вина церковнаго... После стола послано государева жалованья на посолской двор столником с Никитою Шереметевым: 3 ведра романей, ренскаго, олкана...»⁵⁹⁰.

Здесь мы видим тот же ассортимент вин, добавлен только «мушкатель». Кажется, мы можем предположить, что для середины XVII в. этот набор вин представляет собою «базовый стандарт» дворцовой гастрономии. Кажется, что иногда этот «базовый ассортимент» давался почти насильственно. Как сообщает Николаас Витсен, рассказывая о посольстве 1664 -1665 гг.: «Перед тем как сесть, посол просил, чтобы ему не давали меда и испанского вина, а только русское и французское вино, что ему и обещали. Но когда сели, то они не сдержали слова, оправдываясь тем, что "таковы наши обычай". Короче, мы снова должны были против воли неприлично напиться: пили полными ковшами испанское вино...»⁵⁹¹.

Вино из царских погребов использовалось не только для послов и их свиты. Мы знаем о посылке в 1669 - 1673 гг. вина царским фаворитам А.Л. Ордину–Нащокину и Андрею Савиновичу, митрополиту Паисию, некоторым дворцовым служащим по случаю свадьбы детей: «к Афанасью

⁵⁹⁰ Чиновный список, составленный, по указу 21 ноября 7180/1671 года... С. 418–420,430 -432, 437.

⁵⁹¹ Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 142.

Лаврентьевичю, что послано к нему с ним Юрьем: раманей, ренского по 10 ведр, алкану 3 ведра, вина церковного 12 ведр... Июля в 22 день... Того ж числа по указу великого государя послана в Приказ Большого Дворца роспись, а велено отослать к Благовещенскому протопопу Андрею Савиновичю на свадьбу выдаванья дочери ево... раманей, ренсково... Марта в 4 день по указу великого государя дано Газскому митрополиту Паисию... вина церковного 2 ведра с Сытного Дворца, Августа в 18 день... Того же числа дано государева жалованья духовнику Андрею Савиновичю для ево имянин...: з Дворцов: с Сытного – алкану... раманей 2 ведра. Генваря в 29 день по указу великого государя велено дать ево государева жалованья с Аптекарского двора государевы Мастерские Полаты дьяку Федору Казанцу для Новгородские посылки... ведро раманей... Генваря в 29 день по указу великого государя велено дать ево государева жалованья с Аптекарского двора государевы Мастерские Полаты дьяку Федору Казанцу для Новгородские посылки:.. ведро раманей... Июня в 1 день послан государев указ на Аптекарской двор, велено дать Мелетию дьякону черному в приказ ренского полведра, раманей ведро... Июля в 11 день послан государев указ на Аптекарской двор, велено дать ево государева жалованья Приказу Тайных Дел подьячему Артемью Степанову для свадьбы, что он выдает дочь свою замуж... раманей, ренского»⁵⁹².

Здесь набор несколько меньший, чем в посольских подачах – «романея», «ренское», «алкан», «церковное вино».

3. Снабжение винами Сытенного двора.

Очевидно, что все вина на Руси вплоть были импортными. Никаких письменных источников для XIV – XV вв. об этом нет. Интересно сравнить составленный нами перечень с документами, показывающими, какие вина закупались царским двором для потребления. В 1636 г. для царского двора в

⁵⁹² Дела Тайного приказа. Книга первая. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическую комиссию (далее – РИБ). Т. 21. СПб., 1907. С. 1189, 1333, 1586, 1602, 1625, 1650, 1652.

Архангельске закупаются: романея, бастр красный, вино белое французское, алкан, вино красное церковное, вино «Петр Симон» («Педро Хименес»): «В нынешнем во 144 году, октября в 4 день, писали ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, с Двины, воевода Григорей Плещеев да дьяк Тимофей Пчелин, что купили у Архангилского города таможенные головы Михайло Неупокоев с товарищи на государев обиход фряских вин и пряных зелей а сколько чего куплено и тому прислали роспись, а в росписи написано: Куплено на государев обиход: 25 бочек беременнх романей; 2 бочки беременнх бастру карсного; 8 бочек беременнх вина белого французского; 2 бочки беременнх алкану; 15 бочек полубеременнх вина красного церковного; 3 бочки беременнх Петра Симону... И всего за фряские вина и за пряные зелья и за блюда дано денег 1825 рублей и 4 алтына с полуденгою и отпущены те вина и пряные зелья и блюда от Архангелского города с стряпчим с Аврамом Семичовым и с целовалники»⁵⁹³.

В предыдущем году было привезено: романея, алкан, вино французское, «питья шпанские», красное церковное вино: «В прошлом во 143 году, августа в 1 день, да августа ж в 28 день, да в нынешнем во 144 году октября в 4 день писали ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, с Двины, воевода Григорей Плещеев да дьяк Тимофей Пчелин, что в прошлом во 143 году, июля с 3 числа июля ж по 13 число, пришло к Архангилскому городу кораблей Галанские земли 11 кораблей, Аглинские земли корабль. Да июля с 14 числа августа по 1-е число пришло Галанские земли 7 кораблей, Аглинские земли 4 корабля, от города Амбуха 5 кораблей, Датцкие земли от города Бергуна корабль, к Галанцу к Давыду Миколаеву. Да августа ж с 5 числа августа ж по 31 число пришло Галанские земли 15 кораблей, да Любские земли корабль, да Аглинские земли 2 корабля. И всего июля с 3 числа августа по 31-е число пришло к Архангилскому городу

⁵⁹³ Росписи узорочным товарам, винам и другим предметам, купленным в Архангельске на государев обиход. 1636, октября 4 // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 162. С. 561 -562

кораблей из розных земель 47 кораблей а на них узорных товаров в привозе... Фряские вина: 165 бочек береманных романей; 22 бочки береманных алкану; 37 бочек береманных да 9 бочек полубереманных вина французского; 11 бочек береманных да 8 бочек полубереманных питей шпанских; 79 бочек полубереманных вина церковного красного...»⁵⁹⁴.

В 1649 г. в Архангельске для царского двора требовалось закупить: «романею лучшую, бастра красного лучшего, бастра белого, алкану лучшего, алкану «под тем», ренского прямого, мушкатели белого, мушкатели красного, мармазеи, кенареи... 5 бочек береманных романей лутчие; 3 бочки береманных бастру красного лутчево; 3 бочки береманных бастру белого; бочка береманная алкану лутчево; 2 бочки береманных алкану под тем; 2 бочки береманных ренского прямого; 3 бочки береманных мушкатели белые; 3 бочки береманных мушкатели красные; 2 бочки береманных мармазеи; 2 бочки береманных кенареи»⁵⁹⁵.

Возможно, что снабжение Сытенного двора могло осуществляться и иными способами, не только в виде централизованных оптовых закупок, а частным подрядом или дарением. Так, например, мы знаем, что в посол Генеральных штатов подарил царю и продал на Сытенный двор («царские погреба») некоторые вина: «8 зеленых стклянок. Все наполнены лучшим вином Фронтиньяк... Маршал и фан-Асперен были также с подарком в 1 анкер лучшего вина Фронтиньяк, 1/2 аамы лучшего старого Рейнского вина, 1 оксгоофт секта, 1 оксгоофт вина Аликанте, 1 оксгоофт Французского вина, посланы к государственному канцлеру и боярину Артемону Сергеевичу, где они получили угощение с подобным же засвидетельствованием дружбы и приязни к его превосходительству (Посольские дары царю – Д.П.)... В воскресенье, 21-го июня, утром, его превосх[одительство] получил 2000

⁵⁹⁴ Росписи узорочным товарам.... № 162. С. 563 -564.

⁵⁹⁵ Роспись сколько купить на государев обиход ко 163-му году у Архангелского города. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (далее - ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. С. 206.

рублей или дукатов в оплату за вино, которое его вельможность доставил заведывающему погребом его царского величества»⁵⁹⁶.

Как видно, набор вин, отраженный в документах, описывающих казенную закупку вин, в целом, соответствует отчетам Сытенного двора, показанных в «Разрядах». Нам кажется уместным привести здесь и те отрывочные сведения разных источников, которые рассказывают о винной торговле и употреблении вина в России в XVII в.

Источники XVI –XVII вв. называют приблизительно один набор вин. Если Сигизмунд Герберштейн говорит только о «Мальвазии» и «Греческом вине»⁵⁹⁷, то наиболее ранний сохранившийся реестр импортных вин, датированный временем после 1572 и до 1610 гг. показывают нам уже следующие сорта вина: «Алкат», «Бастр», «Конарское», «Красное», «Мушкатель», «Ренское», «Романею», «Шпанское»⁵⁹⁸.

Новгородские таможенные документы 1610-х гг. упоминает такие вина: «Алкан» («Алкант», «Аликанч»), «ишпанское вино Бастр», «Ковитово вино», «Коньячное» («Коньякское», «Коянское») вино», «Красное вино», «Красное питье», «Крилгелия», «Пардие (?) вино», «Ренское вино», «Франское вино» («Вранское вино», «Фряское вино»), «Шпанское вино»⁵⁹⁹. Послы Любека отмечают: «явился к нам пристав в сопровождении знатного дворянина и толпы слуг с царским угощением, состоявшим из следующих яств и напитков... в довольном количестве романея, мальвазия, аликанте,

⁵⁹⁶ Койэтт Б. Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900 С. 413, 426. *Примечание публикатора:* «Цифры приведены неточные. Вино несколько раз переценивалось. Кленку причиталось сначала 1955 рублей за 12 бочек беременных алкану (вино Аликанте??; 60 р. бочка), 17 бочек полубеременных романеи пряной (30 р. бочка) и 29 бочек полубеременных Ренского (25 р. бочка). Потом принят был в расчет «винолог (сект??) против Ренского»: за 17 1/2 бочек романеи и высший винолог решили дать по 60 руб. за бочку, за 27 полубеременных бочек романеи и 6 бочек низшего винологу разочли по 25 р. за бочку. Итог получился теперь, почему-то, в 2415 рублей. Деньги были выданы из доходов Владимирской чети (Голл. кн. № 9, лл.512 об. — 520 об.)» (Там же. С. 530).

⁵⁹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 561.

⁵⁹⁸ Сахаров И. Торговая книга // Записки Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Археологического Общества. Т. 1. СПб., 1851. С. 129.

⁵⁹⁹ Коваленко Г.М. Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 466-469; Селин А.А. Таможенная книга Невского устья 1616-1618 гг. // Там же. С. 475-482.

бастр, рейнвейн и другие испанские и заморские вина разных сортов, каких нам прежде ни видеть, ни пробовать не случалось»⁶⁰⁰.

Новоторговый устав 1666(1667???) г. знает вина: алкан, бастр, малмазею, мушкатель, романею, ренское, вино церковное⁶⁰¹.

И.Г. Кильбургер в 1672 – 1674 гг. говорит об импортируемых винах: «испанское вино», «петер-сцемен» (Педро Хименес»), мальвазия, тинт, «мускатное вино», сект, аликант, «вино бастерт» (белое?), «того же (бастерта) красное», «белое французское вино», «красное французское вино», «хорошее белое французское вино», «(хорошее) красное (французское вино)»⁶⁰².

Вино могло быть закуплено и в свободной продаже на торге. Именно там, по-видимому, приобретали вино знатные «москвиты». «На своих пирах и вечеринках москвитяне употребляют вдоволь кушаньев и напитков, так что часто велят подавать до 30 и 40 блюд... Так же поступают и с напитками и стараются иметь их разные роды, а именно: рейнское, угорское, белое и красное, французское вино, "Педро Хименес", мальвазию»⁶⁰³; «У самых знатных лиц, наравне с хорошим пивом, подаются за столом также испанское, ренское и французское вино»⁶⁰⁴.

Эти утверждения хорошо иллюстрирует опись имущества М.И. Татищева, убитого на службе в Новгороде в 1609 г.: «Ведро с третью

⁶⁰⁰ Поездка Ганзейского посольства в Москву (1603 г.) // Сборник материалов по Русской истории начала XVII века. СПб. 1896. С. 31.

⁶⁰¹ Новоторговый устав 1667 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 132 – 133.

⁶⁰² Кильбургер И.Ф. Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России. Сочинено Иоганном Филиппом Кильбургером. // Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 126, 130, 134 -135, 140, 142, 147

⁶⁰³ Петрей Петр. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Урлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии (История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв.). М., 1997. С. 420.

⁶⁰⁴ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 189.

романеи... цена 25 алтын. Пол ведра ренскаго, цена 15 алтын. Пол ведра алхану, цена полтина»⁶⁰⁵.

Многие иностранцы описывают торговлю вином в Москве, проходившую на Торгу. «Упомянутая выше площадь так обширна, что достаточна для торговых помещений всего города. Там виноторговцы продают разного рода вина - особенно романею (так они зовут мозельское), потом пертцимент, т.е. испанское, потом ренское, фряжское и другия»⁶⁰⁶. «Напротив рядов находятся винные погребки, построенные из кирпича и камня, холодные летом и теплые зимой»⁶⁰⁷. «К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянущийся почти на полмиллиария, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, товар выставлен для продажи только в назначенном для него месте... в третьем — иностранные вина, причем до двухсот погребов расположено в ряде под землею»⁶⁰⁸. «О винных... погребках. На базаре или большом рынке перед Кремлем есть множество винных погребов, стоящих рядом, которые частью принадлежат казне, а большею частью частным людям. Но в них продают только испанское и французское вино. Войдя в погреб, тотчас подают тебе разные пробы в скляночках, и какие выберешь, о том торгуются. Мера называется "галенками", "пол и четверть галенками", делаются (они) из луженой меди без крышки, очень гадки и походят на ночные горшки. "Галенок" почти равен шведскому "стоопу"... Для закуски можно иметь хлеб, изюм или миндаль»⁶⁰⁹.

⁶⁰⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. С. 19.

⁶⁰⁶ Посольство в 1678 г., описанное Таннером // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (далее - ЧОИДР). 1891. Кн. 3 (158). С. 61.

⁶⁰⁷ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским / пер. с арабского г. Муркоса (по рукописи Московского главного архива министерства иностранных дел). Вып. 4. Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра. М., 1898. С. 3.

⁶⁰⁸ Рейгенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии // Иностранцы о древней Москве... С. 353.

⁶⁰⁹ Кильбургер Иоганн Филипп. Краткое известие о русской торговле... С. 126, 130, 134 -135, 140, 142, 147.

Вино привозили, в основном, голландцы и англичане. Об импорте итальянских вин итальянцами мы до петровского времени ничего не знаем⁶¹⁰. «Вино ввозят из Голландии, Англии и других стран в таком количестве, что они считают ненужным разводить виноградники»⁶¹¹. Характерно, что сирийский диакон Павел Алеппский, описал французские или испанские вина, как «английские»: «В серебряных вызолоченных чашах были различныя водки и английския вина»⁶¹².

4. Хранение вин в Кремле.

Вина для царского двора хранились в Кремле, на Сытенном дворе (дворце): «Сытенной двор имянуется потому, где питье держат; питье... А куды то питье исходит, и тому роздача писана ниже сего: послом, посланником, и гонцом, и посолским людем, поденно, по указу; и романея, и Ренское, и Французское, и иные заморские питья исходят, кому указано, поденно и понеделно. И что про царской расход исходит, и того описати немочно. А будет на том дворе всех питейных погребов болши 30, кроме погреба, что з заморскими питьями. И во всех тех погребах питья всякие стоят во лду, и бывает тот лед из году в год, от марта месяца до такова же времени, бес пременения»⁶¹³. Скорее всего, именно о царских погребах писал Петр Петрей, рассказывая о разграблении Кремля: «Когда город сгорел... Никто не хотел пить пива, меда и водки, а одно рейнское, французское, угорское, мальвазию и разные цельные вина, все без примеси; в погребах вдоволь найдено всякого продовольствия»⁶¹⁴.

«Кладовые царского дворца полнехоньки всем, что только Амальтея придумает излить из своего рога изобилия для роскоши смертных, а винные

⁶¹⁰ Шаркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 150-153.

⁶¹¹ Стрейс Ян. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа. (История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв.) М., 2000. С. 233.

⁶¹² Путешествие ангиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века... Вып. 2. (от Днестра до Москвы). М., 1898. С. 99.

⁶¹³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа...

⁶¹⁴ Петрей Петр. История о великом княжестве Московском... С. 175.

погреба не только уставлены множеством бочонков с критским, испанским, французским, рейнским и астраханским винами, но также и бочек с пивом, различными медами и водкой, а в летнее время всегда набиты грудями льда; все это составляет немаловажную статью в счете издержек царского расходчика... Вина, выписываемы ими в большом количестве из Испании, Франции, Германии, Греции, и астраханское они пьют редко»⁶¹⁵.

По словам И.Е. Забелина, «Фряжский погреб находился под столовою и Ответною палатами, вблизи Благовещенского собора, отчего и внутреннее крыльцо у этих палат прозывалось также Фряжским. Окнами этот погреб выходил на Нижний Набережный сад. В нем, в трех обширных помещениях сохранялись фряжские питья: алкан, тентин, сек, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастр красный и белый, ренское, церковное и др»⁶¹⁶. К сожалению, исследователь не указал, из какого источника он взял этот перечень. Чуть ниже он пишет: «По описи 1702 г., в Сытном дворце, ведавшем приготовлением, хранением и отпуском напитков "про государев обиход", находились 125 бочек рейнского, 229 бочек церковного вина»⁶¹⁷.

Совершенно ясно, что ассортимент винных подач на пиру для графа Карлайла, в целом, соответствовал ассортименту вин, которые в конце XVI – XVII вв. пили при дворе и в домах знати. Отметим только отсутствие на пирах для английского и польского послов «венгерского» («угорского») и вина «Педро Хименос», упоминаемых в других источниках. «Угорское» вино в царском погребе фиксируется в отчете о визите имперского посла Авраама Бургграфа в 1597 г: «А что послано к послу от Государева стола ествы и питья, и тому роспись. С сытнаго дворца: кубок романеи, кубок ренского, кубок мушкатели, кубок вина Францовского белого, кубок бастру, кубок

⁶¹⁵ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение Династии... С. 155-156.

⁶¹⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей... С. 113 -114.

⁶¹⁷ Там же. С. 116.

алкану, кубок мармазеи, кубок вина Угорского»⁶¹⁸. То что «Педро Хименес» было на Сытенном дворе, мы знаем не только из документов закупки вин в Архангельске, но и из посольского отчета польского посольства 1678 г., для которого это вино подавалось на посольском дворе в виде «корма»: «вино и притом разное, подававшееся к столу сообразно цене и вкусу: во-первых рейнское, во-вторых мозельское, петрцимент и французское (что-то вроде вина этого названия) в-третьих. Наконец подали испанского, и кравчие при перемене сортов вина и соблюдении порядка других напитков поднимали такие громкие крики и свист, что послам да и всем прочим, бывшим за столом, пришлось в удивлении замолчать»⁶¹⁹.

5. Сорта вин.

1. Романея лучшая. Романея «под тою».

Два сорта романеи мы знаем по нескольким источникам: «Когда убрали со стола, он послал каждому из нас по большому стакану крепкой романеи, которую мы должны были выпить.... к герцогу Гансу пришел вышеупомянутый стольник... он привез с собою герцогу Гансу от царя... два сорта крепкой романеи и вина.... 21-го октября упомянутый стольник был опять у герцога Ганса... привез.. два сорта романеи»⁶²⁰. «Роспись, сколько на государев обиход купить у Архангельского города фряских вин и пряных зелей и блюдного и прутового олова» показывает три вида романеи: «5 бочек беременных романеи лутчие. 6 бочек беременных романеи под тою. 9 бочек беременных романеи плохой»⁶²¹. Возможно, «лучшая» романея имела

⁶¹⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. 2. (с 1594 по 1621 год). СПб. 1852. С.497.

⁶¹⁹ Посольство в 1678 г., описанное Таннером... С. 56.

⁶²⁰ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3.

⁶²¹ Наказы и памяти гостю Василию Федотову и головам Ивану Мельцеву и Денису Петрову о сборе таможенных пошлин и какцких денег в Архангельске и на Колмогорах и проч. // ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. С. 206.

названия «боярская» («Про бояр, и про околничих, и про думных людей, и про послов и про королевских дворян: 2 кружки водки анисовой из романеи, коричной тож, 8 кружек водки боярской, 5 ведр романеи лутчей, боярской тож») (выделено нами – Д.П.)⁶²². По – видимому, к царскому столу подавали только два сорта романеи, а третий, «плохой», использовался для «внутреннего потребления» служителей двора.

Романея, вероятно, могла быть и красной и белой: «А на те было денги шпанские купити товару шпансково 600 бочек вина шпансково алкату, романеи и красной и белой (выделено нами – Д.П.) и бастру по 11 дукиц бочку, а всех тех винных денег шпанских 6600 дукиц, а русских денег 3267 рублей...»⁶²³. Есть упоминание о «романеи пряной»: «17 бочек полубеременных романеи пряной (30 р. бочка)»⁶²⁴.

Что именно русские источники имеют ввиду под названием «романея», не совсем ясно. Не проясняют ситуации и упоминание ее в рассказах иностранцев. «Виноград они не сажают, а вино они называют "романия", встречается оно редко и привозится из-за границы; хранится только у самого князя, который сам распределяет его среди епископатов по всей Московии для святого причастия»⁶²⁵. Ричард Джемс переводит слово «Романея» как «Sacke» - «Romania, sacke» Б.А. Ларин, как нам кажется, ошибся, переведя это как «испанское (сухое) вино – романия»⁶²⁶, т.к. в начале XVII в. это было сладкое вино.

Б. Таннер называет «романею» «мозельским» вином: «Там виноторговцы продают разного рода вина - особенно романею (так они зовут

⁶²² Чиновный список, составленный, по указу 21 ноября 7180/1671 года... С. 419

⁶²³ «Роспись, што было, государь, итти моему русскому товару в ышпанскую землю и в аглинскую землю и во францовскую землю и в неметцкую землю и во всю заморскую землю, и тот, где, нынече мой товар от них насилства и обиды стоит с караблем. Вторичное в Англию отправление толмача Бекмана с жалобою на Англинских купцов о не платеже по кабалам должным боярам и разного чина людем денег» // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 38. СПб. 1883. С. 217 – 218.

⁶²⁴ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб. 1900. (переиздание: Рязань., 2008. С. 548, прим. 2).

⁶²⁵ Компани Дж. П. Московское посольство // Иностранцы о древней Москве... С. 88.

⁶²⁶ Ларин Б.А. Русский словарь – дневник Ричарда Джемса (1618 – 1619 гг.) Л., 1959. С. 87.

мозельское)»⁶²⁷. Вероятнее всего, Б. Таннер пил белое вино и что-то перепутал. Почти все современные мозельские вина – белые.

«Не имея местного вина, они обычно пользуются привозным, но только при торжественных пиршествах и при богослужении. Особенно высоко ценится у них сладковатое критское вино, но оно употребляется только для врачебных надобностей или с целью хвастовства особой княжеской роскошью»⁶²⁸.

«Первое, что подавали нам пить виначерпии, было критское вино, чудесного красного цвета и отличного вкуса»⁶²⁹.

2. «Бастр».

«Ишпансково вина бастру три пипы»⁶³⁰.

3. «Ренское».

Очевидно, что под «ренским» имеется ввиду «рейнвейн». Это вино, видимо, имело достаточно широкое распространение (насколько уместно такое выражение для такой огромной страны, как Россия в XVII в.), им активно торговали: «да бочка рянского же питья беременная»⁶³¹, «явил кадашевец Мирон Иванов по пусторжевской выписи 12 бочек ренского»⁶³². За год в этой таможне было явлено 47,5 бочек рейнвейна.

«Ренское», по-видимому, было самым дешевым сортом вина среди ассортимента вин, продававшихся в России.

⁶²⁷ Посольство в 1678 г., описанное Таннером... С. 61.

⁶²⁸ Фоскарино Марко. Донесение о Московии второй половины XVI века // Источники истории. Марко Фоскарино. Донесение о Московии. Аксель Гюльденстиерне. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию. Томас Смит. Путешествие и пребывание в России. Георг Паерле. Записки Георга Паерле. Рязань, 2009. С. 65.

⁶²⁹ Путешествие ангиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Вып. 3 М., 1898. С. 27.

⁶³⁰ Коваленко Г.М. Таможенная запись 1615 г... С. 467.

⁶³¹ Книга сбора таможенных и судовых пошлин с торговых людей гостиной сотни. / Таможенная книга Великого Устюга головы Панкратия Харламова за 1634/35 г. 1636 г. после января 30 - ранее июля 20. // Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып 1. СПб., 2013. С 106

⁶³² Книги московской большой таможни - новгородская, астраханская, малороссийская. 1693-1694 гг. М., 1961. С. 25.

3. Torgovaisli somnoi vina rinschoia tzo karabli begaiutt.

Wultu mytt my koepslagen mytt wyne dar de schepe vp segelen.

Торговаешь(!)ли со мной вино ренское, что карабли бегают?

Will you make a bargain with me in [the Rhine] wine with which the ships are coming?⁶³³

Из чуть более позднего источника (1723 г.) известно о «ренском сладком» и «ренском приказном» (Обед в монастыре царицы Прасковьи Федоровны 14 июня 1723 г. и обед в монастыре членов Св. Синода 29 декабря 1723 г.)⁶³⁴ «у знатных людей из всех напитков более в почете испанское вино; рейнвейн у них не очень в ходу»⁶³⁵.

4. Алкан

«Посланец велел поставить перед послами три больших бокала, наполненных вином Аликанте, рейнским вином и медом»⁶³⁶.

5. Малмазея. Мальвазия - Мальвазия.

Первоначально, мальвазией называли вино, производимое на Пеллопонесе в XIII - XVвв. и которое венецианцы вывозили из византийской Моневмасии. Это было сладкое вино⁶³⁷.

6. Кинарея.

«Кинарея» - это может быть только вино, привезенное с Канарских островов. «Дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду,

⁶³³ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Volume II. Copenhagen, 1970, Commissioner: Munksgaard. S. 168.

⁶³⁴ Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. С. 143, 145.

⁶³⁵ Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666-1670 гг. // Исторические записки. Т. 17. 1945. С. 301.

⁶³⁶ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию... С. 137

⁶³⁷ Harris J. «More Malmsey, your grace?» The export of Greek wine to England in the Later Middle Ages. // Eat, Drink and be Merry (Luke 12:19) - Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer. «Ashgate Publishing Ltd». 2007. P. См. также: Monemvasia, Seventh – Fifteenth Centuries // Haris Kalligas. The Economic History of Byzantium : From the Seventh through the Fifteenth Century. Angeliki E.Laiou, Editor-in-Chief. Published by Dumbarton Oaks Research Library and Collection, D. C. 2002. P. 877–897

примерно в три шопина каждый, с винами разных сортов, но по большей части с крепкими винами из Испании, с Канар и из других мест»⁶³⁸.

7. «Вино церковное». («Вино церковное Французское»).

Ричард Джемс так пишет об этом вине: «Vino sarxovna – claret vine quo solo in sacris utintur, sed cum de 10 Anno Arxangeli combureretur dixit quidam mercatorum se popis ipsorum contra festum Nativitis paraturum potum Eucharistixum» – «Красное вино которое только в и употребляют для причастия, но в 10 году (= 1610) в Архангельске все выгорело, один из купцов предложил своим попам, что он приготовит к празднику Рождества причастное питье»⁶³⁹.

8. Французское вино. «Французское белое».

Интересно, что и в словаре нач. XVIII в. мы встречаем тот же набор вин: «Малмазея» («Алкан»), «вино Алакант», «вино Ренское», «вино Французское», «вино Ишпанское», «вино белое», «вино церковное красное»⁶⁴⁰.

Мы постарались показать, что на протяжении XVI – XVII вв. и к царскому столу, и в повседневной жизни употреблялся приблизительно одинаковый, но достаточно разнообразный набор вин. При этом, ни набор сортов, ни меню на протяжении веков принципиально не менялись, мода на винные напитки была относительно стабильной.

⁶³⁸ Маржерет Жак. Состояние российской империи... С. 158.

⁶³⁹ Ларин Б.А. Русский словарь... С. 141.

⁶⁴⁰ Lateinisch-Rußisch und Teutsches Vocabularium. Латино – российская и немецкая словесная книга. «Печатана в 1732 году». С. 43.